

ISSN 3034-6339

№ 2(7) (2025)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.

Политика. Право.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**ISSN 3034-6339****Серия 3. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА. ПРАВО.****2025 № 2 (7)***Научный журнал*

основан в августе 2022 г.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>), дополнительное соглашение № 2 от 11.03.2025 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Журнал принимает оригинальные, ранее не опубликованные статьи по следующим направлениям:

РУБРИКИ ГРНТИ:

030100. Общие вопросы исторических наук; 030900. Всеобщая история; 032300. История России; 032900. История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности; 103100. Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс); 107900 Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс); 100700. Теория государства и права; 100900. История государства и права; 110100. Общие вопросы политических наук; 110900. История политических учений; 111500. Теория политических систем. Внутренняя политика; 112500. Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия

РУБРИКИ ОЕСД

505. Law; 506. Political science; 601. History and archaeology

Номенклатура научных специальностей ВАК:**5.1 – Право**

- 5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки;
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки;
- 5.1.5 – Международно-правовые наук

5.5 – Политические науки

- 5.5.1 – История и теория политики;
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии;
- 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики;
- 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6 – Исторические науки

- 5.6.1 - Отечественная история;
- 5.6.2 – Всеобщая история;
- 5.6.3 – Археология;
- 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Журнал индексируется в следующих каталогах: РИНЦ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Казак Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)

Доможир Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)

Полякова Мария Александровна, доктор педагогических наук, доцент, директор Института истории и права

Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александров Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права

Васильева Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Горячева Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Дроздов Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Ильяш Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Сибирского юридического университета

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общественные науки» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал)

Курков Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Тарасова Любовь Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Коненкова Наталия Викторовна (технический редактор)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 606

Тел.: (4842) 50-30-21; + 7 953 332 24 53; + 7 901 635 97 64

E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Адрес типографии: Отпечатано «Наша Полиграфия», 248600, г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126

УЧРЕДИТЕЛЬ: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Власов А. Е. ЖИЗНЬ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЖАНДАРМСКОГО ПРОВОКАТОРА ТРИФОНА КАРАНДАСОВА	6
Иванов С. В. СОЛДАТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПИСЬМАХ ИЗ «ОКОПА» КАЛУЖАНИНА Л. Н. ЗОРИНА (ИЮЛЬ 1942 Г.)	13
Иевлева О. И., Майорова Н. О. ЭНТУЗИАЗМ И «ПЕРЕГИБЫ»: КОМСОМОЛЬЦЫ КАЛУЖСКОГО ОКРУГА В ХОДЕ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	18
Ковалев А. В. ТРУДОВОЕ УБЕЖИЩЕ ДЛЯ УВЕЧНЫХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ	23
Кузнецов А. Н. ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ	28
Кузнецов А. Н., Штена А. В. К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА КАК ВЕЩЕСТВЕННОГО ИСТОЧНИКА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ	35
Любинас В. М., Курков В. В. ФЕМИНИЗМ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В США И ЕС В XX ВЕКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОТБОРЕ МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПРОБЛЕМНЫХ УРОКОВ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ	42
Мосягин М. Н., Штена А. В. ОТ ЭНТУЗИАЗМА ОДИНОЧЕК – К ПОЛКУ КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ: ВКЛАД АНАТОЛИЯ ЭРНЕСТОВИЧА БАУЭРА В ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В Г. МАЛОЯРОСЛАВЦЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (1960–1970-Е ГГ.).....	47
Панасюк В. В. АГРАРНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ	55
Тарасов С. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ (МОПР) НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1930–1947 ГГ.....	60
Тарасова Л. В. КОГНОМЕН AUGUSTA В СИСТЕМЕ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I ВЕКА Н.Э.	71
Шелудяков И. Ф. ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ КОММЕРСАНТА П.С. РАКОВА	78

Шмидт Вальдемар

НЕМЕЦКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД «ЭРЫ ДЕРНБУРГА»
(1906–1910 ГГ.): РЕФОРМЫ В ГЕРМАНСКИХ КОЛОНИЯХ В АФРИКЕ ИХ
ЗНАЧЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ83

ПОЛИТИКА**Горячева Е. А.**

ВЕЛИКОЕ ВОСТОЧНО-ЯПОНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 2011 ГОДА КАК РУБЕЖ В
ТРАНСФОРМАЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ93

Комбарова В. С.

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА НОВОГО БАНКА РАЗВИТИЯ И ПУЛА УСЛОВНЫХ
ВАЛЮТНЫХ РЕЗЕРВОВ БРИКС100

Шкарупа Е. А.

РОССИЙСКАЯ (ГРАЖДАНСКАЯ) ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО– ПРАВОВОЙ
КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ104

Шляпников А. А.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ110

ПРАВО**Афонина О. С., Петренко И.А.**

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЕЩЬ» И «МАТЕРИАЛ» В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ116

Глазовский В. В.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ120

Комарова С. И., Федоров А. Г.

ЭВОЛЮЦИЯ ВИНДИКАЦИОННОГО ИСКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ:
ОТ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА К ВЫЗОВАМ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ125

Липтев Е. В.

МОТИВ КРОВНОЙ МСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ131

Магомедова Е. А., Зайцева М. А., Баранова К. А., Танасийчук Я. В.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ135

Магомедова Е. А., Зайцева М. А., Еремичева А. С., Печенцова Е. С.

ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОНДЫ В РОССИИ: ПРАКТИКА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ141

Мельникова Е. А., Федоров А. Г.

ПУБЛИЧНЫЙ ДОГОВОР: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ147

Уманцев Н. В.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ
РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА152

Уманцев Н.В., Ершов К.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НОВЫЕ
ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ158
РЕЦЕНЗИИ

Белова И. Б.

РЕЦЕНЗИЯ НА: КОБЛОВА Н. А. ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ): ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК: 5.6.1 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ. – ПЕНЗА: ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2025.
– 332 с.167

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ172

ИСТОРИЯ

УДК 93; 94(47).083

А. Е. Власов

ЖИЗНЬ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЖАНДАРМСКОГО ПРОВОКАТОРА ТРИФОНА КАРАНДАСОВА

Данная статья посвящена анализу деятельности Трифона Павловича Карандасова, секретного сотрудника Калужского губернского жандармского управления в 1907–1917 гг., и его разоблачению после Февральской революции. На основе компаративного анализа протоколов допросов, служебных донесений жандармерии и автобиографической «исповеди» Т. Карандасова исследуются мотивы его сотрудничества с политическим сыском, противоречия в его показаниях и попытки самооправдания. Особое внимание уделяется решению Калужского межпартийного совестного суда, вынесшего приговор провокатору, что позволяет оценить роль общественного мнения и революционной юстиции в условиях 1917 года.

Ключевые слова: 1917 год; жандармерия; Калуга; межпартийный совестный суд; «охранка»; политический сыск; провокатор; Трифон Карандасов; Февральская революция.

А. Е. Vlasov

THE LIFE AND EXPOSURE OF THE GENDARME PROVOCATEUR TRIFON KARANDASOV

This article analyzes the activities of Trifon Pavlovich Karandasov, a secret agent of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department in 1907–1917, and his exposure after the February Revolution. Based on a comparative analysis of interrogation protocols, gendarmerie reports, and T. Karandasov's autobiographical "confession," the article explores the motives behind his collaboration with the political police, the contradictions in his testimony, and his attempts at self-justification. Special attention is given to the decision of the Kaluga Inter-Party Conscience Court, which sentenced the provocateur, allowing for an assessment of the role of public opinion and revolutionary justice in the context of 1917.

Keywords: 1917; gendarmerie; Kaluga; Inter-Party Court of Conscience; «Okhranka»; political investigation; provocateur; Trifon Karandasov; February Revolution.

Изучение феномена провокации в политическом сыске Российской империи представляет собой важную задачу для понимания механизмов функционирования самодержавной власти и её борьбы с революционным движением. Деятельность секретных агентов охранки, внедрявшихся в революционные организации, оказывала существенное влияние на ход политических процессов, формируя сложную и, зачастую, трагическую картину взаимоотношений власти и общества.

Статья посвящена анализу конкретного случая – деятельности Трифона Павловича Карандасова, секретного сотрудника Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ), и его разоблачению после Февральской революции 1917 года. Целью данной статьи является реконструкция биографии и деятельности Т.П. Карандасова как провокатора, анализ мотивов его поступков,

выявление противоречий в источниковой базе и оценка судебного решения, вынесенного ему в условиях революционного времени.

Исследование феномена провокации в деятельности политической полиции Российской империи имеет давнюю и обширную историографию. К числу общих работ о провокации следует отнести монографию З.И. Перегудовой, представляющую собой комплексное исследование истории политического сыска в России, охватывающую структуру, методы работы (включая провокацию), личный состав и правовые основы деятельности охранных органов. Автор уделяет внимание как организационным, так и морально-этическим аспектам провокационной деятельности [13]. А.И. Спиридович в своей работе «Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.», несмотря на мемуарный характер, даёт взгляд «изнутри» на политиче-

скую обстановку в России, включая информацию о провокаторах [14].

Мемуары начальника Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова «На лезвии с террористами» содержат информацию о методах работы охраны и разоблачении провокаторов, в частности, Евно Азефа. Работа является ценным источником, но требует критического подхода, учитывая заинтересованность автора в оправдании действий охраны [7].

Анализ громких политических процессов, в которых всплывали факты провокаций и злоупотреблений со стороны полиции, проводит Н.А. Троицкий в своём исследовании «Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг.» [15]. Деятельности Долгушина – одного из первых провокаторов в революционном движении – посвящено исследование В.Я. Богучарского (Яковлева) «Активное народничество семидесятых годов: Дело Долгушина (1872–1873 гг.)» [3]. Теоретическое осмысление феномена провокации в деятельности органов политического сыска Российской империи начала XX века представлено в исследованиях А. В. Вихарева [5]. Автор рассматривает данную проблему как одну из наиболее дискуссионных в современной историко-правовой науке. В своих работах исследователь не только анализирует историографический аспект вопроса, но и выявляет специфические характеристики провокационной деятельности, присущие оперативной практике того периода, что позволяет глубже понять системный характер работы с секретными сотрудниками

Не обошли вниманием тему провокации и зарубежные исследователи. В книге Джонатана Дейли «Шпионы на службе царя: Тайная полиция и революционное движение в России, 1880–1917» исследуется деятельность царской охраны за границей, направленная на борьбу с революционными организациями. Автор анализирует методы работы охраны, включая вербовку агентов и использование провокаций, и их влияние на европейское общественное мнение [16]. Книга Анны Гейфман «Революционный террор в России, 1894–1917», хотя и посвящена терроризму, рассматривает роль агентов-провокаторов, таких как Евно Азеф, в организации террористических актов и их влияние на революционное движение [6].

Анализ отечественной и зарубежной историографии позволяет сделать ряд общих выводов о понимании феномена провокации в деятельности политической полиции Российской империи. Во-первых, исследователи, вне зависимости от национальной и идеологической принадлежности, признают провокацию важным и распространённым методом работы охранных органов. Во-вторых, внимание уделяется не только организационным и техническим аспектам провокационной деятельности, но и сложным морально-этическим проблемам, связанным с использованием таких методов. В-третьих, значительное место в историографии занимает изучение биографий наиболее известных и влиятельных провокаторов, таких как Евно Азеф и Дмитрий Багров, чья деятельность оказала существенное влияние на ход революционного движения. В-четвёртых, анализируются последствия провокационной деятельности не только для отдельных революционных организаций, но и для общества в целом, включая подрыв доверия к власти и усиление социальной напряжённости. Наконец, в качестве основных источников для воссоздания картины провокационной деятельности используются архивные материалы, содержащие документы охранных органов и переписку агентов, а также мемуары участников и свидетелей событий, что позволяет представить более полную и многогранную картину изучаемого явления. Однако, необходимо учитывать, что многие источники носят предвзятый характер и требуют критического анализа.

Данная статья, посвящённая деятельности Трифона Карандасова, позволит углубить понимание механизмов вербовки, методов работы и последствий деятельности провокаторов, а также оценить их влияние на политическую ситуацию в калужском регионе.

Февральская революция 1917 г., ознаменовавшая собой демонтаж монархического строя и ликвидацию репрессивного аппарата Российской империи, включая учреждения политического сыска, в частности, Калужское губернское жандармское управление (далее – КГЖУ) и его агентурные сети, открыла период повышенной уязвимости для бывших служащих этих ведомств и секретных осведомителей. Новые революционные власти, руководствуясь принципами революционной целесообразности и общественным запросом на

справедливость, инициировали широкомасштабные кампании по выявлению, преследованию и расследованию деятельности лиц, причастных к репрессивной машине царизма.

В масштабах всей страны для расследования противозаконных действий высших должностных лиц была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства (далее – ЧСК). Созданная 4 (17) марта 1917 г., ЧСК состояла из следственной, наблюдательной частей и президиума, объединявших представителей судебного ведомства, адвокатуры и общественных деятелей. В задачу комиссии входил сбор доказательств, допросы царских министров, генералов и сановников, которые велись в Зимнем дворце и казематах Петропавловской крепости. Всего комиссией было проведено 88 опросов и допрошено 59 лиц. ЧСК подготовила обширный документальный массив, включавший стенографические отчёты допросов (часть из которых была опубликована в 1924–1927 гг. под названием «Падение царского режима», материалы канцелярии, личные дела служащих, финансовую отчётность, протоколы заседаний и описи вещественных доказательств [12]. Важно отметить, что одним из редакторов стенографических отчётов был известный поэт А.А. Блок, оставивший ценные наблюдения о допросах и записки в виде книги «Последние дни Императорской власти» [2]. Деятельность ЧСК не была завершена в связи с Октябрьской революцией и ликвидацией Временного правительства, однако собранные материалы впоследствии использовались Верховным революционным трибуналом.

Значительный вклад в изучение генезиса и эволюции полицейской провокации в политической системе России рубежа XIX–XX веков внес Ю. В. Варфоломеев [4]. Опираясь на репрезентативную источниковую базу, в частности на материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, исследователь анализирует механизмы возникновения провокационных методов и рассматривает специфику взаимодействия полицейской и революционной сред. Особое внимание в работе уделяется деятельности ЧСК по выявлению причин институционализации провокации в рамках российского освободительного движения начала XX века. Историко-правовой анализ феномена провокации в системе российского сыска XIX —

начала XX вв. представлен в трудах А. Ю. Головина и Е. С. Дубоносова [8]. Исследователи рассматривают практику применения провокационных методов в различных структурах – от сыскной полиции до охранных отделений и жандармерии. Авторы акцентируют внимание на противоправном характере действий секретных сотрудников, квалифицируя их деятельность как деструктивный элемент в общей системе политического и уголовного розыска рассматриваемого периода.

Аналогичные процессы происходили и на местах. В Калуге после революции, как и в Петрограде, произошла смена властных органов. 2 марта, после получения городским головой Г.А. Разумовским телеграммы о смене власти в Петрограде, в Калуге был избран Общественный исполнительный комитет, призванный стать органом новой власти. Высшая административная власть принадлежала губернскому комиссару, который, согласно телеграмме председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова от 6 марта 1917 г., являлся представителем Временного правительства в Калужской губернии и наделялся всеми правами и обязанностями, ранее возложенными законом на губернатора. На пост губернского комиссара 6 марта назначили Д.Н. Челищева (кадет), которого позже, 29 июля, сменил М.К. Циборовский (эсер) [1].

Именно в это время была образована и начала работу Калужская губернская комиссия по внесудебным арестам в составе председателя – члена окружного суда В.В. Казаринова, члена Калужской губернской земской управы князя С.Д. Урусова (в документе указаны инициалы Д.С.) и члена калужской городской управы И.З. Сапожникова. Этой комиссии было поручено выявление и разоблачение секретных осведомителей калужской жандармерии, а также поиск материалов, подтверждающих факт их сотрудничества с политической полицией губернии. В распоряжении комиссии оказалась вся делопроизводственная и секретная документация Калужского губернского жандармского управления, включая личные дела секретных сотрудников.

В настоящем исследовании реконструкция биографии и мотивов деятельности Трифона Павловича Карандасова, секретного сотрудника Калужского губернского жандармского управления, основывается на со-

поставлении различных типов источников. Каждый из них обладает своими особенностями, ограничениями и степенью достоверности, что требует критического подхода к анализу. Ключевыми документами, позволяющими воссоздать картину событий, являются: протокол допроса, составленный Комиссией по внесудебным арестам 9 июня 1917 г., доклад одного из членов комиссии по внесудебным арестам, отражающий служебную информацию о деятельности агента, и автобиографическая «исповедь» Карандасова под названием «Как я стал провокатором».

Уже на этапе первого сопоставления этих источников выявляются существенные расхождения в ключевых фактах, касающихся начала сотрудничества Карандасова с охранкой и мотивов, им движущих. Так, в протоколе допроса, датированном 9 июня 1917 г., Карандасов утверждает, что начало его сотрудничества с охранкой было обусловлено давлением ротмистра Н.М. Никифорова и произошло «ещё до отбытия наказания по ст. 132 Уголовного уложения»¹ [9, л. 74]. Данная версия выдвигает на первый план страх перед тюремным заключением как основной мотив. Однако, в своей «исповеди», написанной во время пребывания под стражей, Карандасов переносит акцент на более поздний период. Он связывает начало своего сотрудничества с 1909 годом и утверждает, что решающим фактором стала угроза со стороны вахмистра Горелова «отдать его под суд» [9, л. 74]. Такая значительная временная разница (с 1906/1907 г. до 1909 г.) и смена ключевых действующих лиц (Никифорова на Горелова) ставят под сомнение последовательность и достоверность показаний Карандасова, указывая на его стремление представить себя жертвой обстоятельств.

Более того, доклад жандармского управления, отражающий служебную информацию, называет конкретную дату начала сотрудничества – 1 августа 1907 г. – и не содержит никаких упоминаний о принуждении или угрозах [9, л. 76]. Это свидетельствует о том, что, с точки зрения царской полиции, Карандасов был завербован или приступил к

сотрудничеству в более ранний период и, возможно, добровольно.

Примечательно описание сцены вербовки в «исповеди»: «Всё было спокойно. Потом он говорит: «Я вас хочу познакомить с одним делом». Вытаскивает из бокового кармана бумаги, показывает мне книжку и говорит: «Вам знакома эта книжка?»... И он начал читать чётко и скоро, потом, что было напечатано на пишущей машинке и читал мне минут 20, а мне велел слушать со вниманием» [9, л. 68 об., 69–69 об.]. С одной стороны, данная сцена подчёркивает вежливый, но настойчивый тон чиновника Департамента полиции, стремящегося оказать психологическое давление. С другой стороны, она создаёт образ беспомощного человека, оказавшегося в безвыходной ситуации, что согласуется с его стремлением к самооправданию. В отличие от «исповеди», доклад жандармского управления, будучи официальным документом, содержит конкретные сведения о деятельности Карандасова в качестве информатора, позволяющие оценить масштаб его сотрудничества с охранкой. В нём перечисляются случаи предоставления им информации о революционерах, складах оружия и нелегальной литературе: «В августе 1907 г. доставил в управление № 1 газеты «Калужский рабочий», номер которого получил от Александра Карева. Доставлял отчёты местной социал-демократической группы, сведения о привозе «техники» к Тоболину, о приезде «нелегального», о складе оружия у Карева» [9, л. 76]. При этом, как в протоколе допроса, так и в «исповеди», Карандасов отрицает, что его действия приводили к арестам, и что он сознательно наносил вред своим товарищам. В частности, в протоколе он заявляет: «Не знаю, был ли кто арестован по моей вине, но я всегда просил не делать арестов по моим доносам, опасаясь провала» [9, л. 75]. Однако, подобные утверждения вызывают сомнения, учитывая характер информации, которую он предоставлял охранке, и контекст его деятельности.

Анализ «исповеди» Карандасова позволяет выявить мотивы, побудившие его к сотрудничеству с охранкой, помимо страха перед преследованием. Важную роль сыграли и материальные соображения. В «исповеди» он отмечает, что «жалованьем я был обойдён, получал 80 копеек, в то время как мои товарищи получали по 1 рублю 20 копеек» [9, л.

¹ Лицо, виновное в непубличном распространении среди военнослужащих учений или суждений, подстрекающих к нарушению обязанностей военной службы, наказывается ссылкой на поселение» (прим. автора) [11, с. 55–56].

66 об.]. Таким образом, нужда и стремление обеспечить свою семью также могли оказать существенное влияние на его решение, указывая на комплексный характер его мотивации.

Для более полного понимания обстоятельств дела Трифона Павловича Карандасова необходимо обратиться к анализу его заявления прокурору Калужского окружного суда от 2 июля 1917 года. Данный документ, в отличие от протоколов допросов и служебных донесений, представляет собой не просто свидетельство о событиях, а целенаправленную попытку Карандасова повлиять на ход судебного процесса, добиться более справедливого рассмотрения своего дела и избежать предвзятого отношения со стороны одного из судей. В своем заявлении, написанном в Калужской губернской тюрьме, Карандасов обращается к прокурору с просьбой обратить внимание на предстоящий межпартийный суд, который должен был состояться 6 июля. Ключевым моментом заявления является просьба об отводе одного из судей, а именно В.П. Акимова², представителя социал-демократов (большевиков) [9, л. 73–73 об.].

Приводя аргументы в пользу отвода, Карандасов пишет: «в четверг 6 июля надо мной состоится межпартийный суд. В числе судей от социал-демократов (большевиков) будет Акимов, который в 1916 году был арестован по моему донесению, вследствие чего, он, конечно, он не может быть по отношению ко мне беспристрастным судьёй, и я прошу об его отводе, как лица заинтересованного в моём деле» [9, л. 73–73 об.]. Данное заявление представляет собой важный источник информации, позволяющий понять восприятие Карандасовым ситуации, в которой он оказался.

² Василий Павлович Акимов (1894–1974). Родился в Калуге в семье рабочего. – член РСДРП(б) с 1915 г. В июле 1916 г. за распространение большевистских антивоенных прокламаций был арестован. В марте 1917 г. вошёл в состав восстановленной в Калуге большевистской организации. Избирался членом Совета рабочих и солдатских депутатов. В последующие годы служил на различных должностях: комиссар калужского городского самоуправления, заведующий губернским отделом соцобеспечения, заместитель председателя горисполкома и т.д. Был делегатом X съезда РКП (б), IX–XI Всероссийских съездов и I и II Всесоюзных съездов союзов, IV – VI Всесоюзных съездов профсоюзов. Награждён орденом Ленина и медалями [10, с. 241].

Он осознаёт серьёзность выдвинутых против него обвинений в провокации, предчувствует неблагоприятный исход, и пытается использовать все доступные ему средства для защиты своих интересов.

Анализ заявления Карандасова в контексте других документов по делу позволяет сделать следующие выводы:

1. **Подтверждение факта доноса.** Заявление Карандасова является прямым подтверждением факта его доноса на Акимова, который ранее упоминался в докладе КГЖУ как один из эпизодов его деятельности в качестве секретного осведомителя, связанной с предоставлением жандармам информации о членах революционных организаций.

2. **Отражение опасений Карандасова.** Заявление отражает опасения Карандасова относительно предвзятого отношения со стороны суда. Он осознает, что его прошлое сотрудничество с охранкой делает его уязвимым и лишает его возможности на справедливое рассмотрение дела. Это указывает на понимание им последствий своих действий и, возможно, на раскаяние.

3. **Безуспешность попытки повлиять на ход суда.** Решение Калужского межпартийного совестного суда, вынесенное 6 июля 1917 г., свидетельствует о том, что просьба Карандасова об отводе Акимова была удовлетворена. Суд признал его виновным в провокационной деятельности и вынес суровый приговор, лишив его гражданских прав и свободы.

Решение Калужского межпартийного совестного суда: юридическая оценка деятельности Карандасова.

Основываясь на представленных доказательствах и аргументах, Калужский межпартийный совестный суд вынес следующее постановление: «объявить Карандасова провокатором, лишить его общественного доверия, лишить всех избирательных прав, лишить права участия в политических партиях и всех общественных организациях и содержать в тюрьме до окончания войны, а, если таковая кончится ранее созыва Учредительного собрания, то содержать в тюрьме до созыва Учредительного собрания» [9, л. 77]. Данное решение является ярким свидетельством того, что в условиях революционного времени, когда прежние правовые нормы и ценности оказались разрушены, а новые ещё не сформировались окончательно, обще-

ственное мнение и революционная целесообразность играли важную роль в определении вины и меры наказания. Совестный суд, состоявший из представителей различных политических сил, вынес Карандасову суровый приговор, лишив его не только свободы, но и важнейших гражданских прав, что фактически означало его исключение из общества и объявление вне закона. Этот приговор отражал не только юридическую оценку действий Карандасова, но и моральное осуждение его поступков.

Сопоставление решения суда с другими документами по делу (показаниями Карандасова, донесениями жандармского управления с его заявлением прокурору) позволяет более полно оценить масштаб трагедии Т.П. Карандасова. С одной стороны, он предстаёт жертвой обстоятельств, человеком, вынужденным сотрудничать с охранкой под угрозой преследования и лишения средств к существованию. С другой стороны, он является предателем, сознательно выдававшим своих товарищей и причинявшим вред революционному движению. В конечном итоге, Карандасов стал жертвой собственной «двойной игры», оказавшись в положении изгоя, лишённого надежды на оправдание и обречённого на социальное отчуждение. Приговор, вынесенный Карандасову, не только поставил точку в его личной истории, но и стал символом расплаты за сотрудничество с царским режимом и за предательство идеалов революции.

Однако, дальнейшая судьба Карандасова сложилась не столь однозначно. Несмотря на суровый приговор совестного суда, уже 4 сентября 1917 г. Калужская губернская комиссия по внесудебным арестам приняла решение об освобождении его из-под стражи.

Освобождение Карандасова: пересмотр приговора. Постановление Калужской

губернской комиссии по внесудебным арестам от 4 сентября 1917 г. стало неожиданным поворотом в деле Карандасова. Комиссия, в составе председателя – члена окружного суда В.В. Казаринова и членов – члена Калужской губернской земской управы князя С.Д. Урусова и члена Калужской городской управы И.З. Сапожникова, рассмотрев дело Т.П. Карандасова, постановила освободить его из-под стражи в Калужской губернской тюрьме. В качестве обоснования такого решения комиссия указала следующие причины. «Хотя предшествующая деятельность Карандасова в качестве секретного сотрудника Калужского губернского жандармского управления и была провокационной, к тому моменту она не представляет угрозы для создавшегося государственного строя и общественной безопасности». Постановления Временного правительства от 16 июля 1917 г. определили крайним сроком лишения его свободы 20 октября 1917 г., к каковому времени никаких изменений в его положении последовать не может [9, л. 1].

Таким образом, комиссия сочла дальнейшее содержание Карандасова под стражей нецелесообразным, учитывая изменившуюся политическую обстановку и ограниченность срока лишения свободы, установленного Временным правительством. Данный факт свидетельствует о смягчении отношения к бывшим сотрудникам охраны и провокаторам в условиях нарастающей политической нестабильности и приближения Октябрьской революции.

Этот факт делает дело Карандасова ещё более сложным и неоднозначным, ставя вопросы о справедливости, возмездии и политической целесообразности в эпоху социальных потрясений.

Список литературы:

1. Анисков, А.С. Разгон Совета солдатских депутатов и установление Советской власти в Калуге / Анисков А.С. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9 (47). – Ч. 2. – С. 30–32.
2. Блок, А.А. Последние дни Императорской власти / А.А. Блок. – Пг.: Алконост, 1921. – 168 с.
3. Богучарский, В.Я. (Яковлев). Активное народничество семидесятых годов: Дело Долгушина (1872–1873 гг.) / В.Я. Богучарский (Яковлев). – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1912. – [2], 384 с.
4. Варфоломеев, Ю. В. «Хартия вольностей Департамента полиции...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изве-

стия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2009. – Т. 9. Вып. 2. – С. 16–24.

5. Вихарев, А. В. К вопросу о «провокации» в деятельности органов политического сыска России в начале XX века / А. В. Вихарев // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №1. – С. 20–23.

6. Гейфман, А. Революционный террор в России, 1894–1917 / А. Гейфман; пер. с англ. Е. Дорман. – М.: КРОН- ПРЕСС, 1997. – 448 с. – (Серия «Экспресс»).

7. Герасимов, А.В. На лезвии с террористами / А.В. Герасимов. – Париж: Издательство: Утса Press, 1991. – 208 с.

8. Головин, А.Ю., Дубонос, Е.С. Провокация преступления в системе сыскной деятельности полиции (XIX — начало XX вв.) / А.Ю. Головин, Е.С. Дубонос // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – №4. – С. 71–77.

9. Государственный архив Калужской области. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1399.

10. История Калужской партийной организации (Иллюстрированный очерк) / Предисл. А. Бекасова. – Тула: Приок. Кн. изд-во, 1978. – 256 с.

11. Новое уголовное уложение, высочайше утверждённое 22 марта 1903 г. С приложением предметного алфавитного указателя. – СПб.: Книжный магазин В. П. Анисимова, 1903. – 253 с.

12. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. – Л.: Государственное издательство, 1924–1927.

13. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З.И. Перегудова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 430 с.

14. Спиридович, А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Кн. 1–3 / А.И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960–1962.

15. Троицкий, Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. / Н. А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 353 с.

16. Daly, J. W. The Watchful State: Security Police and Autocracy in Tsarist Russia, 1880–1917 / J. W. Daly. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004. – 320 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 930.253

*С. В. Иванов**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. А. Иванов***СОЛДАТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПИСЬМАХ ИЗ «ОКОПА»
КАЛУЖАНИНА Л. Н. ЗОРИНА (ИЮЛЬ 1942 Г.)**

В статье на основе разных по происхождению и значению групп опубликованных и архивных источников, в первую очередь, писем военнослужащего калужанина Л.Н. Зорина родным, рассказывается о его пребывании в лагере военной подготовки курсантов под г. Калугой, фронтовая повседневность и настроения красноармейцев, сражавшихся на Сталинградском фронте в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сталинградский фронт; письма родным; биография; фронтовая повседневность.

*S. V. Ivanov**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor V. A. Ivanov***SOLDIER'S EVERYDAY LIFE IN LETTERS FROM THE «TRENCH»
BY L.N. ZORIN, A RESIDENT OF KALUGA (JULY 1942)**

Based on a variety of published and archival sources, primarily letters from L.N. Zorin, a Kaluga soldier, to his family, the article describes his time at a military training camp near Kaluga, as well as the daily life and attitudes of the Red Army soldiers who fought on the Stalingrad Front during the Great Patriotic War (1941–1945).

Keywords: Great Patriotic War; Stalingrad Front; letters to family; biography; daily life on the front.

В истории найдётся не много примеров коллективного подвига, направленного на физическое и культурное сохранение значительного числа стран и народов, какими являются события Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), 80-летний юбилей Победы советского народа в которой отмечается в этом году.

Обращение к событиям военных лет особенно актуально в наши дни, когда нередко предпринимаются целенаправленные попытки фальсификации истории, переоценки событий Великой Отечественной войны, роли Советского Союза и его граждан в нанесении сокрушительного поражения фашистской Германии и её союзников, в освобождении европейских народов от фашистского рабства.

Уходят из жизни ветераны войны. Выросли новые поколения, никогда не видевшие её ужасов, не испытывавшие голода, холода, оккупации. Для современного поколения граждан России важно помнить о каждом солдате, чтить и осознавать заслуги миллионов рядовых людей, усилиями которых ковалась победа на фронтах и в тылу.

Цель данной статьи – опираясь на письма родителям калужанина Льва Никола-

евича Зорина – родного брата моего дедушки, призванного на фронт из г. Калуги в марте 1942 г., сражавшегося на Сталинградском фронте, воссоздать картину солдатской жизни начального периода Великой Отечественной войны.

Ценными историческими источниками для освещения истинных событий периода Великой Отечественной войны являются не только документальные материалы, но и источники личного происхождения, среди которых особое место занимают фронтовые письма советских воинов. Одни из них написаны перед смертью, другие – в огне сражений, третьи – партизанами во вражеском тылу. Письма «<...> играют первостепенную роль в воссоздании живого образа человека в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо и само их понимание» [17, с. 19]. Письма военных лет содержат множество сведений по истории повседневности. Только они позволяют увидеть войну «из окопа», глазами рядовых солдат и офицеров.

Широкий размах публикация фронтовых писем периода Великой Отечественной войны получила в 1960–1980-е гг. [7; 18]. Из-

давались они и в последующий период [10; 20]. Изучению писем с фронта посвящена обширная литература, в которой рассматриваются вопросы их розыска, хранения, учёта, публикации, раскрывается их информационный потенциал как источника для реконструкции повседневности периода Великой Отечественной войны [1; 2; 7; 8; 12].

Мы располагаем четырьмя, хранящимися в семейном архиве письмами Л.Н. Зорина, опубликованными калужскими архивистами в сборнике фронтовых писем калужан в 2020 г. [11, № 138; 139; 140; 141]. Письма Л.Н. Зорина, отправленные родителям и брату в г. Калугу датированы 6, 13, 18 и 27 июля 1942 г. Они написаны мелким почерком простым и химическим карандашами. Три первых письма – на клочках белой бумаги, четвёртое – на бланке боевого листка красноармейской газеты. Первые два письма рассказывают о пребывании Зорина в лагере военной подготовки курсантов недалеко от г. Калуги, где их обучали умениям и навыкам ведения боя. Третье и четвёртое письма написаны на Сталинградском фронте. Одно из них непосредственно перед боем, второе – во время отдыха. Письма несмотря на то, что в условиях военного времени они подвергались строгой цензуре (в них оказались стёртыми названия населённых пунктов, воинских частей и т.д.) правдиво раскрывают бытовую обстановку того времени, настроения и моральный дух красноармейцев.

Помимо писем при написании статьи использованы и другие материалы: список лиц, уволенных из Калужской электростанции в 1942 г., на которой работал Зорин, хранящийся в Муниципальном архиве г. Калуги в фонде Калужские городские электрические сети [9, л. 66], донесение о безвозвратных потерях (октябрь 1942 г.), в котором значится сержант Зорин [19], сведения из семейного архива о рождении, розыске Л.Н. Зорина в августе – сентябре 1942 г., копия извещения о его гибели [14; 16]; книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в которой упоминается Л.Н. Зорин [6, с. 109].

Семья Зориных до войны. Зорин Лев Николаевич родился 10 августа 1924 г. в г. Калуге [14]. Его отец Зорин Николай Александрович (1896–1980) по образованию был бухгалтером [15], участвовал в Первой мировой войне (1914–1915) и Русском экспедици-

онном корпусе во Франции (1915–1922). Мама – Анна Петровна – домохозяйка. У Льва был младший брат Александр (1927–2003) – мой дедушка. Зорины жили скромно. Анна Петровна ещё до революции обучилась шитью и обшивала не только свою семью, но и принимала заказы от знакомых. Семья проживала в г. Калуге сначала на улице Берендяковской, а затем в 1930-е гг. переехала в дом на ул. Советская, 166. В настоящее время на этом месте находится здание Народного дома (ул. Ленина, 74).

Лев Зорин обучался в средней школе № 5 г. Калуги, был обычным советским школьником, отдыхал в пионерском лагере. По окончании 7 класса поступил в ФЗО в г. Туле для получения профессии. В 1941 г. вернулся в свой город.

Жизнь во время оккупации г. Калуги. В начале октября 1941 г. семья Зориных готовилась к эвакуации, но уехать из города ей не удалось. Все трудности оккупационного периода семья пережила в Калуге. Александр Николаевич впоследствии вспоминал, как опустел город перед приходом немцев, как они с братом Львом видели расстрел 17 калужан на Базарной (ныне Театральной) площади города 7 ноября 1941 г. У братьев Зориных присутствовало постоянное чувство страха и голода. Опасаясь, чтобы фашисты их не заподозрили в причастности к партизанам, они прятались дома и на улицу выходили очень редко.

Ненависть к врагам, ворвавшимся в Калугу, прослеживается в письмах Л.Н. Зорина. Впоследствии, в последнем письме с фронта, вспоминая время оккупации, он писал: «...Фрицу больше не видать Калугу и все те населённые пункты, откуда он отступил и отступает как своих грязных ушей...» [11, № 141]. Оккупация города, издевательства, холодная, голодная жизнь, страх быть расстрелянным, боязнь за будущее, оставили огромную рану в сердце молодого человека. Из письма видно, что на фронте он думал именно об отмщении за свой родной город.

Калугу освободили 30 декабря 1941 г. Сразу началось восстановление города, в том числе и городской электростанции. 20 февраля 1942 г. Л.Н. Зорин был принят на электростанцию слесарем, о чём свидетельствует запись в списке работников этого предприятия. В этом же списке есть пометка и об увольнении Зорина 10 марта 1942 г. в связи с призы-

вом в ряды Красной Армии [9, л. 66]. С этого времени начинается совсем другая – военная страница биографии Льва Зорина.

Пребывание в военном лагере под г. Калугой. В первом и втором письмах Зорина описана жизнь в лагере военной подготовки курсантов недалеко от города, где их обучали умению и навыкам ведения боя. В них сообщается о распорядке дня курсантов, чем их кормили и как они занимались. Занятия по боевой подготовке проходили днём и ночью. Ночью были дежурства в карауле. Особенно нравилось курсантам дежурить на кухне, «где ты, – как писал Зорин, – сам хозяин продуктами, но только не брать в карманы как делали некоторые – консервы воровали» [11, № 138]. Кормили супом с макаронами или макаронами с ветчиной, давали чай. Питание было трёхразовое. Вечером были танцы и кино, например, в письме он пишет о просмотре фильма «Гибель Орла». В г. Калугу водили в баню. В письмах, присланных из военного лагеря, присутствует тоска по дому, но в сознании ещё отсутствует мысль, что туда он уже никогда не вернется. Он просит навестить его. Один раз Льву разрешили сходить домой постирать вещи, о чём он сообщает в письме от 13 июля 1942 г. Видимо, он был дома 12 июля, поскольку упоминает, что в этот день был день рождения у брата. Это был его последний визит домой. С тех пор родителям и брату, увидеть Льва, было не суждено. И ещё один трогательный момент, говорящий о его связи с домом. «...А потом выпил чаю с конфеткой, которую ты мне дала, и лёг спать», – писал он в письме своей маме [11, № 139].

На Сталинградском фронте. Сталинградский фронт был создан 12 июля 1942 г. Пополнение войск фронта происходило постоянно. Из военного лагеря под г. Калугой курсанты выехали на машине 15 июля 1942 г. [11, № 141]. Для обороны на фронт от Тулы к Сталинграду прибывали войска из резерва [13, с. 97–98]. Обстановка на сталинградском направлении продолжала оставаться напряжённой. С этого момента началась боевая жизнь молодого сержанта Л.Н. Зорина. Он сражался в составе 548 стрелкового полка (командир С.И. Чернявский) 116 стрелковой дивизии, которая с марта по август 1942 г. находилась в составе 50-й армии, с августа по сентябрь 1942 г. – 1-й гвардейской (далее – гв.) армии, с сентября 1942 г. по февраль 1943

г. – 66-й армии. В 1942–1943 гг. дивизией командовал полковник И.М. Макаров [3].

Сталинградская битва делится на оборонительный и наступательный этапы. Оборонительный этап, участие в котором принимал сержант Л.Н. Зорин, продолжался с 17 июля по 18 ноября 1942 г.

К этому периоду относится первое письмо Л.Н. Зорина с фронта от 18 июля, написанное в 6 часов вечера. В нём он сообщает, что адреса ещё не знает. Они находятся в 1,5 км от передовой на западном направлении и освободили деревню У-ово [так в тексте]. Так же из письма следует, что, начиная с 17-го июля, рота выполняет боевое задание и освобождает населённые пункты, если рота не пойдёт на пополнение, то ночью пойдут в бой. Бои идут постоянно. «Если убьют, то товарищи или из штаба напишут...». В письме присутствует боевое настроение молодого бойца: «...обо всём стараюсь забыть, чтоб в бою быть не растерчевым [так в тексте], а решительным, смелым... В бой вступаю комсомольцем...». В письме даётся характеристика бойцам 9-й роты 3-го батальона: «Бойцы у меня все участники в боях...», указывается о хорошем снабжении продовольствием: «...кормят досыта: кашу рисовую... хлеб на 3 чел. буханка...». В письме прослеживается оптимизм сержанта: «Только меньше обо мне беспокойтесь... и последнее скажу, что фрица капут. Наверняка мы продвигаемся вперёд с большими успехами...» [11, № 140].

Гитлеровское командование наметало взять Сталинград 25 июля. Но сделать это не удалось. Войска Красной армии были полны решимости остановить и разбить врага.

Последнее письмо с фронта, датированное 27 июля 1942 г. самое подробное [11, № 141]. Оно написано в более спокойной обстановке, видимо, рота временно находилась в резерве. Чувствуется уверенность в успешных действиях армии: «Шлю вам свой фронтовой привет и желаю вам хороших успехов в работе и в жизни. Живите спокойно, не думайте и не слушайте разные сплетни как бы фриц опять не пришёл. Чувствуйте себя так бодро и смело как чувствую я себе... Чувствую себя хорошо, даже отлично. Я очень рад, что я нахожусь на фронте и, также, как и все бойцы и командиры защищаем своё отечество и освобождаем все населённые пункты и область. Я этим самым горжусь».

Из письма мы узнаём и о тех занятиях, которыми в этот момент занимались бойцы: «Я здесь как на отдыхе. Ночь вы все спите, но у нас наоборот ночью быть на страже и готовым к бою, а днём кушай, пей и спи сколько влезет. Ночью все наблюдаем, а днём назначают бойцов по очереди... А у фрицев спят и день, и ночь, если, например, нужно достать пленного, то подползай к окопу и за ширманку [так в тексте] хоть закрывай и тащи как рыбу глушенную... И вот вам факт как фрицы воюют: патроны не жалеют, а пускают куда попало».

В письме Лев передаёт рассказ командира роты о взятии языка и подробно рассказывает, как они брали пленного фашиста: «...и мы решили идти, не идти, а ползти так, что носом землю боронить. Подползли почти близко. Глядим встаёт и давай полевать вверх, потом оправился и улегся. Мы ближе глядим: 3 человека в кучке спят. Съёжились, замёрзли, но мы решили согреть: дали выстрел над ними. Они проснулись и за автоматы, но мы: «Стой, фриц Ганс и Карл! Вам капут!» и они без шума (так в источнике – Авт.) сдались в плен. Знают, что им в плену у русских будет лучше».

В этом письме содержится много подробностей о повседневной жизни красноармейцев, например, «сделал себе окоп хороший с прикрытием, как комнатка и отдыхаю в нем днём». «...Мама, если бы ты меня увидела сейчас, то ты бы не поверила, что я так здорово поправился, т.к. здесь кормят так, что и дома другой раз не видал».

Далее Л.Н. Зорин описывает свои впечатления о боевой мощи нашей армии: «...Видел как ему [фашисту] даёт пить наша «Катюша» (реактивная установка – Авт.). Как начнёт бить так всё горит, даже страшно глядеть. И вот как эти Гансы услышат её шипенье, так бегут и спасу нет. Бегут, что и снаряд не догонит. Видел, как наши стальные птицы жару дают, что и передохнуть им не дадут – бомбят, а у них что-то и самолётов я ещё не видел здесь. Так что эта война для нас не страшна...если приду домой, то много расскажу. Правда, первый раз я боялся, казалось страшно, но уже привык. Будто так и надо пули свистят, мины тоже и даже не страшно ничего...». Интересен совет, который он просит передать отцу, которого к тому времени ещё не мобилизовали (отцу на тот момент исполнилось 46 лет, он был призван в октяб-

ре 1942 г.): «если возьмут, то мой совет, если будите на передовой линии, но вряд ли. Старых я и не встречал здесь, больше молодых, смелых бойцов. Но совет напишу, когда будут снаряжать, то бери малую лопату и каску. Это твоя жизнь, а то здесь много шальных пульей...». После этого письма писем от Зорина более не приходило.

5 августа 1942 г. Сталинградский фронт, растянувшийся на 800 км, был разделён на Сталинградский и Юго-Восточный фронты. В состав Юго-Восточного фронта вошла 1-я гв. армия, в которой находилась 116-я стрелковая дивизия. Борьба принимала все более острый характер при явном преобладании в ней сил противника. Во второй половине августа 1-я гв. армия вела ожесточённые бои, а 22 августа перешла в наступление, но ей не хватало сил и средств, чтобы достичь решительных результатов. 23–24 августа бои велись в районах Самофаловки и Ерзовки. В состав армии были включены 4-я и 37-я гвардейские, 23-я и 116-я стрелковые дивизии, 7-й танковый корпус.

23 августа противник прорвал фронт, вышел к Волге на фронте Акатовка, Рынок и сосредоточивался в районах балка Сухая Мечетка, Перевальный, Кузьмичи, Бородин, разъезд Конный. Обстановка ухудшалась.

1 сентября 1942 г. Военный совет Сталинградского и Юго-восточного фронтов обратился с приказом к бойцам, командирам и политработникам – защитникам Сталинграда, призывая их защитить город. «Защита Сталинграда имеет решающее значение для всего советского фронта», – говорилось в этом приказе [13, с. 252].

3 сентября рано утром соединения 1-й гв. армии перешли в наступление и, отбрасывая противника, продвинулись в направлении Сталинграда. Однако развить успех не удалось. Противник оказывал упорное и активное сопротивление. В этот день сержант Зорин «при атаке укрепленных пунктов фашистских войск» на станции Кузьминичи был убит и согласно извещению похоронен в Балке Грачёвская Городищенского района Сталинградской области [№ 6, с. 109; 16; 19]

В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников была предпринята попытка описать картину солдатской жизни начального периода Великой Отечественной войны (июль–август 1942 г.). Для этого потребовалось воссоздать факты био-

графии красноармейца Л.Н. Зорина, охарактеризовать начальный период Сталинградской битвы, в которой он принимал участие и

погиб, сопоставить упоминаемые в письмах факты с хроникой реальных событий.

Список литературы:

1. Альтман, И.А. О методике выявления и учёта документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны: (Из опыта работы во Владимирской области) / И.А. Альтман // Археографический ежегодник за 1985 год. – М.: Наука, 1986. – С. 143–147.

2. Белоглазова, Г.Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны / Г.Н. Белоглазова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2. – С. 188–191.

3. Боевой путь 116-й стрелковой дивизии. URL: http://feldjager.narod.ru/zgora2_files/rkka/116army/116army_1.htm (дата обращения 17.08.2025).

4. Великая Отечественная война в письмах / сост. В.Г. Гришин. – М.: Политиздат, 1980. – 288 с.

5. Великая Отечественная война в письмах / сост. В.Г. Гришин. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 351 с.

6. Книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Калужская область. г. Калуга, Перемышльский, Тарусский, Ферзиковский районы / гл. ред. В.И. Мурзинцев. – Т. 1. – Калуга: ГП «Полиграфия». 1995. – 564 с.

7. Кондратьев, В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны / В.А. Кондратьев // История СССР. – 1986. – № 6. – С. 96–100.

8. Момотова, Н.В. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронта Великой Отечественной войны / Н.В. Момотова // Социология. – 2005. – № 2. – С. 106–131.

9. МКУ «Муниципальный архив г. Калуги». Ф. 4 (Калужские городские электрические сети). Оп. 1. Л/с. Д. 1.

10. Письма с фронта. 1941–1945 гг.: Сб. документов / сост.: Д.И. Ибрагимов, И.А. Мустакимов, Г.Н. Фаезова и др. – Казань: Гасыр, 2010. – 230 с.

11. Письма с фронта. Сб. документов / отв. ред. В.А. Иванов. – Калуга: ИП Ильин А.В., 2020. – 312 с.

12. Пушкарев, Л.Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) / Л.Н. Пушкарев // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 3. – С. 109–121.

13. Самсонов, А.М. Сталинградская битва. – 3-е изд., доп. / А.М. Самсонов. – М.: Наука, 1983. – 624 с.

14. Семейный архив Зориных. Заверенная копия свидетельства о рождении Л.Н. Зорина.

15. Семейный архив Зориных. Трудовая книжка Н.А. Зорина.

16. Семейный архив Зориных. Извещение о гибели Л.Н. Зорина от 24.09.1942 (копия).

17. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: Росспэн. 1999. – 388 с.

18. Солдатские письма: сборник / вступ. статья З.Н. Политова и Б.П. Тихомирова; ред. З. Политов. – М.: Политиздат, 1965. – 480 с.

19. Центральный архив министерства обороны. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 241. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/> (дата обращения 17.08.2025).

20. «Я пока жив ...». (Фронтовые письма 1941–1945 гг.) / сост. М.Ю. Гусев. – Н. Новгород, 2010. – 299 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).084.6

*О. И. Иевлева, Н.О. Майорова***ЭНТУЗИАЗМ И «ПЕРЕГИБЫ»: КОМСОМОЛЬЦЫ КАЛУЖСКОГО ОКРУГА В ХОДЕ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Статья относится к циклу, посвящённому коллективизации сельского хозяйства на Калужской земле. В ней, на основе ранее не изучавшихся архивных материалов, ставится вопрос о роли и действиях комсомольцев Калужского округа в ходе этого процесса и проводится анализ их мотивации.

Ключевые слова: коллективизация; комсомол; Калужский округ; энтузиазм; административное давление; «перегибы».

*О. И. Ievleva, N. O. Mayorova***ENTHUSIASM AND "EXCESSES": KOMSOMOL MEMBERS OF THE KALUGA DISTRICT DURING COLLECTIVIZATION**

This article is part of a series devoted to the collectivization of agriculture in the Kaluga region. Drawing on previously unstudied archival materials, it examines the role and actions of Komsomol members in the Kaluga District during this process and analyzes their motivations.

Keywords: collectivization; Komsomol; Kaluga District; enthusiasm; administrative pressure; "excesses".

Коллективизация сельского хозяйства в Советском Союзе перевернула деревню, изменив судьбы миллионов крестьян и других участников этого глобального процесса. За словом «миллионы» стоят конкретные живые люди, каждый со своими планами на будущее, надеждами и мечтами. Изучением такой конкретики занимается микроистория. Исследователям важно вблизи увидеть этих людей, которые перекраивали свои и чужие жизни – кто поневоле, а кто с охотой и энтузиазмом.

Особый интерес, в связи с этим вызывает молодёжь – те, кто, проводя коллективизацию, создавал не чьё-то, а своё собственное будущее. Круг проблем, который можно обозначить как «комсомол и коллективизация», активно изучается в современной отечественной историографии именно в рамках микроисторического подхода [см. 1, 6, 7, 8, 9].

Наша статья – часть цикла публикаций, основанного на материалах Государственного архива документов новейшей истории Калужской области [4; 5]. Речь в них идёт о ходе коллективизации в калужском регионе. Напомним, что с октября 1929 г. по середину 1930 г. часть нынешней территории Калужской области входила в состав Калужского округа, событиям в котором и посвящена

данная статья. Точнее – тому, как действовала в процессе коллективизации комсомольская молодёжь округа, какие ошибки совершала, с чем эти ошибки были связаны и как она сама к своей деятельности относилась.

Калужский округ принадлежал к числу незерновых районов, коллективизацию в которых планировалось завершить к весне 1931 года. Срок достаточно жёсткий, но и его в масштабах округа решили сократить. Причём подано это было как инициатива масс. Как говорится в «Информационной сводке о ходе работы комсомола по посевной кампании в Калужском округе», составленной весной 1930 г., и обнаруженной авторами в архиве, «лозунг на сплошной колхоз к весне 1930 года нашёл своевременный отклик в массах рабочего класса и крестьянства округа» [2, л. 88]. В Калуге прошли «никогда не бывалые» демонстрации, организованные по инициативе комсомола [2, л. 88], которые «прокинули» все планы и поставили задачу перед партией и всей общественностью коллективизировать округ весной 1930 года.

Мы не знаем точно, кто составлял сводку (данных об этом в документе нет), но можем предположить, что это были окружные работники среднего звена, имевшие непосредственное отношение к проведению

коллективизации на территории Калужского округа. Они выглядят как люди не просто информированные, но находящиеся, что называется, внутри процесса. Вот что сообщает сводка о решении Пленума окружкома партии и комсомола осуществить коллективизацию округа к 1 марта 1930 г.: «в действительности это была непростая задача. Ранее составленный план коллективизации сельского хозяйства округа, предполагал в 1930 г. коллективизировать только 7% крестьянских хозяйств. А здесь речь шла о завершении коллективизации!».

Задача не то, что непростая – невыполнимая. А кто может справиться с невыполнимой задачей лучше, чем комсомол?

Как сообщает та же сводка, в январе-феврале 1930 г. – то есть примерно за месяц до заявленной даты! – прошли партийные пленумы в районах и кустовые собрания. Под лозунгом «мобилизации комсомола на выполнение этого важного решения» [2, л. 88].

Вопрос о том, какой реальный процент от числа колхозных строителей в Калужском округе составляли комсомольцы, достаточно сложный. Так, мы не можем точно определить, кто входил в бригады, которые после пленума, в количестве 225 человек, были разосланы по районам. Были ли это рабочие-двадцатипятипятитысячники? (об их роли в коллективизации округа см. статьи нашего цикла [4; 5]). Однако известно, что, наряду с бригадами, «мобилизовалось большое количество комсомольцев на местах», а именно: 130 комсомольцев в Малоярославецком РК, 158 – в Черепецком РК, 17 – в Детчинском РК и 20 комсомольцев – в Угодско-Заводском РК [2, л. 88].

По другим районам данных в сводке нет, но есть указания на число колхозов, созданных в этих районах при активном участии комсомольцев: в Ферзиковском и Бабынинском – 12, в Калужском – 10, в Малоярославецком – 16, в Перемышльском – 13, в Угодско-Заводском – 15, в Черепецком – 20. Т.е. упомянуты все районы, входившие в округ [3, л. 29], кроме Боровского. Не известно, в силу каких обстоятельств этот район выпал из сводки, но едва ли это может изменить общую картину.

Всего по данным сводки к 1 марта 1930 г. с помощью комсомольцев было организовано 96 колхозов. Задание по сплошной коллективизации было выполнено на 86%.

Какими же путями удалось добиться таких невероятных темпов?

В докладной записке Уполномоченному МК ВЛКСМ Куликову бригадир К. Кучутенков пишет следующее: «Были случаи, когда комсомольцы использовали своё служебное положение «в деле коллективизации». Так, в Доме отдыха им. Фрунзе комсомольцы запугивали население, не желающее вступать в колхоз, словами: «Кто не вступит в колхоз, тому товар отпускать не будем» [2, л. 2].

На собраниях, принимавших решение об организации колхоза, несогласные просто лишались права голоса – на время, с последующим восстановлением. Так, в Камельинской ячейке оказалось 100 человек без права голоса, из которых восстановили 80 [2, л. 2].

Можно ли считать эти нарушения единичными случаями? Рассмотрим ещё один интересный документ: «О ходе весенней посевной кампании в Калужском округе (по состоянию на 4.03.1930 г.)». В нём содержится весьма интересное свидетельство бригадира комсомольцев Антонова, направленного администрацией Перемышльского района на работу в деревню Игнатьевское. Вот как он описывает в своём письме сложившуюся там ситуацию: «Преыдушие бригады, работая по установке РИКа, создали такое положение своими методами работы, что крестьяне, вступившие сначала поголовно в колхоз, сейчас подают массами заявления о выходе из него: из 125 дворов уже 101 подали такие заявления, мотивируя тем, что их насильно заставляли вступить в колхоз, и что они только теперь уяснили, что это проводится в порядке добровольности» [2, л. 110].

Важно, что ситуация характеризуется вовсе не как что-то исключительное. С большой долей вероятности можно предположить, что запугивание и административное давление активно применялись комсомольцами Калужского округа при организации колхозов.

В информационной сводке, о которой шла речь выше, есть интересное «Дополнение к сводке. Искривления в раскулачивании». В нём читаем: «По всему округу отмечены факты допущения раскулачивания не подлежащих раскулачиванию и отбиралось вплоть до белья. Неправильное понимание лозунга уничтожения кулака как класса в отдельных местах привело к тому, что, как, например, в Черепецком районе Николо-Гастунская

ячейка партии и комсомола уничтожала кулацкий класс восстановлением в правах гражданства. А Хатинская ячейка комсомола Калужского района, где присутствовали бригады из Калужского педтехникума самостоятельно постановляла кого лишать голоса и кого выселять из пределов округа» [2, л. 92]. Стилистика этого документа хоть и не очень внятна, но выразительна. И вновь отметим, что о произволе здесь говорится с осуждением, но без удивления – как о случаях отнюдь не уникальных.

Сюда же можно отнести и произвол по отношению к верующим. Чаще всего это – самовольное, т.е. без решения общих собраний, закрытие церквей и размещение в них семенных фондов, как это было, например, в Перемышльском и Ферзиковском районах. Причём для исполнителей здесь имелся предмет гордости, которым они «похвалялись» [2, л. 91].

Понятно, что своими действиями комсомольцы восстанавливали против себя местное население, что приводило к опасному росту напряжённости. Например, члены Нижненской комсомольской ячейки Угодско-Заводского района признавались, что боятся работать без оружия. Такой же страх преследовал и комсомолец Игнатова из Лихвинской ячейки, который «не пошёл в деревню работать без нагана» [2, л. 91].

С помощью таких методов колхозы создавались быстро и жили недолго. Крестьяне, стоило ослабить нажим, стремились их покинуть. ... Да ещё вскоре, в том же марте, вышла знаменитая статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», где жёстко критиковались «перегибы» – насилие и административное давление в ходе коллективизации.

Конечно, картина будет неполной, если мы отметим только насильственные методы коллективизации. В разделе информационной сводки «Массовая работа и рост комсомола» есть замечательный материал об агитации за колхоз с помощью лыжного пробега. «В проведённую весенне-посевную кампанию, – говорится в документе, – проводился окружном агитпробег лыжников. В результате пробега проведено ряд собраний, а бригадой лыжников Черепетского завода в деревне Доброе организован колхоз» [2, л. 91].

Комсомольцы усердно проводили собрания, на которых призывали беспартийных вступить не только в колхоз, но и в комсомол

– что было тесно связано, как понимали и сами крестьяне. «...По Черепетскому району, – пишет автор сводки, – 12 ячеек провели 61 собрание, 3–4 собрания женщин, 17 собраний бедноты, по Угодско-Заводскому району проведено также 50 собраний молодёжи. После проведения собраний отмечена большая тяга в комсомол. Организуются вновь ячейки комсомола. Т. о. за февраль месяц организовано 4 ячейки по Детчинскому, по Малоаровскому – 3. В Черепетском районе за последнее время подано 60 заявок об организации комсомольских ячеек, но в то же время, в том же районе есть случаи, когда бедняцкая молодёжь в комсомол не идёт, потому что нужно вступать в колхоз» [2, л. 94].

Так или иначе – в документах комсомольцы предстают главной организующей силой коллективизации – как потому, что они были нацелены на эту роль партией, так и в силу молодого энтузиазма и энергии. При этом не стоит думать, что вся комсомольская молодёжь округа занимала в этом процессе одинаковую позицию. В архивных документах мы находим немало примеров совсем иных настроений.

Так, в «Дополнении к сводке» читаем: «Есть случаи отказа от работы по коллективизации в Колонтаровской и Богдановской ячейках, а в Угодско-Заводском районе есть у отдельных комсомольцев такие настроения: «Как мы будем бороться с классовым врагом, мы – молодые, как идти в колхоз, когда старшие не идут». Отдельные ячейки вместо того, чтобы дать отпор анти-колхозной волне, растерявшись шли по течению. Есть случаи выхода комсомольцев из колхоза и из комсомола» [2, л. 92].

А вот докладная записка Окружному ВЛКСМ от бригадира Кожина (Бабынинский район) (май 1930 г.): «Во время коллективизации комсомольцы совместно с секретарем ячейки ВЛКСМ Чистяковым пьянствовали, а также по весенней посевной кампании ничего не делали. Имеется там колхоз, из которого комсомольцы бежали под руководством секретаря ячейки. Говорят, что там рубах некому чинить, обеда готовить тоже некому, но колхоз остался существовать без них» [2, л. 13].

Наконец, – ещё одно дополнение к информационной сводке, озаглавленное «Факты, характеризующие состояние организации, вскрытые в связи с проведением кампании». Здесь секретарь Калужского райкома комсо-

мола суммирует негативную информацию: «Ряд ячеек относились к этому делу безучастно, а в ряде ячеек есть даже комсомольцы, противодействующие этому мероприятию: Турынинская, Чижовская, Григорьевская, Жереловская, Плетневская бездействовали. Ряд комсомольцев активно занимались убоем скота, агитировали крестьян, чтобы не шли в колхоз, высказывались, что линия партии в вопросе переустройства сельского хозяйства не верна, что сейчас еще рано заниматься этим делом» [2, л. 92].

Итак, что мы имеем? С одной стороны, комсомольцы – полные сторонники партии, готовые, прямо скажем, на применение крайних мер, только бы реализовать политику партии по коллективизации сельского хозяйства, да ещё в кратчайшие сроки. А с другой стороны, нечто абсолютно противоположное. Вроде бы те же комсомольцы, те же комсомольские ячейки, только никакой активности в деле коллективизации, полное несогласие с политикой центра, да ещё и уничтожающие собственный скот, чтобы тот не достался колхозам.

То есть – картина, мягко говоря, неоднозначная. Но, тем не менее, вполне понятная. Ведь перед нами – живые люди, которые совсем не обязательно должны были придерживаться одинаковой позиции, да и менять своё мнение тоже могли. Как нам кажется, настроения в комсомольской среде позволяют, с достаточной долей условности, конечно, выделить три группы.

Первая – это искренние энтузиасты, преданные делу партии. Они, как справедливо отмечают В.А. Ипполитов и А.А. Слезин, представляли собой подготовленную почву, в которую попадали идеи классовой борьбы. Для молодых людей, выросших в годы войн и революций, было характерно чёрно-белое восприятие действительности, они верили, что, устранив всех врагов, можно легко построить «светлое будущее» [7]. Если добавить к этому свойственные молодости горячность и энергию, становится очевидным, что партия совершенно обоснованно именно ком-

сомол сделала своим главным орудием для переворота в деревне.

Вторая группа – молодёжь, которая по тем или иным причинам этот переворот не поддерживала, считая его или слишком жёстким, или несвоевременным, или вовсе неподходящим для крестьянской жизни, или, наконец, имела какие-то конкретные личные мотивы. Можно легко представить себе комсомольца, поначалу охваченного энтузиазмом, но испытавшего разочарование, столкнувшись с реалиями колхозного строительства.

Третья же группа – это те, кто был совсем не против активных действий и вполне искренне (или не очень) горел за дело партии, но главную цель имел иную: построение собственной карьеры. Цели этой можно было достичь, перевыполняя планы по организации колхозов и посылая наверх рапорты о своих самоотверженных трудах и успехах. Особенно заманчив такой путь был для сельской молодёжи, мечтающей «выбиться в люди» и уехать в город. При этом, что характерно, возможность показать себя, работая на селе, выбирали не все. В документе под названием «К Пленуму РК ВЛКСМ. В стороне от борьбы с перегибами (Угодско-Заводская организация) встречаем откровенное заявление комсомольца Белобородова, которому предложили вступить в колхоз: «Зачем я пойду в коммуну, когда могу поехать в Москву на работу?». Далее автор документа печально констатирует: «Некоторые из товарищей, окончивших колхозные курсы в Калуге, также в коммуну не пошли, а использовали курсы как подготовку в своих шкурных целях» [2, л. 22].

Представители первой и третьей групп в Калужском округе явно численно преобладали – чем в значительной степени и были обусловлены как стремительные темпы колхозного строительства, так и «перегибы» при их достижении. Причём «перегибы» эти, несмотря на осуждение партией, наблюдались и в дальнейшем, а комсомольцы склонны были обвинять в них кого угодно, кроме себя. Впрочем, это уже тема для отдельной статьи.

Список литературы:

1. Андриец, У.М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства дальнего востока / У.М. Андриец // Россия и АТР. – 2016. – № 1 (91). – С. 250–260.
2. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. 61. Оп. 2. Д. 11.
3. Государственный архив Калужской области. Ф. Р. 1103. Оп. 1. Д. 21.
4. Иевлева, О.И., Майорова, Н.О. Динамика численности комсомольцев Калужского округа в связи с началом сплошной коллективизации. 1 октября 1929 года – 15 марта 1930 года (к постановке проблемы) / О.И. Иевлева, Н.О. Майорова // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. – 2024. – № 2 (5). – С. 38–41.
5. Иевлева, О.И., Майорова, Н.О. «Типология протеста. Управленческие работники среднего звена Калужского округа о проблемах коллективизации» / О.И. Иевлева, Н.О. Майорова // Калужская область в контексте глобальных трансформаций: оценка структурных, пространственных и социальных приоритетов. Материалы научно-практической конференции / Калужский филиал РАНХиГС. – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2025. – С. 132–153.
6. Ипполитов, В.А. Деятельность комсомола как фактор укрепления колхозного строя в первой половине 1930 – х годов / В.А. Ипполитов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 4. – С. 408–422.
7. Ипполитов, В.А., Слезин, А.А. Апогей коллективизации: роль комсомола / В.А. Ипполитов, А.А. Слезин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 433. – С. 64–69.
8. Камышанов, А.А. Роль комсомольской организации в коллективизации Хопёрского округа (на примере протокола № 70 заседания бюро Нижне-Волжского комитета ВЛКСМ) / А.А. Камышанов // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. № 12–13 (80). – С. 149–151.
9. Панарин, А.А., Стецура, Ю.А. Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20–30-х годов XX века / А.А. Панарин, Ю.А. Стецура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 2. – С. 56–62.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калужский филиал), Калуга, РФ

УДК 94 (47).083; 908

*А. В. Ковалев***ТРУДОВОЕ УБЕЖИЩЕ ДЛЯ УВЕЧНЫХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
И КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ**

Текст посвящён изучению взаимосвязи между историей Трудового убежища для увечных Русско-японской войны, созданного Комитетом великой княгини Елизаветы Фёдоровны, и Калужской губернией. Рассмотрены некоторые подробности функционирования убежища. Уделено внимание взаимодействию представителей Комитета и руководства Калужской губернии. Выявлены подробности в отношении персоналии участника войны, получившего обучение в первом составе бывших солдат, призреваемых в убежище.

Ключевые слова: Калужская губерния; Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны; помощь участникам войны; Россия; Русско-японская война 1904–1905 гг.; Трудовое убежище для увечных Русско-японской войны.

*A. V. Kovalev***LABOR SHELTER FOR THE CRIPPLED OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR
AND KALUGA PROVINCE**

The text is devoted to the study of the relationship between the history of the Labor Shelter for the Crippled of the Russian-Japanese War, created by the Committee of Grand Duchess Elizaveta Fedorovna, and the Kaluga Province. Some details of the functioning of the shelter are considered. Attention is paid to the interaction of representatives of the Committee and the leadership of the Kaluga Province. Details have been revealed regarding the identity of the war veteran who was trained in the first train of former soldiers to be taken to the shelter.

Keywords: Kaluga Province; Committee of Grand Duchess Elizaveta Fedorovna; assistance to war veterans; Russia; Russian-Japanese War of 1904–1905; Labor Shelter for the Crippled of the Russian-Japanese War.

В наше время продолжает оставаться актуальной тема послевоенной адаптации участников боевых действий, в том числе, полностью или частично утративших способность к прежнему труду. В связи с этим, полезно обращение к опыту прошлого, в частности, связанному с Русско-японской войной 1904–1905 гг., 120-летие завершения которой приходится на 2025 год. Эта война оставила после себя не только горечь военных неудач, но и тысячи пострадавших участников, для которых полное возвращение к довоенной жизни оказалось невозможным в силу тех или иных полученных увечий.

Помощь в послевоенной адаптации пострадавших участников войны являлась одной из задач Комитета великой княгини (далее – вл. кн.) Елизаветы Фёдоровны, который начал функционировать ещё во время военных событий на Дальнем Востоке и, с некоторыми изменениями, продолжил свою деятельность после завершения конфликта.

Интерес к личности вл. кн. Елизаветы Фёдоровны и различным её учреждениям у современных авторов вполне справедливо держится на высоком уровне. Рассматриваются самые разные стороны её жизненного пути и деятельности, включая повседневность [1], можно также указать на опыт исследования комплексного характера [2].

Изучается соприкосновение биографии великой княгини с историей Калужского края, в связи со значимостью Романовых в калужской благотворительности [3], а равно в связи с непосредственными фактами присутствия вл. кн. Елизаветы Фёдоровны на территории Калужской губернии [4].

В самом деле, деятельность великой княгини затрагивала так много разнообразных аспектов, что представляется вполне возможным и должным рассмотреть некоторые подробности этой деятельности в рамках региона.

Для этого небольшого исследования главным источником послужили документы Канцелярии калужского губернатора, хранящиеся в калужском архиве (ГАКО, Ф. 32). Они позволяют увидеть некоторые подробности сотрудничества учреждений, созданных княгиней-благотворительницей, и руководства Калужской губернии.

В конце 1905 г. действовавший во время войны с Японией комитет вл. кн. Елизаветы Фёдоровны был реорганизован с названием «Комитет по оказанию помощи жертвам Русско-японской войны», одной из главных задач его было создание учреждения для бывших солдат, ставших инвалидами [2, с. 97].

Исследователи нередко с самого начала существования этого учреждения именуют его Сергиево-Елисаветинским убежищем, однако исторические источники, а именно, документы периода между 1906 и 1908 гг. (т. е. во время, предшествовавшее расширению учреждения за счёт строительства большего помещения на 100 человек в новом месте за Тверской заставой, в собственном доме на Петербургское шоссе), дают другое название – Трудовое убежище для увечных Русско-японской войны. Так мы и будем именовать данное учреждение в этом тексте, ограничиваясь наиболее ранним периодом существования убежища в первоначальном здании в 1906–1908 гг.

Итак, в начале 1906 г. в Москве, по инициативе вл. кн. Елизаветы Фёдоровны было основано Трудовое убежище для увечных Русско-японской войны. Задачей учреждения было «обеспечить дальнейшую судьбу хотя бы некоторых из них, независимо от полученных ими всякого рода законных пенсий или случайных пособий». Учреждение было рассчитано на 50 человек. Местоположение убежища тогда было следующее: г. Москва, у Тверской заставы, по левому Петербургскому шоссе, дом Комоловых.

Убежище предназначалось для крестьян, ставших в ходе войны калеками и не имевших возможности заниматься, как до войны, земледельческим трудом, но при этом остававшихся «относительно работоспособными».

В учреждении бывшие солдаты могли овладеть тем или иным ремеслом, чтобы жить, «не только не обременя своё семейство, а наоборот, помогая ему». Можно было

пройти обучение следующим ремёслам: сапожному, портному, слесарному, лудильному, переплётному. Для обучения каждому из ремёсел были организованы отдельные мастерские, причём во главе каждой из этих мастерских стоял опытный вольнонаёмный «мастер-руководитель».

Призываемые могли начать зарабатывать уже на стадии нахождения в убежище. Учреждение закупало для ремесленных работ все необходимые материалы «из первых рук и возможно лучшего качества». Особое внимание при обучении и работе призываемых уделялось высокому качеству изделий, в частности, прочности. Вырученные от продажи изделий деньги, из которых вычиталась только стоимость сырья, передавались призываемому в качестве заработной платы. Организаторы учреждения особо отмечали, что, так как убежище не получает никакой материальной выгоды от продажи изделий, это положительно сказывается на их цене, отличающейся относительной дешевизной.

Во всё время нахождения в убежище призываемые получали бесплатное проживание, содержание и одежду, а в случае необходимости – и бесплатное лечение. Во время проживания бывшие солдаты обучались грамоте, арифметике и церковному пению.

После того, как призываемые получали достаточный навык в ремесле, их отправляли по месту постоянного жительства, причём выдавали необходимую одежду и «перевозочные документы». Кроме того, прошедшего обучение оснащали инструментами для самостоятельного занятия ремеслом на родине. Оговаривалось, например, что портным выдавались швейные машинки [5, л. 25, 26].

Желавшие поступить в убежище должны были подать прошение в Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны по адресу: Москва, Волхонка, 14. Их заносили в «кандидатский список» и указывали срок принятия в убежище. Для бывших солдат, проживавших вне Москвы, предполагалась возможность присылки письменного прошения.

Учреждения же, или лица, желавшие вести сотрудничество с убежищем, могли обратиться по тому же адресу для размещения заказов [5, л. 26].

Пытаясь расширить свою деятельность на территории страны, привлечь внимание бывших солдат, Комитет вл. кн. Елизаветы Фёдоровны старался, насколько возможно,

применять административные рычаги. Руководству Калужской губернии в то время уже доводилось взаимодействовать с Комитетом Елизаветы Фёдоровны. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в феврале 1907 г. калужский губернатор А.А. Офросимов, среди руководителей других губерний, получил циркулярное отношение, которое подписал председатель Комитета флигель-адъютант, полковник граф Г.Г. Менгден, в нём содержались сведения о недавно созданном Трудовом убежище, а также призыв к содействию путём распространения информации. «Комитет... просит всякого, кто встречает и знает больных и раненых участников войны, направлять их в Комитет Ее Высочества...», - говорится в этом документе. Равным образом представитель Комитета просил распространить информацию и для возможных заказчиков изделий из мастерских убежища [5, л. 26].

Губернатор приложил некоторые усилия для распространения сведений о Комитете. В конце февраля 1907 г. материал был передан в газету «Калужские губернские ведомости», и там трижды опубликован. Было отпечатано 1000 экз. объявления на основе письма из Комитета, которые, при соответствующем циркуляре, передавались для распространения полицмейстеру, уездным исправникам и земским начальникам [5, лл. 27–30].

Следует обратить внимание, что Комитет Елизаветы Фёдоровны и лично сама великая княгиня интересовались дальнейшей судьбой призреваемых. В связи с этим губернаторам, с которыми Комитет сотрудничал в

распространении сведений о своей деятельности в ноябре 1907 г. было разослано новое циркулярное отношение, подписанное товарищем председателя Комитета Н.К. фон Мекк. В этом документе говорилось о том, что за прошедшее время некоторое количество бывших солдат успело пройти обучение в Трудовом убежище и, получив необходимые инструменты, вернулось на родину. Просьба Комитета заключалась в том, чтобы предоставить сведения о вернувшихся призреваемых по следующим вопросам:

- «1) Когда нижний чин прибыл из Убежища на родину и живет ли там?
- 2) Привез ли с собой выданные ему инструменты и пользуется ли ими, или приобрел таковые на свои средства?
- 3) Занимается ли он ремеслом, которому научился в убежище, постоянно ли или только, между прочим, или быть может, бросил его совсем и другим способом добывает себе пропитание и каким именно?
- 4) Сколько приблизительно он вырабатывает в месяц тем или иным способом?
- 5) Какой он ведет образ жизни в нравственном отношении?» [5, л. 117].

Благодаря этому письму у нас есть возможность увидеть, кого в Калужской губернии затронула деятельность Трудового убежища.

На настоящий момент у нас есть информация только об одном уроженце Калужского края, прошедшем обучение в убежище. Согласно форме, предпосланной самим Комитетом вл. кн. Елизаветы Фёдоровны, мы можем изложить краткие сведения об этом бывшем солдате в виде Таблицы 1.

Таблица 1

Сведения о бывшем солдате, прошедшем обучение в Трудовом убежище для увечных Русско-японской войны [5, л. 119]

Фамилия, имя, отчество и часть	Ранение или болезнь	Когда прибыл в убежище	Какому ремеслу обучен	Какие получили инструменты	Куда выехал
Мосенков Филипп Иванович младший унтер-офицер 284-го пехотного Чембарского полка Жиздринского уезда Маклаковской волости, села Маклаков	Ранен в бедро обеих ног	7 февраля 1906 года	Сапожному	Необходимые для сапожного ремесла	На родину 30 мая 1907 года

Таким образом, мы видим, что уроженец Жиздринского уезда Филипп Иванович Мосенков проходил службу в 284-м Чембарском полку, что не слишком характерно для уроженцев Калужской губернии, так как в этом полку, сформированном на время войны, служили преимущественно уроженцы Пензенской губернии. Полк участвовал в ряде сражений, например, при Ляояне в 1904 г. и при Мукдене в 1905 г. [6]. В одном из боёв Ф.И. Мосенков получил ранение в обе ноги, сделавшее его инвалидом и, демобилизовавшись, вернулся на родину к началу 1906 г. В Трудовом убежище Ф.И. Мосенков пробыл с 7 февраля 1906 г., с самого открытия, и до 30 мая 1907 г., то есть был в числе первого состава призреваемых. Таким образом, общий курс обучения мастерству в убежище, во всяком случае, если говорить о сапожном деле, которому обучился Ф.И. Мосенков, продолжался примерно 16 месяцев.

12 ноября 1907 г. Канцелярия калужского губернатора направила соответствующий запрос о судьбе Ф.И. Мосенкова Жиздринскому уездному исправнику А.Л. Обновленскому и вскоре получила ответ [5, л. 118].

Уездный исправник сообщал, что «запасный нижний чин из крестьян с. Маклаков Филипп Мосенков прибыл из убежища на родину 31 Мая 1907 г. и с того времени живет дома, Мосенков привёз с собой инструменты, выданные в убежище, и теперь пользуется ими, занимаясь сапожным ремеслом, которому научился в убежище, - на заработок от которого имеет средства к жизни - вырабатывая приблизительно в месяц до 5 руб., образ жизни он ведет трезвый и в нравственном отношении хороший» [5, л. 120].

Можно задаться вопросом, велик ли доход сапожника Ф.И. Мосенкова. Если учесть, что годовой доход на душу крестьянина с 1900 г. по 1913 г. с колебаниями возрос от 30 до 43 руб., то 5 руб. в месяц, предполагающие в сумме в год примерно 60 руб. (и это в 1907 г.), выглядят как минимум вполне сопоставимо и достойно [7, с. 301].

В декабре 1907 г. сведения, полученные из сообщения исправника, были переданы Канцелярией калужского губернатора в Комитет вл. кн. Елизаветы Фёдоровны за подписью исполняющего должность губернатора вице-губернатора В.А. Оленина [5, л. 121].

Сведений о других призреваемых в Трудовом убежище за время его существова-

ния в первоначальном месте в 1906–1908 гг. обнаружить не удалось. Видимо, Калужская губерния оказалась представлена в нём очень небольшим количеством призреваемых, а возможно, и всего одним человеком.

Можно также задаться вопросом, в чём причины небольшого количества призреваемых из Калужской губернии. Во-первых, причина в том, что информация об убежище доходила до глубинки, как следует предположить, с затруднением: не все крестьяне были грамотными (ведь нужно было для начала прочесть об убежище, а затем составить и передать прошение о зачислении). До отдалённых мест сведения, передаваемые Комитетом через губернатора, а от него через уездных исправников, могли не дойти. Во-вторых, вероятно, отбор в убежище, как видим из факта составления кандидатских списков, был не так уж прост. Судя по тому, что среди занятий призреваемых фигурирует церковное пение, существовали определённые требования к личности и нравственности потенциальных призреваемых. В-третьих, в самом Трудовом убежище в изучаемый период было немного мест (иного было бы сложно ожидать, учитывая известное количество услуг бесплатного характера). Логично предположить, что за весь первоначальный период существования в 1906–1908 гг. убежища на 50 мест, при известной нам на конкретном примере скорости обучения одного человека в один-полтора года, за всё указанное время можно было обучить разным ремёслам порядка 100–200 человек, тогда как война оставила после себя многие тысячи инвалидов.

Сами организаторы учреждения во главе с вл. кн. Елизаветой Фёдоровной рассматривали свой проект как первый опыт создания убежища для инвалидов войны, в котором призреваемые не будут просто получателями милостыни, но смогут вновь стать самостоятельными людьми, мастерами, способными, несмотря на последствия войны, занимать достойное место в обществе. В последующем, конечно же, предполагалось расширить успешный опыт Трудового убежища.

В связи с вышесказанным мы имеем право утверждать, что данное начинание Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны, возможно, при всех отрицательных и положительных аспектах, было своевременным для начала XX в. и достойным для осмысления в наше непростое время.

Список литературы:

1. Волошун, П.В. Благотворительная деятельность как сфера повседневной жизни великой княгини Елизаветы Фёдоровны в России конца XIX – начала XX века / П.В. Волошун: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тверь: Тверской государственный университет, 2014. – 22 с.
2. Ковальская, Е.Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Фёдоровны: руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884–1918) / Е.Ю. Ковальская: дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИРИ РАН, 2022. – 457 с.
3. Харченко, Л.И. Дом Романовых в истории Калужского отделения Российского Красного Креста / Л.И. Харченко // У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых). Исследования, материалы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – С. 382–394.
4. Белова, И.Б., Дорохина, М.Н. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и Калужский край / И.Б. Белова, М.Н. Дорохина // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. – 2023. – № 1. – С. 8–17.
5. Государственный архив Калужской области. Ф.32. Оп. 2. Д. 1367. Циркуляры Калужского губернатора и переписка с Калужским губернским правлением, уездными исправниками и др. о назначении пособия и представления должности больным и раненым воинам. Устав дома призрения воинов (15 января 1907 г. – 14 марта 1907 г.). – 129 л.
6. Еремин, Г.В. Двести восемьдесят четвёртый пехотный Чембарский полк / Г.В. Еремин // Пензенская энциклопедия. URL: https://penza-enc.ru/wiki/Двести_восемьдесят_четвёртый_пехотный_Чембарский_полк (дата обращения: 22.05.2025).
7. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калужский филиал), Калуга, РФ

УДК 391; 908

*А. Н. Кузнецов**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Штепа***ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

В статье рассматриваются результаты современных экспедиционных исследований традиционного костюма жителей Верхнего Поочья. Основное внимание уделяется методологии полевых исследований, включающей работу с музейными фондами, интервьюирование местных жителей и изучение предметов старинной одежды. Цель исследования состоит в анализе собранной во время поездок в юго-западные районы Калужской области информации о бытовании традиционного костюма, его изготовлении и социальных функциях. В ходе описанных экспедиций были изучены особенности костюма Хвастовичского, Кировского, Людиновского, Барятинского районов Калужской области, выявлены культурные границы локальных традиций и зафиксированы последние свидетельства о бытовании народного костюма.

Ключевые слова: традиционный костюм; этнографическое исследование; полевые экспедиции; народный быт; Верхнее Поочье; Хвастовичский, Кировский, Людиновский, Барятинский районы.

*A. N. Kuznetsov,**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A. V. Shtepa***THE IMPORTANCE OF MODERN EXPEDITIONARY RESEARCH FOR STUDYING THE TRADITIONAL COSTUME OF THE INHABITANTS OF THE REGION UPPER POCHIE**

The article examines the results of modern expeditionary studies of the traditional costume of the inhabitants of the Upper Pooch region. The main focus is on the methodology of field research, which includes working with museum funds, interviewing local residents and studying objects of antique clothing. The purpose of the study is to analyze information collected during trips to the southwestern regions of the Kaluga region about the existence of traditional costume, its manufacture and social functions. During the described expeditions, the costume features of the Khvastovichi, Kirovsky, Mannovsky, and Baryatinsky districts of the Kaluga Region were studied, the cultural boundaries of local traditions were identified, and the latest evidence of the existence of folk costume was recorded.

Keywords: traditional costume; ethnographic research; field expeditions; folk lifestyle; Upper Poochye; Khvastovichsky, Kirovsky, Lyudinovsky, Baryatinsky districts.

В настоящее время экспедиции в форме срочных полевых выездов по запланированному маршруту дают возможность познакомиться с дополнительным объёмом ранее неопубликованных материальных источников и получить недостающую информацию о традиционном костюме. При планировании экспедиции по районам калужского региона и пограничных районов соседних областей, автором статьи был разработан план и алгоритм сбора полевой информации о старинном костюме, включающий пять пунктов: исследование фондов местных объектов культуры, выявление и обработка учётной информации о предметах фонда, интервью с хранителями фондов, интервью с местными

жителями, знакомство с предметами старинной одежды из сундуков старожилов. Соответственно объектом полевых исследований была старинная одежда и инструменты для её изготовления. Требовалось собрать как можно больше сохранившейся информация о бытовании костюма, о технологии его изготовления, способе одевания, социальных и половозрастных функциях традиционной одежды. Рассматривая различные функции традиционной одежды В.Н. Токарев призывает исследовать в первую очередь формы общения и разобщения людей: «Материальная вещь не может интересовать этнографа вне её социального бытования, вне её отношения

к человеку – тому, кто её создал, и тому, кто ею пользуется» [7, с. 3].

В организационные задачи экспедиции входило разработка маршрута, получение доступа к фондам муниципальных объектов культуры, поиск респондентов для интервьюирования. В рамках исследования изучались вещественные источники, проводился опрос старожилов. Таким образом, экспедиция в районы Калужской области позволяла исследовать вещественные источники из коллекции местных объектов культуры, а также познакомиться с владельческими предметами и записать интервью о бытовании традиционной одежды, об её роли в жизни деревни. Перед каждой экспедицией проводилась подготовительная работа, направленная на изучение письменных и фотоисточников, затрагивающих район исследования. В первую очередь выбор падал на районы, которые уже были исследованы Н.И. Лебедевой и Н.П. Гринковой в 1920-е гг., так как материал, добытый в экспедициях, можно было бы верифицировать с полевыми отчётами этих этнографов, опираясь на собранную ими информацию [3; 6].

Большие надежды возлагались на интервью, как на эффективный метод сбора этнографической информации. При определении выборки опрашиваемых, были выделены две перспективные группы. Первая группа информантов включала представителей местных объектов культуры, как правило являвшихся хранителями местных традиций и, в целом, обладающих общей информацией по объекту исследования. Более того, большинство предметов одежды, хранящихся в местном объекте культуры, поступило на их памяти. Но более ценную информацию предполагалось получить от второй группы респондентов – от коренных местных жителей. Выйти на старожилов, которые ещё помнят местные традиции и договориться об интервью помогли сотрудники муниципальных объектов культуры. Практика экспедиционной деятельности показала, что заранее предупреждённые об интервью респонденты были лучше подготовлены и легче шли на контакт. Попытки получить интервью у местных старушек без предварительного согласования не всегда были удачны. При отборе информантов второй группы предпочтение отдавалось самым пожилым жителям исследуемого населённого пункта. К сожале-

нию, таких осталось не много. И уж совсем не многие из них могли быть интервьюированы по состоянию здоровья. Чем старше респондент, тем архаичнее пласт информации, который можно от него получить. В отличие от представителей местных объектов культуры, несущих на себе отпечаток профессиональной деформации – фольклорности, информационная осведомлённость старожилов ограничивалась собственным жизненным опытом, который и представлял главный интерес экспедиций. Для проведения интервью был подготовлен базовый опросный лист, состоящий из ряда тем и вопросов, позволяющих их раскрыть. Опросный лист формировался конкретно под каждую исследуемую территорию на основании предварительной информации, полученной из письменных и материальных источников. Первые вопросы касались места, даты и времени проведения интервью, а также ФИО, года и места рождения респондента. Вопросы первой темы анкеты были посвящены культурному кругу деревень, к которому принадлежит данный населённый пункт. Вопросы второй темы были направлены на бытование костюма: когда и кто его носил, при каких обстоятельствах. Вопросы третьей темы были посвящены непосредственно предметам костюма, их особенностям, местным названиям, техники изготовления. Вопросы последней темы ориентировали на поиск связи традиционного костюма и ткачества в целом с социальной стратификацией и обрядовостью. Под каждый населённый пункт, где удавалось провести опрос анкета немного модернизировалась. В основном в той части вопросов, которые должны были определить культурный круг населённых пунктов, объединённых схожими локальными традициями в одежде. При наличии предметов одежды в доме информанта оставшихся от родителей или родственников, фиксировалось ФИО, год и место рождения тех, кому они принадлежали. В большинстве случаев опрос старожилов производился у них дома. Запись интервью осуществлялась с помощью приложения диктофон на мобильном телефоне. Самым сложным оказалось придерживаться вопросов подготовленной анкеты. В процессе беседы, пожилые люди вспоминали о своей молодости, и в первую очередь сообщали истории важные лично для них. Для активизации воспоминаний в опросном листе, параллельно с

поставленным вопросом, в кавычках были заранее записаны возможные названия предметов одежды, их вероятное предназначение и способ одевания, почерпнутые из других письменных и устных источников. Это информация, приводимая в случае возникновения затруднения у респондента, помогала ему вспомнить и развить тему. Другим необходимым приёмом было регулярное уточнение временного периода, который описывал информант для выстраивания хронологических рамок того или иного явления.

Самые пожилые респонденты были 1932–1935 годов рождения. На основании 12 интервью, записанных в 8 районах Калужской области, удалось выяснить то, что даже самые пожилые респонденты традиционного костюма не носили. При этом отдельные предметы народного костюма бытовали до 1960-х гг. Например, лапти с онучами и оборками носили практически все респонденты, рождённые в 1930-х и 1940-х гг. Сменилась эта обувь только в конце 1960-х гг. с появлением в продаже резиновых калош [1].

Как удалось выяснить, важным фактором прекращения бытования традиционного костюма были изменения хозяйственной деятельности в деревне в конце 1930-х гг. Ни одна из опрошенных бабушек не пряла ни льняную, ни конопляную нить и не ткала холста, ни одна не вспомнила о посеве льна и конопли для собственных нужд. До сих пор сохранившиеся ткацкие станы использовались на памяти респондентов, только для изготовления половиков из лоскутков изношенной одежды. Колхозное строительство в деревне коренным образом изменило хозяйственный уклад женской части населения. Ткачество занимавшее важнейшее место в жизни русской женщины, после 1930-х гг. уходило в прошлое. Во-первых, из-за отсутствия возможности реализовывать весь цикл производства домашней ткани. Ограничения на пользования землёй затрудняли выращивание своего сырья, а работы в колхозе ограничивали временные возможности женщин для прядения и ткачества. Во-вторых, из-за развития производства фабричных текстильных товаров, которые с середины 1930-х гг. стали более доступны для деревни и вытесняли «свойский» материал. Соответственно степень информативности сообщений респондентов, чья молодость пришлась на конец 1940-х и середину 1950-х гг., носила об-

щий характер. Знание информантов о традиционном костюме основывалось на воспоминаниях о том, какую одежду носили родители и старшее поколение. В связи с чем целостной информации о составе комплекса традиционного костюма, о степени праздничности, о названии элементов каждого предмета костюма, они предоставляли только частично, или в общих чертах. Не больше информации удалось получить о социальной и половозрастной функциях одежды. Информанты с трудом вспоминали названия некоторых предметов и элементов костюма.

Отдельно следует отметить интервью с респондентами, которые были участниками фольклорных сельских коллективов. В Калужской области расцвет фольклорных музыкальных коллективов пришёлся на начало 1970-х гг. Хотя некоторые коллективы, например народный хор дер. Дешёвки известен с конца 1940-х гг. Практически в каждом районе области был сформирован свой коллектив. Этому способствовала государственная политика в области развития культуры в деревне. Широкую известность получили коллективы, созданные в сёлах Подбужье и Пеневицы Хвастовичского района, в д. Дубровка Кировского района, в с. Сорокино Ульяновского района.

Эти коллективы приглашали выступать в столицу и в различные города СССР. Благодаря данному явлению в этих сёлах была сохранена не только память о народном костюме, но и сами костюмы. В экспедициях удалось зафиксировать такие костюмы и получить ценную информацию. В интервью участники фольклорных коллективов сообщали об отличии их костюма от соседних сёл, о способе одевания предметов костюма, местные названия одежды.

Экспедиция, проведённая в Хвастовичском районе, включала посещение сёл: Красное, Бояновичи, Подбужье. Село Красное представляло интерес своим краеведческим музеем. В с. Подбужье ещё были живы участники известного фольклорного коллектива, который с 1969 г. выступал в родных костюмах. А с. Бояновичи является крупнейшим и древнейшим селом Хвастовичского района, которое впервые упоминается в писцовых книгах Свенского монастыря в записи за 1450 год [2, с. 3]. Особый интерес это село представляло в связи с тем, что на его территории в 1929 г. был снят документаль-

ный фильм «В Брянском полесье», на кадрах которого можно отчётливо ознакомиться с бытованием традиционного костюма [8]. Все три села посетила и описала Н. Лебедева в экспедиции 1925 года [6].

В с. Бояновичи были опрошены 5 бабушек 1930-х гг. рождения. Четверо из них помнят, что в других районах области жителей с. Бояновичи и деревень его округи называли полехами и отмечали их своеобразный говор: «Вот полешки пошли» [1, д. 1, л. 2]. Матери респондентов носили рубахи и понёвы ещё после войны от бедноты. Сами опрошенные традиционную одежду не одевали, если только изредка, в шутку, например, на Новый год. На памяти респондентов старушки носили понёвы и кички до смерти. Последняя бабушка в таком наряде ходила до конца 1990-х гг. В такой одежде их и хоронили. Об обряде одевания понёвы слышали все, но никто не помнит. Одевали её перед свадьбой, девки в понёве не ходили. Все помнят покрывание косинкой (широкий дотканый полотенчатый головной убор с украшенными концами) невесты в свадебном обряде: «Мам прости меня, благослови меня, я выхожу замуж» [1, д. 1, л. 4], и их использование в дальнейшем в поминальных обрядах. Лапти плели и носили все, самые нарядные изготавливали с головками из узкого лыка вяза. Одеться в традиционный наряд, в Бояновичах называлось – «собраться», а сам наряд – «сбор». Сохранилось воспоминание о хранении женской одежды в кузовках, сшитых из берёзового лыка с крышкой. Предположительно, это очень архаичная черта, которая также встречается у финно-угорских народов Поволжья. Архаичный обряд «крещение и похороны кукушки» никто не помнит. Зато все вспоминают весенний выезд на «кукушку» всем колхозом. Одна бабушка рассказала о семейной реликвии «молебской» скатерти, которая использовалась в молениях о дожде, на которые собиралась вся деревня на рассвете во время засух [1, д. 1, л. 13]. Более информационными были сообщения об изготовлении и бытовании рушников.

Бывшая участница Подбужского народного хора рассказала о трёх вариантах костюма, отличавшихся по степени праздничности: духовской, полудуховской, будничной [1, д. 6., л. 1]. Эти эпитеты относились и к отдельным предметам одежды. Са-

мым нарядным считался духовской костюм. Название его следует от местного названия праздника Троицы – Духов день. Духовской костюм в с. Подбужье одевался на большие праздники и отличался тем, что все его предметы были в «золоте». Под повойник одевали «ковер», тип кички для закрепления волос и придачи формы головному убору.

Руководитель историко-краеведческого музея с. Красное упоминала особый говор «по-красненски», который отличался от других районов области и был немного похож на говор с. Бояновичи [1, д. 5, л. 5]. Интерес представляет демонстрация и рассказ респондента о женской подвеске на шее, с особой куриной косточкой, которая не даёт женщине проспать на работу. Про бытование традиционного костюма респондент сообщила, что в с. Красном все занавески были с длинным рукавом, понёвы носили с двойным подтыком – кульком, а повойник под платок одевали ещё на её памяти в 1980-х гг.

Исследование значительного объёма вещественных источников по Хвастовичскому району (около 300 предметов в 7 населённых пунктов) показало большую схожесть традиционного костюма, из которого достаточно резко выделяются только костюмы с. Бояновичи. Во-первых, все исследованные занавески кроме этого села имеют рукава, во-вторых, только в этом селе праздничная понёва не имела никаких украшений и отличалась от рабочей совершенно другим рисунком и размером клетки. Даже в праздничном костюме с. Бояновичи практически не использовался покупной материал. Что, в совокупности с другими характеристиками, даёт основание считать его самым архаичным костюмом Калужского края.

В Людиновского районе, помимо работы с фондами музея «Церковно-исторического краеведения» прихода храма в честь Казанской иконы Божией Матери г. Людиново был проведён опрос протоирея Алексея Жиганова, настоятеля собора и хранителя локальной традиционной культуры. Также были взяты два интервью у старожилов дер. Суглицы и дер. Чёрный Поток.

Бабушка из дер. Суглицы 1930 г. рождения описывает свой старинный костюм как красную парочку с «надевком» (приталенная ситцевая кофта) который изготавливала своими руками и носила до конца 1940-х гг. [1, д. 7, л. 1]. Старинную рубаху и понёву носи-

ла её мать. После войны молодки ещё одевали понёвы по большим праздникам. Респондент описала «грусмённый» (поминальный) наряд с синим сарафаном и белым платком, который она одевала на свадьбу [1, д. 7, л. 2]. Вспомнила и обряд покрывания головы и лица невесты старинным полотном. Интересно её сообщение о вводе невесты в дом жениха через заднюю дверь в сених. Если молодая впервые заходит в дом мужа через парадную дверь с крыльца, то она считается ведьмой.

Респондент из дер. Чёрный Поток также указала на бытование понёвного комплекса только до войны и только по праздникам [1, д. 8, л. 1]. Обе бабушки носили лапти и умели их плести. Архаичный обряд «Похороны кукушки» они помнили, так как принимали в нём участие. При изучении более 100 предметов одежды в Людиновском районе, были обнаружены только четыре понёвы. Одна понёва из комплекса атрибутированного деревней Савино, имеет необычно богатый узор. От подола к поясу она практически вся зашита кумачом с нашитыми по нему горизонтальными полосами позумента и разноцветной тесьмы. Другие понёвы, атрибутированные деревней Чёрный Поток представляют собой будничные варианты, имеющие более позднее вмешательство (была осуществлена попытка сделать их праздничными). Рубахи, хронологически относящиеся к понёвному комплексу скроены с прямыми поликами, что сближает людиновский комплекс с жиздринским. Подолицы рубах пришивные бранного ткачества, некоторые с интересной перпендикулярной бранной вставкой по середине лицевой стороны. Занавески имеют архаичный крой с центральным цельным полотном и украшены великолепными образцами цветной и белой перевитью «вырезами». Несколько зафиксированных комплексов свидетельствуют о том, что сарафан, заменивший понёвы, длительное время носили с нарядной традиционной занавеской от понёвного комплекса. Основную массу фонда музея «Церковно-исторического краеведения» по одежде Людиновского района представляют варианты более позднего костюма «парочки», состоящей из круглого ситцевого сарафана, кохты и короткой рубашки с кокеткой «надевик». Вероятно, промышленно развитый г. Людиново, быстрее соседних перешёл на мещанский костюм.

В Кировском районе были исследованы фонды пяти СДК: М. Савкинский, Фоминацкий, Бережковский, Гавриловский и Якимовский. Интервьюированы их руководители и несколько старожилов. Особенностью этого района являлось наличие староверческих деревень различного толка. В дер. Гавриловка староверы поповского толка никогда понёв не носили. Их традиционной одеждой являлся сарафан.

От информанта 1932 г. рождения, староверки беспоповки дер. Малые Савки (5 км от г. Кирова) мы узнали, что на свадьбу она одевала скромный светлый сарафан «по постному» и белый длинный костолан [1, д. 9, л. 2]. Отметим, что староверческие костоланы сильно отличаются от остальных костоланов, бытовавших в этом районе. Визуально они похожи на рубаху, только немного короче по своей длине и в рукавах. Рукава такого костолана пришиваются непосредственно к стану без поликов. Староверческие костоланы украшены очень скромно, узкой полосой аккуратной вышивки и кружева по подолу, так как по словам респондента, одевался этот предмет одежды только в постные дни, перед свадьбой или на смерть. Редко какая старуха ходила в рубахе и костолане всё время. Голову и лицо невесты на свадьбу покрывали полупрозрачной кисеей. Для поминок у староверов был специальный сарафан тёмных цветов. Мать и сестра респондента ходили в понёве только по праздникам. На старшую сестру понёву одели только после свадьбы. В 1950-е гг. праздничной одеждой этой местности был сатиновый цветной сарафан, который носили с длинной рубахой с пазухой. Лапти носили до конца 1950-х гг., как единственную обувь. Вязовые лапти считались праздничными «красными». Интерес представляет сообщение этого респондента об обряде «обрекатся», заключавшемся в завязывании рушников на кладбищенские ворота, как знак своеобразного обета избранной иконе, или за чьё-либо выздоровление.

Респондент из дер. Якимово рассказала о том, что её мама 1932 г. рождения одевала традиционный костюм только в виде шутки на чужие свадьбы [1, д. 10, л. 2]. Так же она указала на то, что в соседних деревнях Дуброво и Михалево бытовали костоланы. В процессе исследования вещественных источников автору удалось познакомиться с двумя десятками костоланов Кировского района.

Это широкая одежда длиною до колен с рукавами до половины руки, которую подвязывали узким плетённым пояском. Как правило, костоланы изготовлены из пяти полотен рядного холста, сотканного на четырёх подножках, более плотного и износостойкого, чем полотняного переплетения. Из такого же холста изготавливались онучи для обвёртывания ног по всему исследованному региону. Крой костолана очень архаичен, рукав пришит непосредственно к полотну стана. Праздничные костоланы богато и широко украшались. Украшение нижней трети костолана начиналась от верха к низу с красных тканых полос «перетыки», продолжалось широкой полосой кумача с нашитыми разноцветными лентами, и заканчивалась на подоле бахромой из разноцветного гаруса. По воротнику и обшлагам рукавов нашивался красный, часто с мелким набивным рисунком ситец. Сопутствовали кировским костоланам длинные рубахи с косыми поличками с богато и широко вышитыми крестиком подолами. Кировские понёвы, сопровождающие комплекс с костоланом тоже имеют значительные отличия от других районов, кроме Баятинского, с которыми они имели некоторое сходство в расположении украс. Их отличает насыщенный синий цвет, рыхлое полотно и украшение подола несколькими рядами позумента и тесьмы нашитых на красный кумач, которые загибаются на боковые полки понёвы, доходя практически до пояса.

Респондент из деревни Михалево вспоминала, что в середине 1960-х ее бабушка ещё одевала поневу, занавеску и лапти с чёрными оборками, когда ходила по делам в сельсовет центральной усадьбы д. Дуброво [1, д. 11, л. 2]. Чёрные оборки на белые онучи отличительная черта всех рассмотренных выше районов. А костолан ее бабушка одевала только в гости в соседние деревни на престольные праздники, вероятно в виде шутки. Информация, полученная от информантов и при исследовании вещественных источников, позволила очертить круг населённых пунктов Кировского района, где бытовал костолан. Интерес представляет сообщение этого респондента о том, как все бабы перед приходом немцев зарыли свои сундуки с лучшей одеждой, оставляя только самое старое и рванное. Особенно интересная информация была получена о бытовании в Кировском районе профессионального языка бродячих

портных – Швагалей. Многие старожилы Кировского и Людиновского районов могут немного изъясняться на швагальском языке. Ещё Добровольский В.Н. описывал этот язык в своей работе «Некоторые данные условного языка калужских рабочих» в 1900 году. «Чем ближе я продвигался к месту жительства калужских цыган в (Бутчинской волость Жиздринского уезда), тем более я убеждался в том, что многие слова из цыганского языка перешли в жаргоны калужских ремесленников» [4].

А с 1930-х годов этим языком пользовались профессиональные нищие – якуталы, центр проживания которых была деревня Большие Желтоухи Кировского района [5].

Добровольский полагает, что на формирование этого искусственного языка повлияли цыгане, концентрированно проживавшие на границе современных Куйбышевского и Кировского районов.

В Баятинском районе была исследована коллекция церковно-краеведческого музея «Истоки» при Свято-Никольском храме. Экспозиция традиционной одежды состоит из 7 комплексов, четыре из которых относятся к Баятинскому району, остальные к Кировскому. Отличительной чертой баятинского костюма являются пестрядинные занавески красных оттенков с рукавами и неширокими вставками перевити в нижней части и бахромы из разноцветного гаруса по краю подола. Все девушки в селе занимались вышивкой перевити (вырезы), а бахрому из цветного гаруса ткали на стане. По словам респондента, из с. Баятино 1933 г. рождения, местные жители окружающих деревень сами изготавливали клетчатую льняную ткань для занавесок. Украшения и нити им привозили мужчины, которые после сбора урожая уходили в отход на заработки в Москву. На памяти информанта её мать была последней в селе, кто носил понёвный комплекс [1, д. 12, л. 1]. Понёву подтыкали с одной стороны, чтобы за неё не цеплялась коса во время покоса. По словам информанта, украшал понёву каждый на свой вкус. По структуре украшения баятинская понёва похожа на кировскую. Это пять или три ряда лент и позумента, горизонтально нашитых по подолу и загибающихся по боковым полкам понёвы до пояса. Важным отличием является то, что между нашитым кумачом с украсами и пояском понёвы остаётся узкая полоска

понёвной ткани. Сочетание цвета ниток, формирующих клетку понёвы и цвет нашитых на кумаче лент, тоже имеют отличия. Доминирует крупная красная клетка на чёрном фоне, а нашитые ленты в основном имеют золотистые оттенки. Рубахи понёвного комплекса представляют собой архаичный тип с косыми полика́ми. Украш подоло очень разнообразен. Это и бранное ткачество, и вставка неширокой полоски перевити и вышивка крестиком с добавлением кружева. Основной обувью были лапти, нарядными считались сплетённые из вязового лыка. Респондент привела курьёзный рассказ о том, как в детстве у её тётки при прядении на самопрялке волосы закрутились на колесо под самый корень. Отец информатора разбирает самопрялку, чтобы не отрезать и спасти волосы девочки.

В завершении опроса производились необходимые уточнения у информанта особенно ценных для исследования сообщений. Предметы одежды, которые респонденты

демонстрировали в процессе интервью фиксировались на фото и видеозапись.

Как можно увидеть на примере приведённых интервью степень информированности даже самых пожилых женщин 1930-х годов рождения не очень высокая, так как никто из них традиционный костюм не носил и не изготавливал. При этом живые воспоминания информантов об одежде своих мам и бабушек, о последнем периоде бытования народного костюма представляет определённую ценность. Удалось выяснить крайние даты бытования традиционного костюма. Интервью помогли разобраться в способах одевания и комплектации старинной одежды. Были намечены культурные границы некоторых локальных традиций. И что очень важно для популяризаторской части исследования, была услышана живая речь тех, кто ещё помнит традиционный костюм не на манекенах музея, а в реальной жизни.

Список литературы:

1. Архив Этнографического музея Юхновграда (АЭМЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
2. Бояновичи: Историко-краеведческий очерк. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2005. – 40 с.
3. Гринкова, Н.П. Женская одежда западной части Калужской губернии / Н.П. Гринкова. Материалы по этнографии. Вып. 1. Этногр. отд. Гос. Рус. музея. Т. III, в. 2. – Л., 1927. – С. 17–36.
4. Добровольский, В.Н. Некоторые данные условного языка калужских рабочих / В.Н. Добровольский. – СПб.: Тип. Импер. академии наук, 1900. – 25 с.
5. Кометчиков, И. В. Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е – начале 1960-х гг. / И.В. Кометчиков // Антропологический форум. – 2014. – № 20. – С. 240–340.
6. Лебедева, Н.И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом, в 1926-ом годах) Часть первая. Народный костюм, прядение и ткачество / Н.И. Лебедева. – М., 1927. – 167 с.
7. Токарев, С.К. К методике этнографического изучения материальной культуры / С.К. Токарев // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 3–17.
8. «В Брянском полесье» (д/ф), режиссер Илья Копалин. Союзкинохроника 1931. URL: <http://m.ok.ru/video/81888348730> (дата обращения 12.12.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 391; 908

*А. Н. Кузнецов, А. В. Штепа***К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА КАК ВЕЩЕСТВЕННОГО ИСТОЧНИКА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

В статье рассматривается традиционная одежда Калужского края как комплексный историко-культурный феномен. Исследование базируется на анализе более 1000 предметов материальной культуры, включая свыше 150 полных костюмных комплексов, хранящихся в музейных фондах региона. Целью работы является всестороннее изучение и систематизация традиционного костюма Калужского края, выявление его типологических особенностей и хронологической эволюции. Особое внимание уделяется реконструкции локальных вариантов костюма и их культурной специфики.

Ключевые слова: Традиционный костюм; этнографическое исследование; вещественные источники; культурное наследие; Калужский край; народный костюм; типология; хронологическая эволюция; музейные коллекции; полевые исследования.

*A. N. Kuznetsov, A. V. Shtepa***ON THE ISSUE OF THE METHODOLOGY OF STUDYING THE TRADITIONAL COSTUME AS A MATERIAL SOURCE FOR THE PRESERVATION AND RECONSTRUCTION OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE INHABITANTS OF THE UPPER POCHIE REGION**

The article presents the results of comprehensive research into the traditional costume of the Kaluga region, focusing on the methodology of studying material sources for the preservation and reconstruction of cultural heritage. The study is based on a systematic approach involving the analysis of museum collections, field research, and the study of private collections. The research objective is to reconstruct the system of traditional costume usage, study its manufacturing technologies, and examine its social functions. Special attention is paid to identifying cultural boundaries of local traditions and documenting the last evidence of folk costume existence. The study aims to create a comprehensive typology of the Kaluga costume based on material sources.

Keywords: traditional costume; ethnographic research; material sources; cultural heritage preservation; Kaluga region; folk costume complexes; typology; chronological evolution; museum collections; field research.

Эффективность исследования традиционного костюма любого региона зависит от количества и качества источников. Важнейшим типом источника в исследовании традиционного костюма являются вещественные источники. Это сохранившиеся до наших дней предметы одежды, ткачества, вышивки, украшений, а также инструменты и материалы, использовавшиеся для их изготовления. Традиционная одежда несёт информацию об истории и культуре исследуемой группы населения. Она раскрывает различные аспекты хозяйственной деятельности и социальных отношений, сообщает об эстетических и мифологических представлениях народа. В фондах Российского этнографического музея (далее – РЭМ), Государственного историче-

ского музея (далее – ГИМ), Эрмитажа, Русского музея, хранятся лучшие образцы предметов традиционной одежды большинства регионов России. В областных краеведческих музеях сконцентрированы основные фонды старинной одежды, принадлежащие данной территории. В коллекциях районных музеев, к которым можно отнести муниципальные, школьные и приходские музеи с краеведческой направленностью, а также в районных домах культуры всегда можно найти предметы одежды, относящиеся к местной локальной традиции. Бесценным источником являются предметы одежды, до сих пор хранящиеся в «бабушкиных» сундуках. Высокая степень атрибуции по месту бытования и авторству делает такой источник эталоном для вы-

явления и верификации локальных особенностей. А легенды, сопровождающие такую одежду, позволяют разобраться с различными аспектами её бытования. Дополнительным материальным источником служат предметы одежды из частных коллекций и негосударственных музеев. Помимо музейных фондов и экспозиций с традиционным костюмом можно познакомиться на специализированных этнографических выставках.

Самым объемным массивом вещественных источников по традиционному костюму обладают музейные фонды. Необходимо отметить особенности работы исследователя с фондами музея. В РЭМ существует картотека, организованная по принципу географического указателя, в котором можно найти поступления коллекций по интересующему региону с указанием их учётных номеров. Следующим этапом является работа с каталогами описей коллекций. В описях можно получить информацию о составе коллекции, увидеть описание каждого предмета хранения, при необходимости заказав сам предмет у хранителя.

В Калужском объединённом музее-заповеднике (далее – КОМЗ) авторами статьи были изучен фонд текстиля с помощью электронной системы учета музейных фондов – КОМИС. Работа с системой КОМИС способствует более эффективному поиску интересующих коллекций и предметов одежды, чем работа с каталогами описей. Ключевым преимуществом систем КОМИС является наличие фотографий предмета хранения для каждой учётной записи, в остальном предмет, занесённый в КОМИС, повторяет информацию учётной карточки.

В государственных музейных фондах хранение и учёт одежды ведётся попредметно, даже если эти предметы составная часть поступившего целого комплекса. По этой причине, необходимо сначала выявить номер коллекции при поступлении, а затем номера отдельных предметов. Например, в отделе текстиля все рубахи будут представлены в одном разделе, сарафаны в другом, понёвы в третьем, а лапти возможно надо будет искать в другом отделе – отделе деревянных изделий. Соответственно, обращаясь к музейным фондам, будет непросто представить себе целостный комплекс той или иной местности. Единственным способом приблизиться к представлению о целостном комплексе – это

смотреть фонды текстиля по принципу поступления коллекции в музей. В графе о поступлении часто указывается – когда, от кого и из какого населённого пункта поступил предмет. В этом случае, вероятность того, что все предметы, поступившие от одного источника, будут относиться к местной традиции достаточно высока. Но это справедливо только в отношении предметов, поступивших в музейные фонды после 1920-х гг. Музейные предметы текстиля, поступившие до революции, или из дореволюционных музейных организаций часто не имеют полного информационного сопровождения. Организуя экспозиции для выставок, государственные музеи собирают предметы из фондов в комплексы, в соответствии с самостоятельно проделанной исследовательской работой. Такие комплексы традиционной одежды, как правило, публикуются в виде альбомов и каталогов, или в форме фотоотчетов на сайте музеев. В целом, на комплексы, сформированные музеем, можно вполне полагаться, как на образцы традиционной одежды того или иного региона. Но применительно к более узкой территории исследования, в комплектации таких музейных комплексов часто могут встречаться ошибки.

Помимо районных музеев, интерес представляют коллекции сельских домов культуры, школьных музеев, а иногда и сельских библиотек. В районных музеях и домах культуры система учёта фондов ведётся в свободной форме, но, как правило, существует книга учёта поступлений. Сами предметы чаще всего находятся на экспозиции. Преимущество коллекций муниципальных музеев заключается в том, что они представляют локальный сбор материала. А проблема в том, что, собирая комплекс для экспозиции, его часто комплектуют из разновременных предметов, зачастую добавляя его любительскими реконструкциями, или предметами костюма, не относящегося к данной местности. Следует понимать, что целью районных музеев является охранительно-просветительская деятельность, а не строго научная. Но, несмотря на это, фонды районных музеев и домов культуры являются бесценным материальным источником по традиционному костюму данной местности. Более того, сотрудники таких объектов культуры являются хорошими информантами, сохраняют память поколений о традиционной

культуре данной местности и могут поделиться этой информацией. Во избежание ошибок в работе с предметами на экспозиции в муниципальных музеях необходимо запрашивать учётные карточки предметов, или книгу поступлений, в которых указана информация о поступлении предмета.

Частные музеи и коллекционеры, которые специализируются на определённой народной традиции представляют большой интерес. Но чаще частные коллекции представляют собой сбор предметов различных регионов, и формируются по принципу «мира по нитке». С фондами таких коллекций необходимо знакомиться, но настороженно относиться к описанию и легендам, сопровождающим предметы костюма и верифицировать атрибуцию каждого предмета.

Нередко встречается такая проблема, как перемещение предмета одежды в процессе его бытования или его перемещение наследниками владельца. Например, в системе учёта КОМИС КОМЗ под номером КП-10411 представлена понёва, поступившая от М.Д. Желновой Жиздринский уезд, д. Дуброво (современный Кировский район), место создания в учётной карточке также указано как Жиздринский у., д. Дуброво. При этом на фотографиях в учётной карточке изображена понёва с. Огорь того же уезда, но которое находится в 80 км от д. Дуброво. Атрибуция данной понёвы с. Огорь бесспорна, так как известно не менее 15 подобных понёв этого села из различных источников. В том числе в самом КОМЗ есть ещё одна такая же понёва учтённая под номером КП-10967/1, поступившая от Е.В. Стениной из с. Огорь с указанным местом создания с. Огорь [2; 3]. Вероятно, в д. Дуброво понёва из с. Огорь попала с переселенцами, но в легенде при поступлении предмета в фонд КОМЗ эта информация не была отражена. В муниципальных музеях подобная проблема встречается значительно чаще, так как формирование фондов большинства муниципальных музеев производилось в конце 1980–1990-х гг., в то время, когда миграционные процессы внутри районов достигли своего пика, а документирование поступления предметов имело свободную форму. Особенно ярко эта проблема встаёт для тех территорий, предметы одежды которых малоизвестны, или представлены одним экземпляром. В таком случае нет возможности сравнить такой предмет с подоб-

ными и приходится полностью полагаться на запись о поступлении в учётную книгу.

Отобрав предметы, представляющие интерес для исследователя, необходимо сделать их описание в соответствии с рекомендациями «Единых правил комплектования, учёта, хранения и использования музейных предметов», утверждёнными приказом Минкультуры России № 827 от 23.07.2020 г. [5]. Также можно использовать методические пособия, например, такие как «Описание вещественных музейных предметов» [4].

Структура описания одежды должна соответствовать принятому порядку в краеведческих музеях.

Разновидность предмета одежды: рубахи, понёвы и сарафаны, занавески и костоланы, головные уборы, верхняя одежда, украшения и пояса, обувь, платки.

Учётный номер предмета. Основной номер, по которому можно найти предмет в фонде музея. В начале указана аббревиатура КП – книга поступлений или ГИК – главная инвентарная книга. Далее идёт основной учётный номер. Если в музей поступил комплект костюма, состоящий из нескольких предметов, то каждый из них имеет собственный порядковый номер, указанный через дробь от основного. Например, пара сапог будет иметь два номера КП-2868/1, КП-2868/2.

Наименование: сначала общепринятое и в кавычках местное название.

Автор, изготовитель, владелец.

Описание внешнего вида предмета: форма, цвет, фактура. Далее описание украшений, изображений на вышивке, клейм.

Место создания, бытования.

Время создания, бытования.

Материал, техника изготовления, край; если несколько типов материала, следует описать все.

Размеры. У тканей в целых кусках или отрезках измеряется сначала ширина куска (постоянная величина), а затем длина. Для предметов одежды даются следующие размеры: для рубашки, сарафана, верхней одежды и пр. – объём ворота, ширина подола, длина; понёвы и юбки – пояс и ширина подола, длина; для брюк – пояс, длина; для головных уборов – высота и максимальный диаметр; для обуви – общая длина и высота предмета.

Количество. При работе с музейными фондами необходимо учесть, что при учёте

парных вещей каждый из них имеет уникальный учётный номер, как правило, выраженный через дробь. Тоже касается комплекса костюма. Каждый составляющий его предмет будет иметь свой номер, отраженный через дробь. Например, если комплекс состоит из 5 предметов они могут быть обозначены КП 2676/1 до КП 2676/5.

Источник и способ поступления (для музейных предметов); экспедиция, закупка, дарение.

Легенда. Это история происхождения, бытования, способ использования и одевания, сведения о владельце. Для музейных предметов легенда о предмете может быть записана при поступлении предмета, а также пополнятся сотрудниками музея в ходе его изучения. Кроме того, можно указать дополнительные сведения полученные в процессе нахождения предмета в музейном фонде. Например, на какой выставке предмет выставлялся, были ли публикации предмета, кто исследовал предмет и т. д.

Чаще всего описания предмета одежды в учётных карточках музея достаточно кратки. Поэтому исследователю, как минимум, необходимо сделать собственное внешнее описание предмета. При необходимости, диктуемой исследовательской темой, сделать акцент на интересующих элементах предмета одежды, произвести замер, зарисовать его крой. На основании информации, полученной из других источников, верифицировать место и время происхождения предмета, особенно если информация в учётной карточке вызывает сомнение. Использование письменных и устных источников даёт возможность сделать предположение о способе одевания предмета и его комплектации с другими предметами костюма, выяснить местное названия предмета. Особенно актуально это для полного комплекса одежды.

В рамках реализуемого этнографического проекта «Традиционный костюм Калужского края» [6; 7], одному и соавторов статьи – А.Н. Кузнецову удалось исследовать в течение 2022 года более 1000 предметов традиционной одежды Калужского края, в том числе более 150 комплексов. Это только те предметы, которые удалось видеть вочью, сделать необходимое описание и произвести фотографирование. Помимо этого, было исследовано более 500 предметов одежды Калужского региона визуально, опи-

раясь на такие источники как фотографии, документальные фильмы и зарисовки предметов традиционного калужского костюма, сделанные предшествующими исследователями. Дополнительными источниками послужили неопубликованные фотографии из семейных архивов, с которыми А.Н. Кузнецов познакомился в процессе экспедиций. Изучив весь доступный визуализированный массив предметов традиционной калужской одежды, удалось составить его типологию, а также выявить и определить границы распространения локальных особенностей каждого исследованного района.

Основной массив материальных источников был выявлен в четырёх музеях Калужской области.

Калужский объединённый музей заповедник включает в себя 8 музейно-краеведческих центров, один музейно-краеведческий комплекс и один музей-заповедник, в экспозиции которых выставлены традиционные костюмы Калужского края. В фондах текстиля КОМЗ хранятся и находятся на экспозициях не менее 300 предметов традиционной одежды различных районов региона. Коллекция ЧУ «Этнографический музей Юхновграда» насчитывает более 1000 предметов народной одежды, из которых больше половины принадлежит Калужскому краю. Около 50 комплексов калужского костюма восьми районов области выставлено на постоянную экспозицию. Фонды музея «Церковно-исторического краеведения» прихода храма в честь Казанской иконы Божией Матери г. Людиново насчитывают не менее 300 предметов калужского костюма бывшего Жиздринского уезда. В МБУК Сосенского КДЦ «Прометей» находятся около 50 предметов народной одежды Козельского района.

В совокупности фонды этих музеев насчитывают более 700 предметов народной одежды Калужского края.

Также были исследованы фонды практически всех частных и муниципальных музеев Калужской области и районных СДК. В Калуге были исследованы коллекции Дома мастеров, Музея ремесла, архитектуры и быта г. Калуги, дома народного творчества и кино «Центральный». В Калужской области были исследованы коллекции МКУ Климовский СДК Юхновского района. Структурные подразделения МКУ «Сельские дома культуры» Кировского района: М. Савкинский, Фо-

миничский, Бережковский, Гавриловский, Якимовский СДК; МКУК Думиничский районный Дом культуры, Новослободский сельский дом культуры Думиничского района; Историко-краеведческий музей с. Красное Хвостовичского района; Церковно-краеведческий музей «Истоки» Барятинского района; Отделение КОМЗ Мосальского района; Жиздринский районный досуговый центр, Никитинский СДК Жиздринского района; РДК Перемышльского района; Музейно-краеведческий центр Дом Цыплаковых Козельского района; Историко-краеведческий музей и Культурно-выставочный центр п. Бетлица Куйбышевского района; Музей центральной библиотеки Спас-Деменского района; Музейно-краеведческий центр Музей комсомольской славы Людиновского района.

В федеральных музеях были изучены все калужские комплексы, которые находились на экспозиции. В РЭМ были исследованы фонды, относящиеся к Калужскому региону. Десять калужских костюмов из частной коллекция известного собирателя Сергея Глебушкина были исследованы А. Н. Кузнецовым на выставке «Традиционный народный костюм Калужской области» в Калуге в июле 2019 года [1].

Проделанная работа по исследованию вещественных источников позволила осуществить всестороннюю типологизацию народного калужского костюма. Типология по строю традиционного костюма была разработана на основе атрибуции вещественных источников по районам их бытования. Было выделено три архаичных строя калужского костюма:

- комплекс с понёвой и занавеской;
- комплекс с понёвой и костолоном;
- комплекс с косоклиным синим сарафаном.

Доминирующим на исследованной территории являлся комплекс с понёвой и занавеской. Рубаха входящая в данный комплекс изготавливалась без подставы (суцельная, додольная) и имела значительную длину, так как носилась с круговым выпуском над поясом (пазухой). Соединительные швы (точки) полотня рубахи располагались ровно по середине спереди и сзади, и симметрично по бокам. Такой тип расположения соединительных швов можно охарактеризовать, как «калужский». Рубахи кроили с косыми и

прямыми поликами. Крой с косыми поликами доминировал на территориях современных Куйбышевского, Кировского, Хвостовичского районах. Как правило такую рубаху дополняла занавеска с цельным передним полотном. Крой рубахи с прямыми поликами преобладал на территориях современных Жиздринского, Мосальского, Ульяновского, Перемышльского и Суворовского (ныне – Тульская обл.) районов и часто сопровождался занавеской без рукавов и завеской с отрезной грудкой. Занавеска понёвного комплекса бытовала как с рукавами так без них. Как правило, в районах, где традиционно украшали рукава рубахи, например в Перемышльском уезде, занавески шили без рукавов. И наоборот, при наличии рукавов у занавески, рукава рубахи не украшались. На исследуемой территории преобладало бытование распашной понёвы. Круглая понёва с прошвой была зафиксирована только на территории бывших Лихвинского и Мосальского уездов, и на границе последнего со Смоленской губернией.

Комплекс с понёвой и костолоном массово бытовал в очень узком ареале, ограниченном округой современного г. Кирова. Единичные костоланы отмечены в западной части Хвостовичского района под названием «шушпан». Костоланы Барятинского района описанные Н.П. Гринковой не встречались. Как правило, комплекс с костолоном сопровождала рубаха с косыми поликами.

Бытование комплекса с косоклиным синим сарафаном по вещественным источникам было зафиксировано только на территории бывших Калужского, Перемышльского и Юхновского уездов. Косоклиный синий сарафан относится к средневеликорусскому культурному ареалу. Можно сделать предположение о том, что данный комплекс отражал архаичный костюм московского типа и бытовал на остальных северо-восточных территориях Калужского края, но подтверждающих эту гипотезу материальных источников не выявлено. Косоклиный сарафан является древним типом одежды этого рода. Название косоклиный он получил у этнографов из-за своей конструкции, в которой часть полотня скошены, для того чтобы нижняя часть сарафана расширялась. У населения он назывался «китайка». Все исследованные косоклинные сарафаны изготовлены из домашнего крашенного холста или из покупной х/б ткани

«китайки» и имеют одинаковый фасон. При этом элементы конструкции косоклиньных сарафанов значительно отличаются. Сарафаны «Гамаюнщины» Калужского уезда подбивались изнутри холстом, от чего получались тяжёлыми (вековечными). Сарафаны «Монастырщины» Перемышльского уезда были распашными, что является одной из самых архаичных форм косоклиньного сарафана. Из трёх районов фиксации косоклиньного сарафана, только бытование юхновского сарафана имеет продолжение в Смоленской губернии, неотъемлемой частью которой до 1927 г. являлся Юхновский уезд. Остальные районы его бытования представляют собой локальные острова, и оставляют открытым вопрос о том, как они туда попали. Основными особенностями рубахи комплекса с косоклиньным сарафаном были подстава и украшенная бранным ткачеством верхняя часть груди «забранная душа». С сарафаном носили рубахи с прямыми поликами. Длина рубахи была значительно короче, чем в комплексе с понёвой. Рукава праздничных рубах были полностью украшенные бранным и закладным ткачеством. В целом крой и украшение рубахи также соответствует московскому архаичному типу. Сопровождала комплекс с косоклиньным сарафаном завеска с отрезной грудкой в Калужском уезде, вислая занавеска в Перемышльском. В Юхновском уезде сарафан носили без занавески. Головным убором данного комплекса служила лопатообразная кичка в «Гамаюнщине», рогатая кичка в «Монастырщине». Кички обоих районов являлись сложносоставными головными уборами, насчитывающими до 7 предметов. Головной убор юхновского комплекса сопровождала платообразная сорока, вероятно когда-то заменившая более сложный головной убор.

На втором этапе обобщения и структурирования выявленного материала была разработана типология по времени бытования традиционного комплекса калужского костюма. Было выявлено три последовательно сменяющихся хронологических горизонта.

Самый архаичный горизонт был представлен такими предметами одежды как рогатая и лопатообразная кичка, бисерный позатылень, понёва, костолан. Архаичная рубаха изготавливалась без подставки (суцельная, додольная) с косыми или прямыми поликами, встречалась обрядовая рубаха с длин-

ными рукавами (долгорукавка). Отметим, что для Западной и Юго-Западной части Калужского края традиционной была рубаха с косыми поликами (со спусками). Рубаха с прямыми поликами, сокрее всего, была привнесена из регионов среднерусского культурного ареала, как и комплекс с синим косоклиньным сарафаном, но не позже середины XIX в.

Следующий этап развития характеризуется отмиранием такого сложного головного убора как рогатая кичка и замена его повойником. На этом этапе наблюдается проникновение круглого московского сарафана из покупной материи как в районы бытования понёвы, так и в районы бытования косоклиньного сарафана. В районе бытования костолана происходит его замещение занавеской. Эти процессы отражаются в первую очередь в наряде девушек и молодых женщин (молодки, молодайки, молодухи). В костюме появляется значительное количество элементов из покупного материала: ситцевые рукава и прошвы на занавесках, мануфактурная тесьма. В украшении предметов одежды архаичную геометрическую вышивку в технике перевити (вырезы) и узоры бранного ткачества заменяют растительные орнаменты, вышитые крестиком.

Значительное распространение получает ситцевый платок красных оттенков как дополнение упрощённого головного убора повойника. Любопытно, что единственным устойчивым к изменениям предметом понёвного комплекса остаётся сама понёва, на ней не обнаружено следов заметных инноваций.

Третий этап связан с появлением мешанской «парочки», состоящей из круглого московского сарафана и полуприталенной кофты (кохты) из покупного ситца. Данный процесс сопровождается изменением кроя рубахи. Рубахи изготавливаются с подставой, конструкция с поликами заменяется на крой с кокеткой или на бесполиковый вариант с рукавами из покупного материала. Появляется короткая рубаха (манишка), а подстава превращается в самостоятельный предмет одежды, типа нижней юбки. Повойник полностью уступает место ситцевому платку. Понёвные комплексы с занавеской и костоланом и комплекс с косоклиньным сарафаном остаются принадлежностью только пожилых женщин. Если предыдущий этап характеризовался замещением отдельных предметов архаичного типа одежды на предметы новой

формы, то последний хронологический горизонт показывает полное изменение костюма. Бытование мещанской «парочки» констатирует полный разрыв с традицией. Совершенно новые формы, новые цвета, использование исключительно покупного материала, и минимизация вышивки не позволяет считать это комплекс традиционной одеждой. «Парочка» стала доминирующим праздничным костюмом крестьян на всём пространстве проживания русского населения. В Калужском ре-

гионе комплекс с «парочкой» повсеместно бытовал до конца 1950-х гг. Характеризуя изменения традиционного костюма, можно прийти к выводу о том, что данный процесс проходил дисперсно и неравномерно во времени. В районах, приближенных к торговым и промышленным центрам он был заметнее и значительно быстрее, в глухих уголках Калужского края этот процесс затянулся до середины 1930-х годов.

Список литературы:

1. В Калуге открывается выставка традиционных народных костюмов // Знамя. – 2019. – 11 июля.: офиц. сайт. URL: <https://znamkaluga.ru/2019/07/11/v-kaluge-otkryvaetsya-vystavka-traditsionnykh-narodnykh-kostyumov/> (дата обращения 23.11.2025).
2. Калужский объединенный музей заповедник (далее – КОМЗ). КП-10411.
3. КОМЗ. КП-10967/1.
4. Описание вещественных музейных предметов. Методическое пособие. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ГЦМСИР, 2022. – 150 с.
5. Приказ Минкультуры России (Министерство культуры РФ) от 23 июля 2020 г. №827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367630/ (дата обращения 23.11.2025).
6. Этнографический музей Юхновграда»: офиц. сайт. URL: <https://etno-costume.ru/o-muzee-narodnogo-kostjuma-2/> (дата обращения 23.11.2025).
7. Этнографический проект «Народный костюм Калужского края»: офиц. сайт. URL: etno-costume.ru (дата обращения 23.11.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94 (410)

*В. М. Любинас, В. В. Курков***ФЕМИНИЗМ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В США И ЕС В XX ВЕКЕ:
К ВОПРОСУ ОБ ОТБОРЕ МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПРОБЛЕМНЫХ УРОКОВ В ШКОЛЬНОМ
КУРСЕ ИСТОРИИ**

Статья посвящена проблеме отбора учебного материала при проведении проблемных уроков по новейшей истории. Авторами предлагается принцип отбора такого материала на основе одновременного использования как методических пособий, так и актуальных научных публикаций отечественных и зарубежных исследований по гендерной проблематике и истории феминизма, позволяющих выделить ряд проблемных блоков для обсуждения с учащимися целого ряда важных для российского общества проблем на уровне профильного обучения либо в рамках элективных курсов.

Ключевые слова: США; ЕС; гендерные проблемы; феминизм; новейшая история; проблемные уроки; отбор учебного материала.

*V. M. Lyubinas, V. V. Kurkov***FEMINISM AND GENDER ISSUES IN THE USA AND EU IN THE 20TH CENTURY:
ON THE QUESTION OF SELECTION OF MATERIAL FOR PROBLEM-BASED LESSONS
IN SCHOOL HISTORY**

This article examines the selection of teaching materials for problem-based lessons in modern history. The authors propose a method for selecting such materials based on the simultaneous use of both teaching aids and relevant scientific publications from domestic and international research on gender issues and the history of feminism. This approach allows for identifying a number of problematic areas for discussion with students on a range of issues important to Russian society, either in specialized education or as part of elective courses.

Keywords: USA; EU; gender issues; feminism; modern history; problem-based lessons; selection of teaching materials.

Актуальность интеграции гендерной проблематики и истории феминизма в школьный курс гуманитарных дисциплин обусловлена необходимостью формирования у старшеклассников целостного представления о социальной динамике XX столетия, которое невозможно без учёта борьбы за права и равенство женщин. Особое значение данной тематики определяет воздействие на современное российское общество таких факторов как:

– целый комплекс острейших демографических проблем (прежде всего – низкая рождаемость), ставящих население РФ не просто на грань старения, а уже фактически катастрофического сокращения;

– политика российского правительства, направленная на утверждение в обществе традиционных ценностей в семейно-брачных отношениях и взаимоотношениях полов, что может вступать в противоречие с целями радикального феминизма, с которыми россий-

ская молодёжь активно знакомится благодаря сети Интернет;

– религиозное возрождение в постсоветский период, растущее влияние на общество различных религиозных институтов (и не только РПЦ, но и мусульманских структур), опять же вступающих в противоречие с современными гендерными реалиями и целями феминистского движения (достаточно обозначить, например, совершенно разное восприятие проблемы абортов);

– проблема мигрантов из мусульманских стран, привносящая в российский социум дополнительные болезненные аспекты гендерного вопроса и порождающая целый ряд вызовов для российской школы и конкретных педагогов, работающих во всё более многонациональных классах;

– конфликт РФ с коллективным Западом и вытекающая отсюда проблема выбора ценностных ориентаций для российской молодёжи, оказывающейся на пересечении про-

пагандистского воздействия со стороны российского государства и его западных противников, действующих в сети Интернет.

История феминизма в США и странах Европейского Союза представляет собой не маргинальный сюжет, а магистральный процесс, тесно переплетённый с ключевыми политическими, экономическими и культурными трансформациями эпохи. Опыт феминистского движения в США и Западной Европе для российского социума важен, прежде всего, в силу того, что западные страны явно обгоняют Россию как по этапам развития гендерной проблематики, так и по накопленному опыту (как положительному, так и отрицательному) её решения, что предоставляет для нашей страны возможность избежать повторения чужих ошибок [4, с. 39–40]. При этом США и Великобритания признаются современными исследователями в качестве лидеров мирового феминистского движения – как по его масштабам, так и по достигнутым результатам [12, с. 120].

Поэтому включение данной темы в формат проблемного урока позволяет не только обогатить содержание исторического образования, но и развить у учащихся критическое мышление, понимание механизмов социальных изменений и чувство эмпатии к историческому опыту «другого». Целью настоящей статьи является разработка научно-обоснованных принципов отбора исторического материала по истории феминизма в США и ЕС для конструирования проблемных уроков. Для её достижения необходим краткий историографический экскурс, выявляющий ключевые проблемные узлы темы. Историю западного феминизма XX века принято условно делить на три «волны», каждая из которых выдвигала на первый план различные аспекты гендерного неравенства.

«Первая волна» феминизма [1, с. 155–156; 13], хронологически охватывающая конец XIX – начало XX вв., была сфокусирована на достижении юридического равенства, ключевым пунктом которой стала борьба за избирательные права (суфражизм). Сравнительный анализ движения в США и странах ЕС демонстрирует вариативность стратегий и результатов [3]. Так, в США радикальные акции Национальной женской партии и многолетняя лоббистская работа увенчались принятием 19-й поправки в 1920 году. В Европе картина была пестрой: в то время как

Финляндия (1906) и Норвегия (1913) стали пионерами, британские суфражистки под руководством Эммелин Панкхёрст применяли тактику гражданского неповиновения, а французские женщины получили избирательное право лишь в 1944 году, что позволяет ставить проблемный вопрос о факторах, определявших успех или задержку в достижении этой цели [9]. Материалом для урока могут служить плакаты суфражисток, тексты речей их лидеров и парламентские дебаты, позволяющие учащимся проанализировать систему аргументов «за» и «против» [5].

«Вторая волна» (1960-е – 1980-е гг.) [1, с. 155–156; 13] совершила концептуальный переворот, провозгласив, что «личное – это политическое». Фокус сместился с формальных прав на проблемы приватной жизни: репродуктивные права (доступ к контрацепции и абортам), сексуальную свободу, борьбу с бытовым насилием и глубинное неравенство на рынке труда. В США этот период ассоциируется с публикацией «Загадки женственности» Бетти Фридан (1963) и знаковым решением Верховного суда по делу «Роу против Уэйда» (1973). В Европе интеллектуальной основой движения стал труд Симоны де Бовуар «Вторая пол» (1949), а практическим выражением – массовые акции, такие как публикация «Манифеста 343-х» во Франции, требовавшего легализации абортов. Проблемный урок на этом материале может быть построен вокруг дискуссии о границах личной свободы и роли государства в её регулировании. Анализ первоисточников – феминистских манифестов, медицинских и юридических документов – позволит ученикам сформулировать собственную позицию в рамках сложной этической дилеммы.

Конец XX века ознаменовался наступлением «третьей волны» [1, с. 155–156; 13], которая подвергла ревизии универсалистские претензии своих предшественниц. Ключевым понятием стала интерсекциональность – понимание того, что опыт угнетения складывается из пересечения различных идентичностей (гендер, раса, класс). Афроамериканские феминистки (Элис Уокер, Белл Хукс) в США критиковали «вторую волну» за её сосредоточенность на проблемах белых женщин среднего класса. Это создает богатейшую почву для проблемного урока, центральным вопросом которого может стать: «Является ли феминизм единым движением с общей

программой или коалицией различных, порой конфликтующих, голосов?». Сравнительный анализ текстов представительниц разных течений позволяет на практике освоить идею плюрализма и многогранности социальной борьбы. Современные исследователи «третью волну» классифицируют в качестве многоаспектного феминистского движения, нацеливающего женскую часть общества на экологическую справедливость, тюремную реформу, справедливую и достойную заработную плату, и традиционные феминистские вопросы – о репродуктивных правах, сексуальности, о соотношении классов и расового деления [12, с. 119]. В то же время третья феминистическая волна порождает совершенно новые, ранее табуированные проблемы для обсуждения и вытекающие отсюда новые и более радикальные направления женского движения [11].

Отправной точкой для феминизма «четвёртой волны» (впервые её выделила американская писательница Пифия Пей) стал 2012 год. Характерной особенностью борьбы женщин за расширение своих прав на этом этапе стал нивелирование национальных отличий по разным странам: Интернет открыл для американок, англичанок и других женщин идеальные возможности для общей деятельности [12, с. 119]. Хотя, несомненно, национальные особенности феминизма сохраняются и проявляются на всех исторических этапах его развития – так в отношении германского феминизма констатируется его наибольшая реалистичность в целях и задачах самого движения, длительное время направленного не на достижения полного равенства женщин, а на «автономию» как наиболее реально достижимую цель [11].

Исследования, посвящённые истории афроамериканского феминизма, могут оказаться актуальными применительно к реалиям современного российского социума, столкнувшегося с целым рядом вызовов, возникающих в итоге уже сложившейся зависимости экономики РФ от потоков трудовых мигрантов, которые с огромными проблемами интегрируются в российское общество, либо не интегрируются вообще, а противостоят обществу. Как в случае с гендерной проблематикой афроамериканцев (а в настоящее время с таким же набором проблем сталкивается и ЕС), так и в вопросе гендерного неравенства в среде мигрантов-мусульман

в РФ, можно проводить параллели между классическим женским вопросом и постколониальным женским вопросом, порождающим систему двойного угнетения [10, с. 76]. В рамках беседы-дискуссии со старшеклассниками проблема пересечения национального и расового неравенства с гендерным может послужить основой для анализа болезненных вопросов о разных формах насилия (в том числе и интеллектуального насилия) и виктимизации [10, с. 79–80, 80–81].

Богатую почву для использования на уроке проблемного метода обучения предоставляют исследования, посвящённые анализу вопроса о возможной взаимосвязи и взаимообусловленности феминистского движения и такого противоречивого феномена современности и деструктивного социального поведения как чайлдфри (с 2024 г. пропаганда чайлдфри запрещена в РФ на законодательном уровне) [1, с. 158–159].

На основе данного исторического экскурса можно сформулировать ключевые принципы отбора материала для школьного проблемного урока по гендерной проблематике и истории феминизма [2, 5, 7, 8].

Во-первых, принцип научности и достоверности. Материал должен опираться на аутентичные источники и авторитетные исторические исследования, избегая упрощённых трактовок и мифологизации.

Во-вторых, принцип возрастной адекватности. Тематика и её подача должны быть соотнесены с психолого-возрастными особенностями старшеклассников. Следует аккуратно подбирать материал, касающийся темы насилия и сексуальности, смещая акцент на социально-философские и правовые аспекты этих проблем.

В-третьих, принцип культурной соотнесённости и избегания механического переноса. Важно подчеркивать специфику исторического развития разных стран (например, почему «государственный феминизм» в СССР отличался от либерального и радикального феминизма на Западе), не допуская прямолинейных аналогий с современной российской действительностью, но проводя параллели в контексте общечеловеческих ценностей прав и свобод.

В-четвертых, принцип проблемности. Отобранный материал должен содержать внутреннее противоречие и допускать множественность интерпретаций. Вместо вопро-

са «Что произошло?» центральным должен стать вопрос «Почему это произошло именно так и каковы были альтернативы?».

В-пятых, принцип наглядности и работы с источниками [1, 2, 7, 14]. Использование визуальных материалов (плакатов, карикатур, фотографий), фрагментов документальных и художественных фильмов, текстов законов, речей и мемуаров делает историю осязаемой и стимулирует самостоятельный анализ.

Одновременное использование педагогом как методических публикаций, так и актуальных научных статей по истории феминизма позволяет осуществить подбор примерной тематики для проведения проблемных уроков по следующим блокам:

– Суфражизм: революция, или эволюция? Опыт США, Европы и России.

– Личное – это политическое? Как феминизм изменил приватную сферу в современном мире.

– Единый голос, или хор голосов? Критика и самокритика феминистского движения.

– Лучшая в мире страна для женщин: утопия или реальность?

– Карьера, или семья и материнство: проблема выбора или неразрывное целое?

– Религия и церковь: духовное наставничество, или моральное давление в личной жизни?

– Феминизм и чайлдфри: неизбежный итог, или исправимое заблуждение?

Каждый из таких блоков позволяет организовать учебное исследование, в ходе которого учащиеся не получают готовые выводы, а учатся работать с исторической информацией, аргументировать свою точку зрения и учитывать мнение оппонентов. Таким образом, грамотный отбор материала по истории феминизма и гендерных проблем в США и ЕС, основанный на чётких методологических принципах, позволяет трансформировать традиционный урок истории в площадку для развития критического сознания и формирования активной, социально ответственной личности, способной к осмыслению сложных и дискуссионных страниц прошлого и настоящего.

Список литературы:

1. Горлова, Е.В. Проблема соотношения развития чайлдфри с этапами формирования феминизма в США / Е.В. Горлова // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 50. – С. 155–159.

2. Короткова, М.В. Методика проведения игр и дискуссий на уроках истории / М.В. Короткова. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 256 с.

3. Муравьева, М.Г. История феминизмов: учебное пособие / М.Г. Муравьева. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 320 с.

4. Останина, Н.А., Слизовский, Д.Е., Амиантова, И.С. Феминизм как политика в новых геополитических условиях: международный и российский опыт / Н.А. Останина, Д.Е. Слизовский, И.С. Амиантова // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2018. – № 4 (163). С. 36–40.

5. Пушкарева, Н.Л. Гендерная теория и историческое знание / Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2007. – 496 с.

6. Студеникин, М.Т. Современные технологии преподавания истории в школе / М.Т. Студеникин. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 320 с.

7. Темкина, А.А., Роткирх, А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А.А. Темкина, А. Роткирх // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 35–47.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.10.2025).

9. Хасбулатова, О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917) / О.А. Хасбулатова. – Иваново: ИвГУ, 1994. – 210 с.

10. Хохолькова, Н.Е. Афроцентристский феминизм в США: концепт интеллектуального насилия и виктимизация / Н.Е. Хохолькова // Ученые записки Института Африки РАН. – 2016. № 1 (35). – С. 76–84.
11. Шмелева, О. Н. Особенности развития феминизма в Германии / О. Н. Шмелева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/18SCSK421.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).
12. Юдичева, В.В. Феминистское движение в Великобритании и США во второй половине XX – начале XXI вв. / В.В. Юдичева // Научные Записки ОрелГИЭТ. – 2020. – № 4 (36). – С. 116–120.
13. Offen, Karen. European Feminisms, 1700-1950: A Political History / Karen Offen. – Stanford: Stanford University Press, 2000. – 554 p.
14. Ruthchild, R. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917 / R. Ruthchild. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. – 388 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.319)"1960/1970"; 908

*М. Н. Мосягин¹, А. В. Штепа²***ОТ ЭНТУЗИАЗМА ОДИНОЧЕК – К ПОЛКУ КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ: ВКЛАД АНАТОЛИЯ ЭРНЕСТОВИЧА БАУЭРА В ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В Г. МАЛОЯРОСЛАВЦЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (1960–1970-Е ГГ.)**

Статья посвящена анализу становления и развития поискового движения в СССР на примере деятельности Анатолия Эрнестовича Бауэра – педагога, краеведа и основателя Малоярославецкого полка красных следопытов. Исследование охватывает период с 1960-х по 1970-е гг., когда поисковая работа, инициированная ветеранами войны и энтузиастами, трансформировалась в массовое молодёжное движение. Основное внимание уделяется уникальному опыту А.Э. Бауэра, который в методике работы использовал сочетание архивных исследований, полевых выездов, встреч с ветеранами, военно-патриотические игры и публичных лекций. Особый акцент сделан на результатах деятельности следопытов – установлении имён погибших героев (например, пограничника Василия Петрова, удостоенного звания Героя Советского Союза посмертно), создании Музея боевой славы и мемориализации мест захоронений. Материал основан на документах из личного архива семьи Бауэр, публикациях в периодической печати и современных исследованиях по истории поискового движения.

Ключевые слова: Поисковое движение; Великая Отечественная война; красные следопыты; Музей боевой славы; Анатолий Эрнестович Бауэр; г. Малоярославец; Калужская область; Увековечение памяти.

*M. N. Mosyagin, A. V. Shtepa***FROM THE ENTHUSIASM OF LONERS TO THE REGIMENT OF RED TRACKERS: ANATOLY ERNESTOVICH BAUER'S CONTRIBUTION TO THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE SEARCH MOVEMENT IN MALOYAROSLAVETS, KALUGA REGION (1960-1970S)**

The article is devoted to the analysis of the formation and development of the search movement in the USSR on the example of Anatoly Ernestovich Bauer, a teacher, local historian and founder of the Maloyaroslavets regiment of Red Pathfinders. The study covers the period from the 1960s to the 1970s, when the search work initiated by war veterans and enthusiasts transformed into a massive youth movement. The main focus is on the unique experience of A.E. Bauer, who used a combination of archival research, field trips, meetings with veterans, military-patriotic games and public lectures in his work methodology. Special emphasis is placed on the results of the pathfinders' activities – establishing the names of fallen heroes (for example, border guard Vasily Petrov, who was awarded the title Hero of the Soviet Union posthumously), creating a Museum of Military Glory and memorializing burial sites. The material is based on documents from the Bauer family's personal archive, periodical publications, and modern research on the history of the search movement.

Keywords: Search movement; Great Patriotic War; red Pathfinders; Museum of Military Glory; Anatoly Ernestovich Bauer; Maloyaroslavets; Kaluga region; Perpetuation of memory.

Официальная история поискового движения России берёт своё начало с марта 1988 года. Именно тогда в Калуге состоялся Первый Всесоюзный сбор представителей поисковых отрядов Советского Союза и было принято решение о создании Всесоюзного координационного Совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ [5, с. 5].

Но и до этого знаменательного события по всей стране на местах бывших боёв нерав-

нодушные энтузиасты одиночки вели неофициальный поиск и захоронение забытых солдат, установление их имен, поиск родственников погибших, сбор информации о событиях Великой Отечественной войны в районе ведения поисковых работ.

Бесспорным фактом является то, что начало поисковому движению, положили, конечно же, фронтовики. Вернувшись с войны, ряд ветеранов-фронтовиков, работавших

в образовательных учреждениях, военкоматах и государственных учреждениях по собственной инициативе вели работу по поиску, перезахоронению, установлению личности павших воинов и поиску родственников погибших. Сложность и трудность ведения поиска в одиночку заставила их организовываться в группы, привлекая к этой нелёгкой, а подчас и опасной работе сослуживцев и молодёжь.

В 1965 г. в Бресте состоялся первый слёт красных следопытов Советского Союза. И хотя он не организовал разрозненных энтузиастов, не определил единые цели и задачи, не нашёл наиболее эффективные формы поисковой работы, но, тем не менее, он впервые показал, что в поисковом движении уже участвуют не единицы, а тысячи взрослых и молодых людей. Итогом слёта стал старт 18 сентября 1965 г. «Всесоюзного похода комсомольцев и молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа» [7, с. 64–65].

Движение красных следопытов, организованное комсомолом 1960–70-х гг. в рамках Всесоюзного похода, в которой приняли участие сотни тысяч комсомольцев и пионеров из числа учащихся средних школ, профессионально-технических училищ и техникумов, высших учебных заведений, коллективов рабочей молодёжи подняло поисково-исследовательскую работу на новый качественный уровень. В ходе этой акции подростки и молодые люди общались с ветеранами войны, выезжали на места боёв для бесед с местными жителями, в ходе которых неожиданно для себя узнавали факты, не вписывающиеся в рамки «официальной версии истории Великой Отечественной войны». Возглавляли такие группы молодёжи не только бывшие фронтовики, но и неравнодушные энтузиасты – общественники, для которых слово «патриотизм» не было пустым звуком.

Были такие красные следопыты-энтузиасты и на Калужской земле. Одним из них является Анатолий Эрнестович Бауэр, житель г. Малоярославец, краевед, писатель, человек сложной и интересной судьбы.

Данная статья основана на документах, предоставленных из личного архива сына А.Э. Бауэра, заслуженного работника культуры, директора «Кировского историко-

краеведческого музея» Андрея Анатольевича Бауэра и материалах периодической печати.

А.Э. Бауэр родился 6 декабря 1921 г. в Москве. Из-за деформированных от рождения конечностей часто и подолгу лежал в больницах, где в результате многочисленных операций хирургам удалось ему сохранить ноги, чтобы ходить и руки, «которые могли держать ручку». Ещё будучи школьником, стал писать рассказы [1].

В конце сентября 1941 г., когда немецко-фашистские войска приблизились к Москве, отца будущего писателя, как лицо «немецкой национальности» (хотя он – чистокровный латыш) выслали из Москвы. Вместе с ним в ссылку в Казахстан уехали жена и сын, лишившись права проживать в столице. В суровых казахстанских степях семья провела почти два десятилетия, бедствуя первое время, пока не устроились в поселке № 5 Осакаровского района Карагандинской области. Здесь Анатолий Эрнестович, имея пожизненную инвалидность 1-й группы, пошёл работать, сменив несколько должностей: совхозный культорг, заведующий библиотекой, воспитатель детского дома, руководитель кружков в Доме пионеров, учитель литературы и английского языка в средней школе [1]. Но именно в это трудное время пришло к нему увлечение педагогикой и историей.

В 1947 г. Анатолий Эрнестович вместе с родителями переехал в районный центр – с. Осакаровку, где много читал лекций в трудовых коллективах и среди населения как член общества «Знание», работал по совместительству хударком в клубе деревообрабатывающего завода, а чуть позже – руководителем драмкружка в районном Доме культуры. С рождением детей (Сергея – в 1952 г. и Андрея – 1954 г.), чтобы прокормить семью, работать пришлось еще больше – в третью смену в вечерней школе, обучая литературе и русскому языку взрослых людей. В конце лета 1959 г. А.А. Бауэр переехал с семьёй в Малоярославец, где и прожил до осени 1982 г. Сыновья его учились в средней школе № 2. Именно на базе этой школы Анатолий Эрнестович создал в октябре 1964 г. следопытское объединение сначала в форме отряда [1; 8]. Несмотря на занятость, Анатолий Эрнестович не жалеет времени и сил для работы с детьми. В Малоярославец зачастили корреспонденты центральных газет. Несколько передач о красных следопытах снимает Центральное

телевидение. А.А. Бауэра награждают знаком «За активную работу в комсомоле».

Занимаясь с ребятами поисковой работой, Анатолий Эрнестович узнаёт о подвиге бывшего рабочего Малоарославецкого железнодорожного депо Василии Петрове, служившего до войны на западной границе. С рассветом 22 июня 1941 г. В. Петров лицом к лицу встретил врага. Заняв позицию на высотке, не давал немцам переправиться на нашу сторону через р. Западный Буг. Четыре часа продолжался неравный бой с превосходящими силами противника, пока заместитель политрука погранзаставы мог держать в руках пулемёт и пока не кончились боеприпасы. Фашистам пришлось искать обходные пути. А.Э. Бауэр задумал написать документальную повесть о В. Петрове и приступил к накоплению материала. Встречи с родными и близкими пограничника, друзьями детства и юности чередовались с поездкой в архивы. Помог случай. Бауэру удалось разыскать бывшего начальника 7-й погранзаставы Мирона Репенко, чудом выжившего и не потерявшего в круговерти войны. Он помог восстановить ход событий 22 июня 1941 г., час за часом [1]. Повесть о Василии Петрове «Четыре часа войны» впервые увидела свет в 1975 г. в сборнике «Мир приключений». В 2000 г. стараниями сыновей писателя, Андрея и Сергея, она была переиздана [10].

Работая над книгой, Бауэр письменно обратился в компетентные органы с просьбой увековечить память героя. Подобные запросы направили и ветеранские организации. 8 мая 1965 г., накануне 20-летия Победы, Василию Васильевичу Петрову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. В Малоарославце появилась улица, носящая имя героя-пограничника. На здании, где он учился, доме, где жил, установлены мемориальные доски.

В дни, предшествовавшие празднованию 20-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией, по всей стране открывались тысячи патриотических комсомольских клубов, кружков, обществ, комнат и музеев боевой славы. Случилось так, что и в древнем русском городе Малоарославце возник серьёзный общественный музей боевой славы, вокруг которого закипела увлекательная работа с молодёжью. Возникновению музея предшествовали лектории

А.Э. Бауэра о мужестве защитников Москвы и Подмосковья, которые он проводил перед населением. Лекции внимательно слушали как пожилые, так и молодые жители города и района. Анатолий Эрнестович вспоминал: «... я заметил, что молодёжь плохо представляет себе бедствия войны, страшные зверства врага, как-то недопонимает величия борьбы и победы советского народа. И захотелось мне восполнить в какой-то мере этот пробел в исторических знаниях и в военно-патриотическом воспитании молодежи нашего города» [3, с. 4]. И А.Э. Бауэр решает привлечь в помощники к исследованию истории и сбору материалов о Великой Отечественной войне на территории региона десятки ребят. «Но мало, думал я, только собрать и где-то экспонировать найденные материалы. Нужно увлечь ребят длительной поисковой работой, имея ввиду перед собой сугубо воспитательные цели. А для стимулирования интереса и увлеченности нужно придать этой работе какие-то новые, своеобразные формы» [3, с. 4].

Как раз в это время (1964 г.) фотокорреспондент районной и областной газет И.Я. Великанов передает А.Э. Бауэру фотографию неизвестного офицера, по слухам первым, ворвавшимся в город в момент его освобождения от врага. С этой карточкой Анатолий Эрнестович отправляется в Малоарославецкую школу №2, где несколько лет был председателем родительского комитета и неплохо знал многих школьников. При встрече с учащимися 7-го «В» класса он рассказывает пионерам о боях за город, о земляках – Героях Советского Союза, показывает карточку неизвестного капитана и предлагает создать маленький музей героев Великой Отечественной войны и выяснить всё об этом неизвестном офицере. По воспоминаниям А.Э. Бауэра: «Семиклассники загорелись! Тут же создали отряд красных следопытов и всем отрядом вступили в этот ещё не существующий музей. С пристрастием перебрали самых активных ребят и избрали оргкомитет во главе с сыном солдата, скромным и честным пионером Женей Карпецом» [3, с. 4].

Дирекция школы сразу откликнулась на просьбу о выделении помещения под музей и, несмотря на нехватку площадей, выделила в старом здании небольшую комнату. Пионеры под руководством А.Э. Бауэра привели её в порядок, написали сообщая первые письма, сделали запросы. Вскоре ребятам удалось

выяснить, что неизвестный офицер – А.Х. Кравченко, бывший командир 3-го батальона 475-го стрелкового полка 53-й Саратовской дивизии, действительно ворвавшийся со своим батальоном в числе первых в город в январе 1942 г. В 1967 г. юные следопыты встретились с ним лично, пригласив на празднование 25-летия освобождения Малоярославца.

По окончании организационного месячного периода первоначальный отряд был реорганизован в новый пионерско-комсомольский отряд красных следопытов, в который вошли около 30 человек. При музее был создан штаб отряда, избран учёный секретарь, главный администратор музея, начальник архива, старший дежурный, оформлено членство в отряде. В День Советской Армии – 23 февраля 1965 г. каждый член отряда получил напечатанное на машинке специальное удостоверение. Активность музея привлекла внимание педагогов, дирекции школы, общественности, местного комитета ДОСААФ, офицеров райвоенкомата. У участников отряда красных следопытов во главе с А.Э. Бауэром оформляется решение создать из маленького школьного музея настоящий районный клуб–музей, причём сделать его своими руками. Пишутся письма в пионерские дружины и комсомольские комитеты городских школ, которые привлекли в ряды красных следопытов ещё несколько десятков помощников из других школ. Анатолий Эрнестович задумывается о том, как разнообразить формы работы с учащимися, чтобы не пропал их интерес к данной работе: «На помощь должна придти военная романтика! И она пришла. Так, например, любое письмо от нас бывшему воину, розыск героя,

просьбу о фотографии, командировку следопыта в пригородные деревни – всё это я облекал в форму спецзаданий, особых заданий или заданий повышенной трудности, даваемых на определённый срок. Выполнив задание, следопыт должен был представить в музей письменный, или устный рапорт в зависимости от степени важности и сложности задания. За хорошо выполненное задание штаб отряда выносил ребятам благодарности» [3, с. 7]. Работа продолжалась. Рос интерес следопытов к исследовательской работе, к поиску героев войны, ребята узнавали много нового о Великой Отечественной войне. Большое внимание А.Э. Бауэр уделял посещению ребятами бывших воинов на дому.

17 марта 1965 г. бюро районного комитета КПСС рассмотрело вопрос о создании в районе общественного музея. Был утверждён состав совета музея, в который вошли педагоги, ветераны войны, партийные и комсомольские работники. Под музей решено было на время передать небольшой зал (50 м²) в новом Доме культуры. Городские предприятия изготовили для музея несколько стендов и витрин. 6 мая 1965 г. в торжественной обстановке при большом скоплении взрослых, учащихся школ города и района Малоярославецкий музей боевой славы был открыт [1; 8]. Новое музейное учреждение превратилось в своеобразный молодёжный клуб, полный патриотизма и интересных дел. Главные работники музея – юные следопыты (см. Фото 2). Они проводят экскурсии, организуют встречи с ветеранами, убирают помещение музея, подшивают газеты, разбирают корреспонденцию, отвечают на письма.

Фото 1. Эмблема Полка красных следопытов г. Малоярославец. Из собрания Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года [8].

Фото 2. Основатели Малоарославецкого музея боевой славы: Первый ряд: Потемкина (без имени), Осипова Лора, Левина Тома, Солдатенкова Лена, Бабкина Тома, Борозенцева Надя, Никитина Оля, Курбакова Наташа; Второй ряд слева направо: Курзенкова Галя, Волков Саша, Карпец Женя, Шишков Коля, Бауэр А. Э., Кутлинский Валя, Герасимова Лора, Петровичева Валя. Из собрания Малоарославецкого военно-исторического музея 1812 года [8].

Сразу же после открытия музея боевой славы ребята стали подумывать о создании какого-нибудь более интересного коллектива, чем просто отряд. Тем более, что в музей записались несколько десятков новых следопытов. И вот, после долгих споров решили назвать свой большой коллектив полком.

17 апреля 1966 г. – День рождения Полка красных следопытов в Малоарославце. Около 200 пионеров и комсомольцев, мальчиков и девочек в тот день, собрались в зале районного Дома культуры, заполненного педагогами, родителями и офицерами, выстроились и замерли в ожидании. Райвоенком подполковник Г.Г. Сапунов и заведующий школьным отделом райкома комсомола Н.Н. Розанов особым приказом объявили о создании при Музее боевой славы Полка красных следопытов. Восьмиклассник Валерий Юдин был назначен первым командиром полка, А.Э. Бауэр назначен его комиссаром. Вспоминает А.Э. Бауэр: «Офицер, руководящий этой церемонией, подает команду: «Смирно!» В торжественной тишине военком вручает командиру полка красное знамя, на атласе которого вышита надпись «Малоарославецкий полк красных следопытов». Знаменосец пока пронесет знамя перед строем. Затем офицеры – участники Отечественной войны – разводят все пять батальонов полка в разные залы, где принимают у них присягу» [3, с.

14]. После присяги каждому следопыту офицер вручил удостоверение с фотокарточкой и печатью и эмблему – нашивку (См. фото 1). К концу 1967 г. в Полку насчитывалось уже более 400 членов, объединённых в семь батальонов и четыре отдельные роты. Каждое из подразделений имело свое название: «Альбатрос» (СШ №1), «Сокол» (СШ №131 – находилась в здании бывшего училища им. С. Беляева), «Чайка» (Ильинская школа-интернат), «Ласточка» (Детчинская СШ), «Снегирь» (Обнинская школа-интернат) и другие [8].

Работа полка красных следопытов продолжала всячески расширяться. Участники Полка проводили немалую общественную, исследовательскую, военно-спортивную, тимуровскую и другую работу. Перечислить их все формы работы и мероприятия было бы весьма трудно, да и нет у нас всех необходимых данных, но особое внимание хотелось бы уделить отдельным операциям полка.

Операция «Память сердца» – сбор материалов, рапорты об исторических местах города и его окрестностей. Операция «Изюм» – поездка группы следопытов в г. Изюм Харьковской области по приглашению местных следопытов и сбор материалов о воинах 53-й стрелковой дивизии, освобождавшей от фашистов города Малоарославец и Изюм. Малоарославецкие следопыты встретились там с ветеранами 53-й сд. [6].

Операция «Октябрь», особенностью её была продолжительность – два года. В рамках этой операции было проведено много массовых и индивидуальных поисков, походов, поездок и экскурсий: две экскурсии в Центральный Музей Вооруженных Сил, поход в с. Ильинское и др.

Нельзя не сказать об операции «Цветы на бруствере», которую в честь 25-летия битвы под Москвой провёл журнал «Пионер». В этой операции принял участие и малоярославецкий полк красных следопытов, собирая воспоминания и письма её участников, фотографии, карты, старые газеты и другие документы. В зимние каникулы 1967 г. группа представителей полка была вызвана на слет следопытов в Москву в Краснопресненский Дом пионеров. На конкурсе эмблем слёта

полк занял первое место. И по своему Донесению о результатах работы тоже был в числе победителей. Полк был награжден Грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина и двенадцатью бесплатными путевками во Всесоюзный пионерский лагерь «Орленок».

Неоднократно приглашались участники полка и на Московское телевидение. Первый раз такая встреча состоялась в декабре 1966 г. Являясь коллективным членом телевизионного клуба «Искатели», участники Полка отправили рапорт о своей работе, рассказали о войнах – участниках Малоярославецкой операции 1 января 1942 г., послали туда свои материалы и фотографии. В дальнейшем такие встречи стали традиционными (Фото 3) [4].

Фото 3. Третье выступление членов Малоярославецкого ПКС по центральному телевидению 08.12.1969 г.

Из семейного архива А.А. Бауэра

Уход за братскими могилами, хлопоты по открытию мемориальных досок, памятников тоже в активе полка. Еще в 1964 г., когда следопыты только начинали свой путь, через местную газету «Маяк» к жителям района обратился полковник Семён Соколов с просьбой отыскать место гибели его брата летчика Григория Соколова, погибшего под Малоярославцем в неравном бою 21 июля

1941 г. Начинается активная работа следопытов школы №2 под руководством Анатолия Эрнестовича. В результате поиски увенчались успехом, и в 1965 г. силами учащихся под руководством А.Э. Бауэра и директора школы Л. Борискиной был поставлен памятник на месте гибели Григория Соколова (Фото 4) [2].

Фото 4. Открытие памятника Г.М. Соколову на его могиле в г. Малоярославец 1965 г
Из семейного архива А.А. Бауэра

За большую работу по сбору материалов о жизни, деятельности и подвигах летчика Г. Соколова 19 февраля 1965 г. пионерской дружине средней школы №2 г. Малоярославца было присвоено его имя. Большой реликвией школьного музея стала подлинная Грамота о присвоении Григорию Соколову звания Героя Советского Союза [9].

Трудно переоценить заслуги Анатолия Эрнестовича Бауэра в развитии и популяризации поискового движения не только в нашей Калужской области, но и в стране в целом. Он был создателем одного из первых в стране Полка красных следопытов. Разрабатывал формы и методы патриотического воспитания молодёжи, показав себя блестящим педагогом и исследователем. Полк, начав свою историю с 10 человек в маленькой комнатухе при школе, стал известен всей стране, выступал на государственном радио и телевидении, делясь своим бесценным опытом. В 1969 г. Полк красных следопытов насчитывал 450 человек и состоял из 13 подразделений, находящихся в школах города и района. В их числе отдельная рота «Снегирь»

– в г. Обнинске и батальон «Коршун» в Ульяновске. В штабе полка уже в это время хранились многочисленные грамоты, дипломы, книги с автографами, письма генералов и маршалов. Красные следопыты А.Э. Бауэра изучили боевой путь почти всех воинских частей, принимающих участие в освобождении Малоярославецкого района. Ребята лично встречались с командиром 53-й дивизии А.Ф. Наумовым, бывшими комбатами Кравченко и Бараевым, старшим инструктором политотдела дивизии В.И. Пальчиковым, кинооператором В.С. Ешуриным. Часть документального фильма, заснятого им во время боёв, следопыты достали в киноархиве. Удалось выяснить, как разрабатывалась штабом 43-й армии операция по ночному штурму г. Малоярославца, подробности боёв за город. Ребята переписывались со многими бывшими командирами и политработниками 17-й стрелковой дивизии – И.С. Кувшиновым, С.И. Кудиновичем, встречались со И.С. Стрельбицким, Г.Д. Пласковым, А.Ф. Наумовым, Маршалом Советского Союза Ф.И. Голиковым и другими военачальниками.

Список литературы:

1. Бауэр, А.А. Писатель и краевед Анатолий Бауэр / А.А. Бауэр // Кировский историко-краеведческий музей: офиц. сайт. URL: <https://kirmuseum.ucoz.ru/publ/3-1-0-31> (дата обращения 23.12.2025)
2. Бауэр, А.Э. Бесстрашный сокол // А.Э. Бауэр / Маяк. – 2001. – 29 ноября.

3. Бауэр, А.Э. Из опыта работы Малоярославецкого общественного клуба музея боевой славы и романтического подросткового объединения – полка красных следопытов. 30.08.1967 / А.Э. Бауэр (личный архив А.А. Бауэра). С.4.
4. Бауэр, А.Э. Кто брал этот город. Поиск ведут юные следопыты Малоярославца / А.Э. Бауэр // Правда севера. – 1969. – 26 июня.
5. История поискового движения Калужской области в фотографиях Николая Низова / сост.: А.И. Плющай, Р.В. Смоленский. – Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2023. – 197 с.
6. Карпец, Е. На рубежах Москвы. Из донесения штаба полка красных следопытов города Малоярославца Калужской области / Е. Карпец (личный архив Бауэра А.А.).
7. Озеров, А.Г. Краеведение. Методические аспекты / А.Г. Озеров. – М.: ООО «Юный краевед», 2021. – 232 с. С. 64 – 65.
8. Полк красных следопытов г. Малоярославец // Малоярославецкий военно-исторический музей: офиц. страница «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-44991012_768 (дата обращения 23.12.2025)
9. Степина, Е. Огромное небо Григория Соколова / Е. Степина // Весть. – 2010. – 12 августа. URL: <https://www.vest-news.ru/article/14521> (дата обращения 23.12.2025)
10. Четыре часа войны: Повесть-быль о малоярославецком герое-пограничнике В. Петрове / А. Э. Бауэр. – 2-е изд. – Малоярославец: Б. и., 2000. – 95 с.

¹ Кировский индустриально-педагогический колледж им. А.П. Чурилина, Киров (Калужская область), РФ

² Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.31)"1906/1914"

*В. В. Панасюк***АГРАРНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Объектом исследования является внутренняя политика Российского государства в начале XX века, предмет изучения – аграрное предпринимательство периода столыпинских преобразований в Калужской губернии. Методологическую основу публикации составляют принципы историзма, научной объективности, системности, что позволяет изучать события, явления и процессы в их развитии. Источниковая база исследования состоит из материалов центральной и местной периодической печати, а также справочно-статистических изданий. В статье обосновано разделение аграрного предпринимательства на два вида – индивидуальное и групповое, приводятся данные о хуторских хозяйствах, вставших на путь предпринимательства, дана оценка результатов их деятельности. Подчёркивается также значимость предпринимательства в повседневной жизни хуторян. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке лекций по истории сельского хозяйства страны, проведении практических занятий, написании учебных пособий.

Ключевые слова: аграрное предпринимательство; столыпинские преобразования; Калужская губерния; хутор; кооперация.

*V. V. Panasyuk***AGRARIAN ENTREPRENEURSHIP DURING THE STOLYPIN REFORMS OF THE EARLY 20th CENTURY: BASED ON THE MATERIALS OF THE KALUGA PROVINCE**

The object of the study is the internal policy of the Russian state at the beginning of the 20th century, the subject of the study is agrarian entrepreneurship during the Stolypin reforms in Kaluga province. The methodological basis of the publication is based on the principles of historicism, scientific objectivity, and consistency, which makes it possible to study events, phenomena, and processes in their development. The research's source base consists of materials from the central and local periodicals, as well as reference and statistical publications. The article substantiates the separation of agricultural entrepreneurship into two types – individual and group, provides data on farms that have embarked on the path of entrepreneurship, and evaluates the results of their activities. The importance of entrepreneurship in the daily life of farmers is also emphasized. The materials and conclusions of the study can be used in preparing lectures on the history of agriculture in the country, conducting practical exercises, and writing textbooks.

Key words: agrarian entrepreneurship; Stolypin transformations; Kaluga province; farmstead; cooperation.

Столыпинские аграрные преобразования в российской деревне начала XX в. – это одна из разработанных тем в области аграрной истории в исследовательском поле целого ряда поколений отечественных специалистов, ярких представителей дореволюционного, советского и современного этапов историографии. В настоящее время известен ряд публикаций, раскрывающих данную проблематику как на общероссийском, так и на региональном уровнях исследований [2, 3, 4, 5, 12, 15, 17]. Между тем обращение к историческим источникам на региональном уровне представляется, по нашему мнению, весьма перспективным направлением, поскольку позволяет выявить, установить, как общие, так и отличительные особенности развития

столыпинских преобразований на местах. В этом отношении использование материалов, например, по Калужской губернии, одному из центральных регионов страны, с научной точки зрения вызывает неподдельный исследовательский интерес. Наряду с определённой разработанностью целого ряда аспектов по изучению столыпинской аграрной проблематики в этом регионе [15], некоторые вопросы до настоящего времени не получили должного освещения. В частности, это касается вопроса о развитии института аграрного предпринимательства в крестьянской среде, прежде всего, среди единоличных домохозяйств, раскрытию которого посвящена статья.

Как известно, столыпинская аграрная реформа начала XX в., ставя перед собой амбициозные цели по переустройству сельского хозяйства страны, предусматривала, в том числе, образование в российской деревне крупного слоя единоличных домохозяйств. Для того чтобы началась социальная трансформация на селе, необходимо было изменить соответствующую нормативно-правовую базу. Так, указом императора Николая II от 9 ноября 1906 г. предусматривался добровольный выход домохозяев из общины с правом закрепления в личную собственность причитающихся земельных чересполосных наделов. Фактически это означало переход от общинного землевладения с периодическими переделами земли к подворно-наследственному землевладению. В то же время нормативный акт предоставлял возможность домохозяевам сверстать земельные полосы в один участок с правильными границами и образовать единоличное хозяйство в виде отруба или хутора [10, с. 1]. В этой связи вспомним, что под хуторским хозяйством обычно понимается комплекс жилых и дворовых построек крестьянской семьи, ведущей автономное хозяйство. Именно такое определение и представляет интерес для темы настоящего исследования.

Для начала обратимся к вопросу о том, кто из крестьян Калужской губернии проявлял заинтересованность в переустройстве своих хозяйств на новых началах. Приведём авторитетное мнение, высказанное в марте 1910 г., правительственным инспектором по сельскохозяйственной части И.Д. Ермолаевым, профессиональная деятельность которого в годы столыпинских преобразований была неразрывно связана с Калужской губернией. Так, по его словам, «на хутора и отруба выселяются не горькие пьяницы, готовые на другой же день после выдела из общины „спустить все пожитки до последнего кола и нитки“, а действительно крепкие хозяева [6, с. 3]. Или вот другая цитата этого специалиста о том, что «где только заводятся хутора, выселяются из общины большей частью самые состоятельные элементы, многосемейные и часто очень хорошо обеспеченные живым и мёртвым инвентарем» [7, с. 3].

Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников даёт основания считать, что в исследуемый период времени в Калужской губернии существовало два основных

вида аграрного предпринимательства – индивидуальное и коллективное. В основе этой классификации мы использовали такой критерий как количество участников предпринимательской деятельности. Исходя из этой классификации, рассмотрим далее более подробно обозначенную проблематику статьи.

Сведения об индивидуальном аграрном предпринимательстве местных хуторян можно почерпнуть из материалов местной периодической печати. Так, в августе 1911 г. в газете «Калужский курьер» вышла статья правительственного инспектора И.Д. Ермолаева «Экскурсия на крестьянский хутор», где автор на основе личных наблюдений раскрывает предпринимательскую деятельность на примере хозяйства уроженца Калужского уезда крестьянина Т.Е. Ерохина. Этому домохозяину, по оценке И.Д. Ермолаева, удалось добиться значительных результатов в таком направлении хозяйственной деятельности как выращивание и продажа сортов клубники. Правительственный инспектор выразил большой интерес к сбору этой садовой культуры, описывая это следующими словами: «Ягоды собирались непосредственно в небольшие щепные корзиночки и относились под навес, где сыновья хуторянина упаковывали их для отправки на железную дорогу. Корзиночки устанавливались в ряд по три штуки на тонкую дощечку, покрывались чистой бумагой, сверх бумаги накладывалась такая же тонкая дощечка, как и внизу, и после этого затягивались бечевками. Получался «пакет» 25–28 фунтов весом» [9, с. 3]. Продажа клубники осуществлялась в основном через комиссионерские посреднические конторы по железным дорогам в соседние города: Москва, Тула и Брянск, значительно реже – в Калугу. Данный пример свидетельствует о налаженном уже механизме сбыта выращенной садоводческой продукции в этом хуторском хозяйстве.

Приведём ещё один пример, обратившись к запискам правительственного инспектора И.Д. Ермолаева, опубликованных в «Калужском курьере» в марте 1912 г. Так, из беседы этого специалиста с одним из единоличных домохозяев Калужского уезда стало известно, что осенью прошлого года крестьянину удалось на местном базаре выгодно продать часть урожая картофеля, а позже зимой распродать остатки запасов этого корне-

плода. Домохозяин также заработал часть денег на продаже клубники [8, с. 2].

Кроме огородно-садоводческой продукции хуторяне зарабатывали деньги на продаже переработанной молочной продукции, в частности, сливочного масла. Сведения об этом направлении предпринимательской деятельности приводятся в материалах корреспондента Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Главного управления землеустройства и земледелия А.А. Касаткина. По его словам, в начале лета 1912 г. при Медынской уездной землеустроительной комиссии была учреждена должность инструктора по маслоделию, деятельность которого заключалась в организации показательных чтений, лекций, практических занятий по использованию сепараторов для переработки молока в сливочное и топленое масла. Так, при поддержке инструктора по маслоделию несколько хуторян, проживавших возле с. Сергиевское, получив в бесплатное пользование сепараторы, занялись производством различных видов масла. Свою продукцию они успешно реализовывали потребителям из Калуги и Медыни [1, с. 309]. А вскоре в сентябре 1912 г. на сельскохозяйственной выставке в г. Калуге по отделу молочного хозяйства хуторяне с. Сергиевского впервые представили свою продукцию – парижское топленое масло, получившее высокие отзывы у публики [14, с. 284].

Далее, в марте 1914 г. в одном из центральных сельскохозяйственных журналов страны «Известия Главного управления землеустройства и земледелия» появилось сообщение о том, что среди крестьян Калужской губернии за последние годы активное распространение получило маслоделие и молочное хозяйство. Одновременно с этим наблюдалось стремление домохозяев к поднятию доходности крупного рогатого скота путём улучшения породы, а также к переходу от старой трехпольной системы хозяйства к многополью и заведению травосеяния [13, с. 305]. Модернизационные процессы, охватившие сельское хозяйство Калужской губернии в период столыпинских преобразований, привели к идее создания доходных единоличных хозяйств на базе объединения производства и сбыта их продукции, т.е. кооперации. Так, по данным неперемного члена Калужской губернской землеустроительной комиссии С.Ф. Трухачева в 1912–1913 гг. на

основе участковых хозяйств региона было образовано 9 кооперативных структур в форме маслодельных артелей. В помощь им для налаживания производственного цикла командировались маслоделы (в конце 1913 г. – 7 чел.), состоявших в штате 6 уездных землеустроительных комиссий. Кроме того, в 1914 г. предполагалось открыть ещё 9 маслодельных артелей и пригласить в состав уездных землеустроительных комиссий новых специалистов – 1 инструктора по маслоделию и 9 мастеров маслоделов [13, с. 304; 16, с. 2]. Вышеприведенные данные прямо свидетельствуют о положительной динамике роста такой формы кооперации в калужской деревне. Можно сказать, что это были «пионеры» хуторского коллективного аграрного предпринимательства в регионе.

Обратившись к источникам, далее рассмотрим подробнее деятельность одной из таких кооперативных структур. В качестве примера возьмём Дубровскую молочную артель, образованную в январе 1912 г., которая располагалась при одноименной дер. Дубровка-Мансурово Калужского уезда, объединившая 15 латышей переселенцев из Прибалтики. При содействии местного отделения Крестьянского поземельного банка они приобрели землю у графа И.Л. Толстого, где образовалась группа хуторов [11, с. 305]. Правовую и материальную помощь в создании молочной артели им оказали местное земство и уездная землеустроительная комиссия. Так, при поддержке последней была выдана ссуда с рассрочкой платежа на приобретение машин и приборов для маслодельни на сумму 627 руб. 50 коп., а для налаживания производства в молочную артель была командирована маслоделка. Купив у одного хуторянина 1 дес. земли, латыши совместными усилиями построили временное помещение для маслодельни и погреб для хранения продукции. Во второй половине 1912 г. ежедневно в среднем на молочной артели производили 2 пуда масла при переработке 40 пудов молока. Хуторяне за счёт поступления паёв (по 2 руб. от каждого домохозяина) открыли также потребительскую лавку с молочной продукцией, основными покупателями которой стали домохозяева окрестных селений. Доход от продажи был небольшой, поэтому было решено полученные средства пустить в постоянный оборот для покупки запчастей и деталей маслодельни. Тем временем продукция Дубров-

ской молочной артели получила признание со стороны экспертного сообщества. Так, на проходившей в сентябре 1912 г. губернской сельскохозяйственной выставке её продукция по отделу молочного хозяйства была премирована серебряной медалью старейшего в регионе Калужского общества сельского хозяйства [14, с. 284–285; 11, с. 18–19, 21].

Между тем одной из главных проблем молочной артели стал сбыт масла и других молочных продуктов. Дело в том, что, например, в Калуге спрос на такую продукцию был не постоянным и зависел, в том числе, от времени года. Активный потребительский спрос на продукцию наблюдался поздней осенью и зимой, а вот весной и летом он снижался, т.е. речь идет о сезонном факторе. Кроме покупателей на региональном рынке, продукция отправлялась в Москву, но и здесь были свои трудности – высокие затраты на доставку, хранение и пр. Чтобы не пропал скоропортящийся товар, иногда приходилось продавать продукцию по низким ценам перекупщикам. По мнению маслоделки М.Н. Костроминой, которая занималась налаживанием производства в этой артели,

решить эту непростую проблему можно было, например, путём создания союзной маслодельной артельной организации уездного или губернского типов с организованным рынком сбыта продукции [11, с. 21].

В заключение отметим, что столыпинские аграрные преобразования для определённой части участковых дворов Калужской губернии начала XX в. стали временем крутых перемен, когда у них появился устойчивый интерес к ведению сельского хозяйства на основе передовых приёмов и методов аграрной науки. Их инициативная деятельность, связанная с риском, основывалась на стремлении к получению прибыли. Являясь новым хозяйственным делом в местной деревне, аграрное предпринимательство неизбежно сталкивалось с определёнными трудностями и недостатками. Вместе с тем результаты исследования показали, что индивидуальная и коллективная предпринимательская деятельность хуторских хозяйств Калужской губернии имела высокий потенциал развития, став одним из критериев эффективности таких крестьянских дворов.

Список литературы:

1. 1912 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Выпуск 6. – СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1913. – 339 с.
2. Герасименко, Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Г.А. Герасименко. – Саратов: издательство Саратовского университета, 1985. – 343 с.
3. Давыдов, М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / М.А. Давыдов. – СПб.: Алетейя, 2014. – 784 с.
4. Дроздов, В.П. Около земли. Очерки по землеустройству / В.П. Дроздов. – М.: издание М. и С. Сабашниковых, 1909. – 71 с.
5. Дубровский, С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С.М. Дубровский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 599 с.
6. Ермолаев, И.Д. Роль хуторских и отрубных хозяйств в деле улучшения местного хозяйства в Калужской губернии / И.Д. Ермолаев // Калужские губернские ведомости. – 1910. – № 32. – 23 марта. – С. 3.
7. Ермолаев, И.Д. Роль хуторских и отрубных хозяйств в деле улучшения местного хозяйства в Калужской губернии (окончание) / И.Д. Ермолаев // Калужские губернские ведомости. – 1910. – № 33. – 25 марта. – С. 3.
8. Ермолаев, И.Д. По хуторам Калужской губернии / И. Д. Ермолаев // Калужский курьер. – 1912. – № 30. – 13 марта. – С. 2 – 3.
9. Ермолаев, И.Д. Экскурсия на крестьянский хутор (окончание) / И.Д. Ермолаев // Калужский курьер. – 1911. – № 84. – 2 августа. – С. 2.
10. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. – 1906. – № 252. – 12 ноября. – С. 1.
11. Костромина, М.Н. Дубровская молочная артель / М.Н. Костромина // В помощь земледельцу. – 1913. – № 3. – 1 октября. – С. 18 – 22.

12. Лосицкий, А.Е. Распадение общины до указа 9 ноября. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба / А.Е. Лосицкий. – СПб.: типо-литография Н.Л. Ныркина, 1912. – 65 с.
13. Маслоделие в Калужской губернии // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. – 1914. – № 12. – 23 марта. – С. 305.
14. Памятная книжка и адрес календарь Калужской губернии на 1914 год / Под ред. Ф.Ф. Кадобнова. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1914. – 420 с.
15. Панасюк, В.В. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии) / Панасюк В.В. // Российская история. – 2017. – № 1. – С. 157–167.
16. Трухачев, С.Ф. Агрономическая помощь хозяйствам единоличного владения на 1914 год / С.Ф. Трухачев // Калужские губернские ведомости. – 1913. – № 56. – 27 июля. – С. 2.
17. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).084.5; 908

*С. А. Тарасов***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ (МОПР) НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1930–1947 ГГ.**

В статье рассматривается деятельность МОПР на калужской земле в 1930-е гг., военный и послевоенный периоды в контексте изменений, происходивших в общесоюзной организации. В частности, показано постепенное изменение агитационной работы МОПР от воспитания интернационализма к пропаганде преимуществ социалистического строя (например, коллективизации). С середины 1930-х гг. меняется суть деятельности организации: помощь зарубежным коммунистам постепенно прекращается, при том, что численность и собираемые средства возрастают. С началом Великой Отечественной войны деятельность МОПР осуществляется исключительно для нужд фронта и помощи семьям красноармейцев. Попытки возрождения МОПР после войны (1946–1947), при безденежье населения, провалились, и организация прекратила существование.

Ключевые слова: МОПР; Коминтерн; ВКП(б); «Международная Красная Помощь»; Великая Отечественная война.

*S. A. Tarasov***THE ACTIVITIES OF «INTERNATIONAL RED AID» (MOPR) IN THE KALUGA LAND IN 1930–1947.**

The article examines the activities of «International Red Aid» (MOPR) in the Kaluga land in 1930-s, during the Great Patriotic War and postwar period according to the changes, which had place in all-union MOPR. In particular, it's a gradual change of MOPR agitation from an international education to propaganda of the socialist system's advantages (e.g. collectivization of agriculture). In the middle of 1930-s the essence of the MOPR activity changed: an aid to members of foreign communist parties was discontinued, at the same time the quantity of the MOPR members and the collected amount of membership dues increased. From the beginning of the Great Patriotic War the MOPR activity was concentrated on the material and financial help to the Red Army and to the soldiers' families. The attempts to revive the MOPR activity in afterwar period (1946–1947) failed due to poverty of population, and MOPR was dissolved.

Keywords: MOPR; Comintern; CPSU(B); «International Red Aid»; the Great Patriotic War.

Среди многочисленных общественных организаций, возникших в советском государстве в первой половине 1920-х гг., МОПР занимала особое положение. Созданная под эгидой Коминтерна, по решению ЦК ВКП(б), она выполняла две важные задачи: осуществляла интернациональное воспитание советских граждан, готовя их к предстоящей мировой революции, и собирала средства для поддержки зарубежных коммунистических организаций. Как и в большинстве регионов СССР, Калужское губернское отделение МОПР было создано в 1923 г. и до 1929 г. основное внимание сосредотачивало на росте своих рядов и пропаганде идей МОПР. Причём деятельность организации была подконтрольна губернскому и уездным комитетам ВКП(б) и велась, по преимуществу, среди городского населения.

С начала 1930-х гг., когда стало очевидным, что мировая революция откладывается, внешнеполитические функции МОПР сохранились, но были существенно дополнены внутривнутриполитическими задачами. С началом Великой Отечественной войны содержание работы МОПР претерпело кардинальные изменения. Об этом и пойдёт речь в данной статье.

Круг привлечённых источников включает сборники документов МОПР, опубликованных в 1932 и в 1941 гг. [1; 3], альбом из собрания Государственного исторического музея, созданный к 25-летию МОПР и содержащий статистические данные о деятельности организации [30], а также сборник документов ЦК ВКП(б), касающихся деятельности Коминтерна и МОПР [28]. Использованный нами объём региональных источников –

из фондов ГАДНИКО: с одной стороны, здесь представлены циркуляры и планы партийных органов, направлявших деятельность МОПР, с другой, сохранились планы и отчёты органов МОПР, позволяющие проследить обратную связь, т.е. результаты работы.

Советскими исследователями истории МОПР было посвящено изрядное количество книг и статей. Однако, как отмечалось в историографическом обзоре А.Н. Васильевой, авторы этих работ сосредотачивались на периоде становления МОПР (до 1932 г.), и период 1930-х – 1940-х гг. остался ими не затронутым вовсе [4]. Отчасти, исключением является монография А.И. Авруса, где автором рассмотрены перипетии истории МОПР до 1934 года [2]. В постсоветской историографии работ по истории МОПР немного, но они также посвящены периоду становления организации в отдельных регионах, т.е. до 1932 года [23; 24; 27].

* * *

Одним из факторов, способствовавших активизации деятельности МОПР в 1930-е гг. были реформы административного деления. Так, Калужская губерния в 1929 г. была упразднена, а уезды из её состава были переименованы в районы и, будучи объединёнными в округа, вошли в Московскую и Западную области. В 1937 г., путём дробления этих гигантских по территории областей, был образован ряд новых областей (в том числе, Тульская, Смоленская, Орловская). Соответственно, прежние районы калужской земли были разделены между четырьмя областями (три упомянуты выше и Московской областью). В 1944 г. Калужская область была воссоздана в прежнем территориальном масштабе (исключая Лихвинский уезд) [25, с. 228–230, 232; 26, с. 268–269]. А оживление в работе МОПР было вызвано рвением новых Обкомов МОПР.

Так, циркуляром Отдела агитации и пропаганды Московского Обкома ВКП(б) осенью 1929 г. всем райкомам партии предписывалось созвать районные конференции МОПР. Они же обязывались к руководству подготовкой и проведением конференций, должны были обеспечить не менее 60% беспартийных рабочих, батраков и крестьян-середняков в выборных органах. Особое внимание следовало уделить подбору коммунистов на должности председателей и секретарей комитетов МОПР, причём рекомендова-

лось сделать эти должности их основной партийной нагрузкой, освободив от прочих партийных обязанностей [6, л. 1]. Однако схема опоры на коммунистов давала сбой: например, на заседании президиума Калужского Горкома МОПР от 10.03.1930 г. отметили «полную бездеятельность т. Старшинова в работе в Горкоме [МОПР] с 25/X-1929 года по настоящее время»; ему была дана отставка, «т.к. он сильно загружен по партийной линии и уделять внимание МОПР работе не может» [6, л. 10].

Также для «реанимации» МОПР был организован Всесоюзный смотр ячеек организации, о чём калужские активисты были извещены в середине декабря 1929 года [6, л. 8]. В феврале 1930 г. отдельные активисты ячеек были приглашены в Москву, на двухдневные Окружные курсы-конференцию, предназначенные для переподготовки низового актива [6, л. 9].

Тем не менее, меры, предпринятые в отношении работников-общественников МОПР, должного результата не дали. Вот что отмечалось в отчётах некоторых районов в 1931 году: в Мосальском и в Перемышльском районах нет ни одной ячейки МОПР [13, л. 5; 11, л. 49], в Бабынинском – общественные организации созданы (в том числе, МОПР), «но работы не ведут» [8, л. 23]. Поэтому на протяжении 1931–1932 гг. произошла замена общественников штатными сотрудниками, по крайней мере, на уровне областей и районов. А общее руководство деятельностью МОПР и прочих организаций было вменено заведующему агитмассовым отделом РК ВКП(б). В должностных обязанностях последнего отмечалось, что он «руководит работой добровольных обществ[енных] организаций: МОПР, ОСОАВИАХИМ, СВБ, РОКК и др., подбирает руководителей последних, направляет их работу» [19, л. 1].

Сработал ли новый подход? – Не вполне. – Несмотря на подробные инструкции Обкомов ВКП(б), работа МОПР на местах оставляла желать лучшего. Приведём выдержки из протокола Секретариата Западного обкома ВКП(б) от 19/VII-1933 г. – «Работа МОПР носит преимущественно кампанийский характер, отсутствует планомерность в работе и проверка исполнения... Секретариат отмечает, как совершенно недопустимое явление, что отдельные РК МОПР расходуют на своё содержание слишком

большие средства и тратят на это все собранные ими полезные средства... Решительно перестроить работу с активом МОПР – председателями и секретарями ячейки МОПР, сборщиком членских взносов, учётчиком, бригадиром МОПРа, председателем ревизионной комиссии, выделенного по интересам и т.п., т.к. вся мопровская работа, в конечном счёте, осуществляется ими. Поставить учёт этого актива и закрепить его на мопровской работе... Обратить внимание на качественное улучшение платного аппарата, ни в коем случае не допуская перерасходования средств по отдельным организациям» [16, л. 20–21].

Из приведённого фрагмента явствует, что к 1933 году структура МОПР на местах сложилась: в областных и районных комитетах МОПР трудились штатные сотрудники, на местах, – в ячейках, – действовали общественники. Поскольку всё-таки основной задачей организации был сбор средств, согласно финансовому плану (вступительные и членские взносы; «шефские гривенники» – то есть, единовременные добровольные пожертвования), постольку был сформирован штат финансовых сотрудников-общественников. Западный обком ВКП(б) рекомендовал райкомам привлекать к работе в МОПР не только коммунистов, но и членов профсоюзов, а также комсомольцев [16, л. 21]. Новым явлением, по сравнению с 1920-ми годами, было непременно обучение комсомольцев, направляемых на работу в МОПР, на трёхдневных курсах [11, л. 49].

Дополнительный стимул работе советской секции МОПР был придан 1-м Международным Конгрессом МОПР, проходившим в Москве, в ноябре 1932 года. Среди главных задач, поставленных Конгрессом, были увеличение числа членов организации, организация выступлений против подготовки империалистической войны [3, с. 8].

Ещё в 1930 году МОПР была усилена созданием Юнсекций (Юношеских секций) при районных организациях, главной задачей которых было воспитание школьников в духе интернационализма, подготовка их к вступлению во «взрослую» организацию [6, л. 11]. Вскоре Юнсекции были собраны в отдельную структуру и переименованы в ЮДМ (Юные друзья МОПР) [12, л. 3].

В таком виде структура МОПР будет существовать до момента роспуска организации в 1948 году.

* * *

Текущая работа МОПР в 1930-е гг. была такой же, как и в 1920-е гг. Ячейками оформлялись на предприятиях Уголки МОПР, где была стенгазета с новостями о деятельности организации, отпечатанные в типографии плакаты и листовки. В некоторых районах проводились ежемесячные вечера МОПР, где, помимо докладов об «узниках капитализма», велась «вербовка» новых членов [11, л. 49–49 об.]. Устраивались митинги протеста в поддержку борцов против капитализма: например, в 1932 г. в Сухиничском районе на предприятиях и в ячейках МОПР проводились «летучие митинги-протесты [против] казни 8-ми юношей-негров» (речь идет о процессе, имевшем место в г. Скоттсборо, США) [9, л. 13; 2, с. 65, 66].

В качестве нового «рычага», предпринимались попытки использовать соцсоревнование между районами и отдельными ячейками с премированием лучших организаций [16, л. 21].

Прежними оставались и праздники МОПР: официальным был 18 марта – день Парижской коммуны, близким по содержанию являлся Международный день солидарности трудящихся (1 мая).

В ходе празднования Первомая 1930 г. проявились новые тенденции внутренней политики СССР: все общественные организации теперь занимали отведённое им место в иерархии органов власти и выполняли те задачи, которых требовал текущий момент. Так, организации МОПР г. Калуги предписывалось в ходе демонстрации не создавать отдельные колонны, но участвовать непременно, в составе колонн учреждений и предприятий, «со своими МОПРОВскими плакатами и лозунгами». Городскому Комитету МОПР рекомендовалось «вывести во время демонстрации показательную тюрьму» [6, л. 12]. Кроме того, в общегородском плане Первомая, составленном горкомом ВКП(б) отмечалось, что «приглашаемых политэмигрантов [которых опекал МОПР, следует] использовать для выступления и участия их... на торжественных массовых рабочих собраниях, [а] также и на демонстрации» [7, л. 3].

Более показателен список лозунгов для 1 мая 1930 года. Помимо «стандартных» призывов, вроде: «Крепите ряды МОПР – предстоят революционные бои!» или «МОПР семь лет стоит на страже интересов мировой рево-

люции, долг всех трудящихся – вступить в ряды МОПР!», появляются призывы, прежде не свойственные этой организации – «МОПРовец – в колхоз, колхозник – в МОПР!», «МОПРовец, даёшь пятилетку в четыре года!», «МОПРовцы – в ударные бригады за выполнение промфинплана!». И, поскольку в нашей стране начался переход к тоталитаризму: «МОПРовец – за генеральную линию компартии, против всяких уклонов и примиренчества!» [6, л. 13].

Следующей мерой стала рассылка Отделом массовой работы Калужского окружного комитета ВКП(б) в июле 1930 г. тезисов 2-й Окружной партийной конференции о различных сферах пропагандистской работы, в том числе, о работе добровольных обществ [7, л. 39, 46–47]. В частности, в «Тезисах о работе добровольных обществ» прямо говорилось о переориентации работы, прежде всего, Осоавиахима и МОПР, как наиболее массовых в калужских районах (17 512 и 18 780 членов соответственно). – «Общественные организации, являясь одним из приводных ремней партии, ставят своей задачей мобилизовать внимание масс на выполнение пятилетнего плана строительства, ведя в то же время беспощадную борьбу со всякими уклонами от генеральной линии, особенно с правым [уклоном], являющимся главной опасностью в настоящий момент, а также на укрепление обороноспособности страны и всемерной помощи и поддержки трудящимся всего мира в их борьбе против капитала» [7, л. 46]. Примечательно, что после перечня недостатков в работе общественных организаций среди рекомендуемых методов работы указывалось использование критики и самокритики [7, л. 47], заимствованное из практики проводившейся в это время чистки партии.

* * *

С празднования дня Парижской коммуны 1931 г. началось кардинальное изменение политической агитации, ведшейся МОПР. Это было связано с событиями 1-й пятилетки, целью которой ВКП(б) поставила индустриализацию страны. Стройки пятилетки требовали оборудования, которое было возможно приобрести только за рубежом, как следствие, для изыскания финансовых средств была начата форсированная коллективизация. В пропагандистской кампании по вовлечению крестьян в колхозы были задействованы все агитационные ресурсы, в том

числе, и ячейки МОПР, и все поводы, например, 18 марта – День МОПР. Как указывалось в плане празднования 60-летия Парижской коммуны, составленном Козельским РК ВКП(б): «У нас, в СССР рабочий класс, под руководством ВКП(б), будет праздновать 18 марта под лозунгом дальнейших завоеваний на социалистическом фронте, [за] осуществление 5-летки в 4 года, за перевыполнение планов 3-го, решающего года пятилетки и построение фундамента социалистической экономики, завершение сплошной коллективизации и на её основе ликвидации кулака, как класса». На фоне 50%-й коллективизации района, пункты плана предусматривали «развернуть массовую работу вокруг этого праздника, очищая колхозы от классово чуждых элементов (кулака), полностью выполняя планы по всем видам заготовок»; создать ячейки МОПР в каждом колхозе; организовывать колхозы имени МОПР; на предприятиях, в совхозах и колхозах создать ударные бригады им. МОПР. «В день 18 марта во всех заводах, совхозах, сельсоветах провести вечера, посвященные дню 60-летия Парижской коммуны и братской солидарности с политическими узниками, широко популяризируя этот праздник, разоблачая подготовку интервенции против СССР (процесс меньшевиков), [осветить] задачи укрепления обороноспособности страны. [Поэтому необходимо] ликвидировать в селе задолженности перед государством (заготовки, моб. средства, лесозаготовки и т.д.)» [17, л. 55–57].

В последнем приведённом фрагменте акцентируется внимание на угрозе нападения на СССР и даже возможности интервенции: это новый пропагандистский тезис сменил лозунг о мировой революции, тиражировавшийся в 1920-е годы. Исходным документом для этого тезиса была резолюция IX-го Пленума Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ), принятая в апреле 1931 г. [34, с. 164–167]. Следует отметить полную несамостоятельность ИККИ в принятии политических решений и в финансовых вопросах: и те, и другие изначально обсуждались и утверждались Политбюро ЦК ВКП(б), как-то проекты резолюций и бюджет ИККИ, размер финансовых вливаний для поддержки той или иной коммунистической партии за рубежом, источники финансирования [28, с. 417].

Например, в преамбуле к плану празднования дня Парижской коммуны и 10-летия

МОПР в Сухиничском районе (1932 г.) отмечалось: «Обостряющийся всё более и более общий кризис капитализма с каждым днём вызывает новое ухудшение [положения] рабочего класса за рубежом. Вместе с этим, капитализмом проводится усиленная как никогда подготовка к войне против Советского Союза. Передовые бойцы рабочего класса за рубежом в борьбе за жизнь с капиталом, в борьбе с капиталом против войны с Советским Союзом, не щадя своей жизни, попадают в тюремную агонию буржуазной классовой мести» [9, л. 13].

* * *

Характерным примером «смещения» советской политической риторики в годы 1-й пятилетки стал новый праздник: Международный день красной помощи (1 августа). Он был учреждён по решению VI-го Конгресса Коминтерна в 1930 году. В ходе подготовки праздника (с 20-го июля) следовало разъяснять гражданам решения XVI съезда ВКП(б), в частности, рассказывать о мировом экономическом кризисе, вызвавшем рост пролетарского движения и подъём борьбы коммунистических партий, об обострении военной опасности для СССР, о необходимости укрепления обороноспособности страны и выполнении пятилетнего плана за 4 года. Праздник предполагалось провести «под углом смотра успехов социалистического строительства в городе и деревне (соцсоревнование, ударничество, размещение нового займа, коллективизация, реализация урожая) и проверки вовлечения широчайших трудящихся масс в дело обороны страны». В ходе празднования устраивались массовые митинги и гуляния, парады Осоавиахима, физкультурников и «военизированных отрядов комсомола» [7, л. 56–58]. То есть, празднество, должно было славить и ширить наши внешнеполитические успехи, посвящалось такти сугубо внутренним целям, проблемам и достижениям. Помощь иностранным борцам за революцию оказалась отодвинутой на задний план. Ведь акроним МОПР означал советскую секцию «Международной красной помощи» (International Red Aid). Эта тенденция отразилась в плане праздника по Козельскому уезду 1931 года: «[Это] день проверки пятилетнего плана, как международной задачи пролетариата СССР. В нашем районе Красный день должен проходить под лозунгами:

а) усиление обороноспособности нашей страны, как базы мировой пролетарской революции;

б) развитие метода социалистического труда – соцсоревнование и ударничество;

в) борьба за выполнение и перевыполнение промфинпланов и колхозных программ;

г) [борьба] за овладение техникой, за качество темпов;

д) за успешное, чёткое проведение уборочной кампании и распределение урожая в колхозах;

е) развёртывание сплошной коллективизации и ликвидация кулачества, как класса, на её основе;

ж) [борьба] за усиление международной связи пролетариата – интернациональное воспитание.

Развертывание работы ячеек ОСОАВИАХИМ и МОПР» [17, л. 129].

Спрашивается, а при чём здесь ОСОАВИАХИМ? – По-видимому, трудности, которые испытывали и преодолевали рядовые граждане страны при строительстве фундамента социализма, требовали мотивации. – А вот и она: внешняя угроза. – Далее в плане говорится о необходимости повсеместной организации ячеек ОСОАВИАХИМА, посадке «гектаров обороны». «День 1-го августа является днём военизации. Развернуть работу по военизации членов профсоюза, рабочих на предприятиях и колхозников. Для комсомола этот день является проверкой военизации комсомола... Для налаживания интернациональной связи необходимо крепить ячейки МОПР, втягивая в них трудящиеся массы рабочих, колхозников, бедняков и середняков-единоличников... 1-е августа объявить днём ударным во всех предприятиях, совхозе, колхозах и в городе. После работы организуются летучие митинги, посвящённые 1-му августа...» [17, л. 130–131].

То есть, в приведённом документе наблюдается окончательное встраивание МОПР, бывшей частью международной организации, в структуру советского государства. Причём роль ей была отведена второстепенная, тем более в сравнении с ОСОАВИАХИМОМ, крепившим оборону нашей страны.

И, конечно, МОПР начинает теперь использовать в своей работе новый советский метод – соцсоревнование, да ещё на между-

народном уровне. В планах Перемышльского РК МОПР на февраль 1931 г. предусматривалась «проработка договоров на международное соревнование в ячейках МОПР» [11, л. 41]. Здесь подразумевалось соревнование с ячейками «Красной помощи» европейских стран по количественным показателям.

* * *

А пока МОПР продолжала участвовать в коллективизации советского крестьянства. Напомним, что неудачная попытка сплошной коллективизации прокатилась по стране в первой половине 1930 г., после чего была сделана пауза, и образование колхозов пошло более размеренным темпом, завершившись, в целом (на 68–70%) к 1934 году [31, с. 292–295, 307; 25, с. 236–238, 242]. Ведь до 1930/1931 гг. ячейки МОПР существовали, почти без исключения, в городах и рабочих посёлках: здесь проще было вести агитацию в существовавших коллективах – служащих учреждений и рабочих на предприятиях. Агитировать же среди крестьян-единоличников, предлагая сдать деньги на помощь «имяреку» за границу, было, безусловно, делом безнадёжным. А коллективизация проложила МОПР дорогу в деревню.

В плане Перемышльского райкома МОПР на 1931 г. предусматривалось:

«7. Завербовать вновь в члены МОПРа 500 человек колхозников, батраков, бедняков. Не менее 40% женщин из числа 500 человек...

11. При колхозах специально организовать бригады по всей работе [МОПРа] в колхозе – май, июнь.

12. В весеннюю посевную кампанию вступить всем членам [МОПРа] в колхозы и завербовать каждому члену МОПРа одного индивидуального [хозяина] в колхоз.

13. Учесть всю работу каждой яч. МОПРа по весенней посевной кампании» [11, л. 49 об.].

Спустя два года, в сентябре 1933 г., Западный обком ВКП(б) считал, что число членов МОПР, особенно в деревне, растёт недостаточно быстро и ей на помощь были направлены женсекторы при райкомах ВКП(б). В связи с приходом к власти нацистов в Германии, женсекторам предписывалось: «...МОПР должен быть в первых рядах, поэтому к организации МОПР предъявляются особо повышенные требования к усилению интернационального влияния МОПР на

колхозниц деревни. Запомком МОПР, в ознаменование шестидесятилетия Председателя Исполкома МОПР, объявляет призыв им. Стасовой в ряды МОПР и ЮДМ, и в период с 14 сентября по 14-е октября необходимо на всех проводимых конференциях колхозниц, собраниях делегатов поставить вопрос о роли женщин в оказании помощи узникам капитала с тем, чтобы в каждом колхозе, в жактах, в цехах, на предприятиях создать орг. группы по вербовке в члены МОПР и т.д.

На делегатских собраниях поставить вопрос о взятии шефства над политзаключёнными подшефных тюрем и организовать сбор шефского гривенника в пользу политзаключённых.

Принять активное участие в проведении Областного конкурса на лучшую сельскую ячейку МОПР с тем, чтобы к 14 октября иметь укрепленные ячейки в большинстве колхозов района.

Поставить вопрос перед делегатскими собраниями и работницами в целом о проведении субботников в пользу МОПРа и проработать вопрос на собрании колхозниц об отработке трудней в пользу МОПР.

В ответ на акты белого террора создать красные обозы, <нрзб.>, досрочное выполнение поставок государству с/х продукции, образцовая уборка мопровского га и т.д.

Включиться в проводимый рейд проверки работы бригад им. МОПР и поставить вопрос перед работницами и колхозницами о создании новых бригад им. Стасовой, добиться образцовой их работы не только по производственным, но и интернациональным показателям работы» [16, л. 69].

В 1934 г. полномочия МОПР в деревне были расширены. В плане Людиновского РК ВКП(б) проведения первомайских торжеств указывалось: «5. Специально разъяснить значение МОПРовской организации и принять конкретные меры к работе ячеек МОПР и к созданию новых ячеек там, где их нет, особенно в колхозах, совхозах, обратив особенно внимание на мобилизацию колхозников и единоличников на засев МОПРовских га. Поручить [Председателю РИК] тов. Табачникову разработать специальные указания по МОПРовским организациям, как по городу, а также и [по] селу, вокруг вопроса интернационального воспитания широких слоёв трудящихся» [15, л. 7]. Можно только посочувствовать колхозникам, бесплатно засеивав-

шим и убиравшим «гектары обороны» и МОПР. К слову сказать, инициатива отведения и обработки «МОПРовских гектаров» была не нова, она зародилась еще в 1924 г. в Ставропольской губернии, а в 1932 г. в пользу МОПР по стране было засеяно 4698,5 га [2, с. 52].

* * *

Тем временем, политическая обстановка в Европе обострялась. С приходом нацистов к власти в Германии, летом 1933 г. была запрещена деятельность всех политических партий, кроме НСДАП, в отношении членов Коммунистической партии Германии начались репрессии. К лету 1934 г. партийный аппарат КПГ был практически уничтожен. Часть партийного руководства (В. Пик, В. Ульбрихт и др.) были вынуждены эмигрировать, главным образом, в СССР, где было создано заграничное бюро КПГ [29, с. 129–130; 32, с. 51, 62–64]. В других европейских странах в начале 1930-х гг. также наблюдалась активизация правых партий.

Оценив ситуацию, Коминтерн на VII-м Конгрессе (лето 1935 г.) предложил европейским коммунистическим партиям сменить тактику борьбы: вместо независимых действий компартиям следовало перейти к созданию Народных фронтов, в которых объединились бы все социалистические и отчасти социал-демократические партии для борьбы с угрозой фашизма [34, с. 355–370; 33, с. 103–104].

Кстати, и в советской агитационной работе произошёл поворот на 180°, поскольку на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Коминтерн положительно оценивал деятельность оппозиционной НСДАП («социал-фашизм»), как приближающую крах буржуазного германского правительства [33, с. 92]. Забегая вперёд, отметим, что ещё один кардинальный поворот в агитации случится осенью 1939 г., после подписания пакта Молотова – Риббентропа, когда Г. Димитров назовёт истинными государствами-агрессорами Великобританию и Францию [29, с. 263–264].

А в 1936 г., после мятежа генерала Ф. Франко, началась гражданская война в Испании, где СССР поддержал свергнутое правительство социалистов, посылая военных специалистов, помогая техникой и боеприпасами, принимая беженцев – коммунистов и членов их семей.

Происходящие в Европе события, конечно, скорректировали содержание пропагандистской работы, где лекторам МОПР приходилось объяснять все эти нюансы обычным советским гражданам. Так, в инструкции Западного Обкома ВКП(б) «О проведении праздника 1-ое Мая» 1936 г. указывалось: «Райкомы партии всю массово-политическую работу должны вести под углом широкого разъяснения рабочим, колхозникам и всем трудящимся международного положения, усиления противоречий между капиталистическими странами и возросшей опасности новой войны. Особенно необходимо разъяснить подготовку военного нападения на Советский Союз в двух очагах будущей войны – фашистской Германии и Японии, мирную политику СССР и необходимость дальнейшего укрепления обороноспособности нашей родины, усиления заботы о Красной Армии» [14, л. 85].

1-й секретарь Козельского РК ВКП(б) в этом же году пенял секретарю РК МОПР на слабое ведение агитационной работы членами МОПР, в связи с испанскими событиями. – «Нет надобности доказывать, что интернациональное воспитание трудящихся является важнейшим участком массовой политической работы нашей партии. Горячий отклик на испанские события, которые мы наблюдаем среди широких масс трудящихся, является ярким свидетельством проявления чувства международной пролетарской солидарности. И, несмотря на такие волнующие события, они проходят без участия МОПРовских организаций, которые в ряде сельсоветов нашего района находятся в совершенно запущенном состоянии.

В сельсоветах, где хотя бы немного работают МОПРовские организации, их работа сводится только к сбору средств, хотя со сбором средств по взносам дело обстоит неудовлетворительно. Массовая работа проводится, как правило, только в день «Парижской коммуны», а в остальное время животрепещущий материал, которым изо дня в день пестрят наши газеты, проходит мимо МОПРовских работников незамеченным» [18, л. 193].

Все эти указания и выговоры за некачественные агитацию и пропаганду кажутся, на первый взгляд, несущественными, но активизация СССР во внешней политике требовала

немалых средств, в том числе и собираемых МОПР.

* * *

В целом, деятельность советской секции МОПР в странах Европы в середине 1930-х гг. менее активна, чем ранее, что объясняется поправлением политического климата. По наблюдению А.И. Авруса, в это время снижается количество тюрем, подшефных МОПР, соответственно, сворачивается переписка с политзаключёнными [2, с. 67, 71]. Одновременно активизируется работа с политическими иммигрантами-коммунистами, переезжавшими в СССР. Так, в 1935 г. была создана постоянная комиссия ЦК ВКП(б) по переводу в ВКП(б) членов братских компартий [28, с. 726]. Однако в ноябре 1937 г. Е.В. Стасова по указанию И.В. Сталина была снята с поста руководителя МОПР (International Red Aid), и МОПР, как международная организация, прекратила свою деятельность [35, с. 69, 72]. Примечательно, что в этом же году были упразднены ещё две дочерние организации Коминтерна – Профинтерн и Красный спортивный интернационал.

Несмотря на изменения политического климата в Европе, число членов МОПР в СССР продолжало стремительно расти: с 5.560.000 чел. в 1931 г. до 8.247.824 чел. в 1934 г.; суммы собранных средств в эти годы составили 3,5 млн руб. и 5,5 млн рублей [30, л. 2, 6]. А к 1 января 1940 г. в рядах МОПР в СССР состояло уже 10.351.395 чел. (в это число были включены и члены ЮДМ, куда вступали с 14 лет). Характерно, что число горожан-членов МОПР существенно превышало число сельских жителей: 7.535.451 и 2.815.894, соответственно [1, с. 14]. Сумма собранных в 1940 г. средств была рекордной за весь период существования МОПР – 18.056.534 рубля [30, л. 6].

Также на протяжении 1930-х гг. осуществляются меры по оптимизации состава и работы ячеек МОПР. В письме 1933 г. секретаря Западного Обкома МОПР в Песоченский РК ВКП(б) указывалось: «придерживаясь пункта 3-го решения секретариата Обкома ВКП(б), где говорится «укрепить райкомы и ячейки МОПР крепкими партийцами с зачётом этой работы, как основной парт. нагрузки», вот на этих принципах общественности и разверните сейчас работу, ибо Обком сейчас на 50% сокращает платный аппарат, рассчитывая поставить работу на общественных

началах. Опыт работы других районов, где нет платных работников, показал, что здесь работа поставлена лучше и средств поступает больше, чем в регионах с платным работником» [16, л. 244]. Действительно, если в 1931 г. число ячеек в стране достигало 72 000, то к 1934 г. оно сократилось до 70 999. Зато к 1940 г. их число удвоилось (достигнув 150 тысяч). Заметим, что их рост несопоставим с количеством членов МОПР. Примечательно, что число активистов, действительно, удалось сократить – с 600 тыс. в 1931 г. до 450 тыс. в 1934 и 1941 годах [30, л. 3, 4].

* * *

С началом Великой Отечественной войны деятельность МОПР претерпела существенные изменения. Во-первых, на оккупированной части территории СССР ячейки МОПР, естественно, прекратили свою работу. Во-вторых, все усилия народа теперь были направлены на борьбу с врагом. На это были перенацелены и организации МОПР.

Например, в мае 1943 г. Перемышльским РК ВКП(б) было получено письмо из Тульского Обкома МОПР, где описана деятельность организации в первой половине войны: «Выполняя свой долг перед родиной, организации МОПР Советского Союза в 1942 году внесли в Госбанк на постройку танковой колонны, самолётов для Красной Армии 35.884.702 рубля и дополнительно в 1943 году внесли 15 миллионов рублей, за что тов. Сталин прислал братский привет и благодарность Красной Армии трудящимся – членам МОПР Советского Союза.

В дни Великой Отечественной войны вся деятельность МОПРовских организаций подчинена интересам фронта. Районами Тульской области проведена также большая работа в помощь фронту. Например, Заокский, Ефремовский, Сафоновский, Детчинский, Алексинский и другие райкомы МОПР проводят большую работу по интернациональному воспитанию трудящихся масс и мобилизуют их на проведение всех мероприятий, направленных на оказание помощи фронту. Собраны большие суммы средств добровольных взносов, большое участие мопровцы принимают в организации и посылке подарков бойцам Красной Армии на фронт, в госпитали и т.д.». Далее работникам райкома партии рекомендовалось воссоздать структуры МОПР, собрать взносы за январь-апрель

1943 года и сообщались направления деятельности МОПР в военное время: «практическая помощь организации МОПР должна быть направлена на широкое вовлечение трудящихся в члены МОПР, выполнение финансового плана, организацию шефства ячеек МОПР над госпиталями и отправку посылок на фронт, на привлечение членов МОПР к активной политической и хозяйственной жизни района» [10, л. 34].

Здесь следует отметить, что территория Перемышльского района была освобождена РККА в декабре 1941 г., но ликвидация последствий оккупации, видимо, не оставляла времени и сил на воссоздание структуры МОПР. С другой стороны, ещё в январе 1943 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» [5, л. 8–11], т.е. МОПР предписывалось дублировать деятельность государственных органов. Кстати, в 1943 г. Коминтерн объявил о своём самороспуске, вслед за ним распался и КИМ (Коммунистический Интернационал молодежи). Таким образом, советская секция МОПР оставалась единственным «фрагментом» Коминтерна в СССР.

В ноябре 1944 г. сходные указания о деятельности МОПР рассылались в райкомы Обкомом ВКП(б) новообразованной Калужской области. – «В годы Отечественной войны организации МОПР проводят большую работу среди членов МОПР, воспитывая в них патриотизм и жгучую ненависть к фашизму, организуют членов МОПР на помощь детям-сиротам, семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны, проводят сбор подарков бойцам и командирам Красной Армии, шефствуют над госпиталями». Обком ВКП(б) рекомендовал воссоздать организации МОПР и «развернуть практическую работу в районе организациями МОПР по сбору добровольных взносов на подарки Красной Армии, для помощи детям-сиротам, семьям фронтовиков» [21, л. 16]. Однако на местах, по-прежнему, подвижек не наблюдалось. Например, в отчёте Мещовского РК ВКП(б) за 1944 г. сообщалось, что «с организациями добровольных обществ работы не велось. Организован Оргкомитет МОПР, работу которого

го ещё не развернули» [22, л. 35]. Аналогичной была ситуация и в других районах.

Тем не менее, следует отметить вклад, внесённый советской секцией МОПР в победу над врагом. На собранные ею деньги были построены 64 самолета, 105 танков, оборудованы 3 санитарных поезда, бойцам на фронт было отправлено 345 282 посылки. Организации МОПР шефствовали над 246 госпиталями, ими была оказана помощь 70 619 семьям военнослужащих [30, л. 8, 9].

* * *

С окончанием войны угасание МОПР продолжилось: по-видимому, не только простым гражданам, но и работникам райкомов партии бесполезность (или даже бессмысленность) существования подобной организации стала очевидной. Действительно, в чём теперь заключался смысл деятельности МОПР, когда не было Коминтерна, а между странами Восточной и Западной Европы опустился «железный занавес»? Тем не менее, МОПР была нужна государству как источник финансовых поступлений, и в марте 1947 г. райкомы партии получили письма из Калужского Обкома МОПР. Приведём текст письма в Юхновский РК ВКП(б): «Областной комитет МОПР просит Вас оказать помощь в оживлении работы организаций МОПРа в Вашем районе. Районный комитет МОПР Вашего района и его председатель тов. Ольховская за 1946 год не выполнили работы по вовлечению трудящихся в члены МОПР и сбору членских взносов, из 3000 руб. поступило 489 руб., с декабря 1946 г. поступление средств прекратилось.

Областной комитет МОПР просит вас в случае необходимости укрепить Райком МОПР и помочь ему в проведении собраний в существующих организациях МОПРа и создании новых организаций с тем, чтобы оживить всю работу по оказанию помощи детям-сиротам и семьям погибших защитников Родины» [20, л. 22].

Изменившаяся после Второй мировой войны обстановка в мире, а также неэффективность работы и низкая популярность МОПР среди населения привели к роспуску советской секции организации в феврале 1948 года.

Список литературы:

1. 10 лет МОПР в резолюциях и документах. 1922–1932. – М.: Издание ЦК МОПР, 1932. – 275 с.
2. Аврус, А.И. Пролетарский интернационализм в действии (Из истории Международной организации помощи борцам революции) / А.И. Аврус. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1971. – 84 с.
3. В помощь активистам МОПР. Сборник инструкций и постановлений / Отв. ред. Н.И. Юмангай. – Чебоксары: «Чувашпромполиграф», 1941 г. – 48 с.
4. Васильева, А.Н. МОПР в новейшей исторической литературе / А.Н. Васильева // Вопросы истории. – 1974 – № 5. – С. 140–146.
5. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. П-12. Оп. 1. Д. 212. Дзержинский районный комитет ВКП(б). Смоленская область. Бюро. Руководящие указания Центрального Комитета и обкома ВКП(б) по организационно-партийной и агитационно-массовой работе. 1943 г.
6. ГАДНИКО. Ф. П-1212. Оп. 1. Д. 54. Калужский Горрайком ВКП(б) г. Калуги. Резолюция бюро Горрайкома ВКП(б) о работе городского шефского общества. Протоколы городской конференции и Горрайкома МОПР. Протоколы совещаний [агитпроп]отдела. 1929–1930 гг.
7. ГАДНИКО. Ф. П-1212. Оп. 1. Д. 81. Калужский Горрайком ВКП(б) Калужского округа, г. Калуги. Агитпропотдел. Директивные материалы окружкома ВКП(б) и планы Горрайкома по массово-политической и оперативной работе. 1930 г.
8. ГАДНИКО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 11. Бабынинский райком ВКП(б) Московской области. Оргинструкторский отдел. Политико-экономическая характеристика Бабынинского района, протокол заседания Районной контрольной комиссии-РКИ и переписка райкома с партийными и советскими органами и организациями. 1931 г.
9. ГАДНИКО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 128. Сухиничский районный комитет ВКП(б). Культпропотдел. Планы агитмассовой работы и проведения празднеств. 1932 г.
10. ГАДНИКО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 691. Перемышльский районный комитет ВКП(б). Отдел пропаганды и агитации. Переписка по политмассовой работе. 1943 г.
11. ГАДНИКО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 70. Перемышльский районный комитет ВКП(б). Агитмассовый отдел. Планы работы агитмассового отдела РК ВКП(б) и проведения политмассовых кампаний. Планы оргмассовой и культмассовой работы учреждений и организаций. 1931 г.
12. ГАДНИКО. Ф. П-27. Оп. 1. Д. 167. Мосальский районный комитет ВКП(б) Западной области. Культпропотдел. Докладные записки партийных организаций и членов ВКП(б) о проведении дня Парижской коммуны. 1936 г.
13. ГАДНИКО. Ф. П-27. Оп. 1. Д. 56. Мосальский районный комитет ВКП(б). Агитмассовый отдел. Руководящие указания [Западного] обкома ВКП(б) по вопросам агитмассовой работы и отчет отдела райкома партии о состоянии массовой работы в районе. 1931–1932 гг.
14. ГАДНИКО. Ф. П-33. Оп. 3. Д. 130. Людиновский районный комитет ВКП(б). Культпропотдел. Планы культурно-массовых мероприятий и организации и проведения празднеств, материалы об обсуждении проекта Сталинской конституции. 1935–1936 гг.
15. ГАДНИКО. Ф. П-33. Оп. 3. Д. 84. Людиновский районный комитет ВКП(б). Культпропотдел. Планы проведения политико-массовых мероприятий. 1934–1935 гг.
16. ГАДНИКО. Ф. П-34. Оп. 1. Д. 69. Песоченский районный комитет ВКП(б). Агитмассовый отдел. Выписки из протоколов бюро и секретариата Западного обкома ВКП(б), директивные указания обкома, планы и переписка райкома ВКП(б) по развертыванию агитмассовой и культурно-просветительской работы. 1933 г.
17. ГАДНИКО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 149. Козельский районный комитет ВКП(б). Агитмассовый отдел. Переписка с Западным Обкомом и ячейками ВКП(б) по агитмассовой работе. 1931 г.
18. ГАДНИКО. Ф. П-37. Оп. 4. Д. 132. Козельский районный комитет ВКП(б) Западной области. Культпропотдел. Планы мероприятий и переписка по проведению политкампаний и массово-политической работы, переписка по текущим вопросам. 1936 г.

19. ГАДНИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 162. Спас-Деменский районный комитет ВКП(б) Западной области. Агитмассовый отдел. Материалы о проведении агитмассовой работы в колхозах. Анкеты и список делегатов слета колхозников-ударников, и другая переписка. 1933 г.
20. ГАДНИКО. Ф. П-53. Оп. 2. Д. 98. Юхновский райком ВКП(б). Отдел пропаганды. Директивы обкома ВКП(б). 1945–1948 гг.
21. ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 36. Калужский обком ВКП(б). Отдел пропаганды и агитации. Указания обкома ВКП(б) по проведению массово-политической и агитационно-пропагандистской работы среди населения области. 1944 г.
22. ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 37. Калужский обком ВКП(б). Отдел пропаганды и агитации. Отчеты, докладные записки и информации о работе отделов пропаганды и агитации Боровского, Дзержинского. Медынского, Перемышльского и Юхновского райкомов ВКП(б). Записка отдела о работе Износковской партийной школы и справка о состоянии политической информации населения в Детчинском районе. 1944 г.
23. Галошева, О.Н., Соколова, В.И. К вопросу о формировании и деятельности Чувашского комитета МОПРа в 1923–1928 годах / О.Н. Галошева, В.И. Соколова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 46–52.
24. Ершов, М.А. Путь МОПРа на Мурмане (К 100-летию создания Международной организации помощи борцам революции) / М.А. Ершов // Государственный архив Мурманской области: офиц. сайт. URL: <https://www.murmanarchiv.ru/exhibitions-events/34/1853> (Дата обращения: 14.03.2025 г.).
25. Калужский край в XX веке: исторические очерки / Редкол. В.Я. Филимонов, М.А. Казак, Д.Э. Миронов. – Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2014. – 416 с.
26. Краткая характеристика административно-территориального деления Калужской области за 1917–2017 гг. // Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Путеводитель. – Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2018. – С. 268–271.
27. Павликов, Н.Н. Создание и деятельность Калужского отделения МОПР в 1920-е годы: помощь узникам зарубежья / Н.Н. Павликов. – М.: [б. и.], 1994. – 20 с.
28. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Сост. Г.М. Адибеков, Ж.Г. Адибекова, Л.А. Роговая, К.К. Шириня. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.
29. Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Под ред. Я.С. Дробркина, Н.П. Комоловой. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 537 с.
30. ФГБУК «Государственный исторический музей». Коллекция Изобразительные материалы / Фотография. Инв. № ИФ ХХ 3992/11. Альбом «Деятельность МОПР СССР за 25 лет 1922–1947 гг.».
31. Филимонов, В.Я. История крестьянства западного региона России 1917–1941 / В.Я. Филимонов, Ю.В. Журов, Д.И. Будаев. – Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. – 335 с.
32. Хавкин, Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление / Б.Л. Хавкин. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – 377 с.
33. Черемухина, Т. Коминтерн в 1929–1935 годах: от единого фронта к народному. К 100-летию создания Коминтерна / Т. Черемухина // Обозреватель. – 2019. – № 12. – С. 88–111.
34. The Communist International. 1919–1943. Documents / Selected and edited by J. Degras. Vol. III. 1929–1943. – London and New York: Routledge, 1971. – Pp. XIII, 494.
35. The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949. Introduced and edited by I. Banac. – New Haven & London: Yale University Press, 2003. – Pp. XIV, 560.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГКУ ГАДНИКО), Калуга, РФ.

УДК 94(37).03

Л. В. Тарасова

**КОГНОМЕН AUGUSTA В СИСТЕМЕ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I ВЕКА Н.Э.**

В статье на основе нарративных, нумизматических и эпиграфических источников рассматривается возникновение, и эволюция имени *Augusta* в Римской империи I веке н. э. Появившись впервые как своеобразный когномен у Ливии Друзиллы, эпитет *Augusta* довольно быстро становится почетным званием и даже титулом. Автор приходит к выводу, что несмотря на отсутствие каких-либо особых полномочий, связанных с обладанием имени *Augusta*, его появление изначально у матерей правителей, а затем и у других женщин императорского дома, способствовало укреплению династических связей принцепсов и становлению единоличной власти в Риме.

Ключевые слова: Римская империя, принципат, *Augusta*, Ливия Друзилла, Антония Младшая, Мессалина, Агриппина.

L. V. Tarasova

**THE COGNOMEN AUGUSTA IN THE SYSTEM OF DYNASTIC RELATIONS
IN THE ROMAN EMPIRE OF THE 1ST CENTURY A.D.**

Based on narrative, numismatic and epigraphic sources, the article examines the origin and evolution of the name *Augusta* in the Roman Empire in the 1st century AD. Having first appeared as a kind of cognomen in Livia Drusilla, the epithet *Augusta* quickly becomes an honorary title and even a title. The author concludes that despite the absence of any special powers associated with the possession of the name *Augusta*, its appearance initially among the mothers of the rulers, and then among other women of the imperial house, contributed to the strengthening of the princeps' dynastic ties and the establishment of sole power in Rome.

Keywords: Roman Empire, principate, *Augusta*, Livia Drusilla, Antonia the Younger, Messalina, Agrippina.

Первый век новой эры стал временем трансформации власти в Риме – перехода от республиканского правления к монархии. Новая политическая система требовала иной терминологии для обозначения статуса правителя, и важнейшим из них стал когномен *Augustus*, дарованный сенатом Гаю Юлию Цезарю Октавиану, урожденному Гаю Октавию, и использовавшийся в качестве когномена почти для всех последующих императоров. После смерти Октавиана Августа появилась женская форма – *Augusta*, когда по завещанию это имя получила супруга первого принцепса – Ливия.

Значение имени *Augusta* столь же ясно, но также трудно определить, как и значение имени *Augustus*. Латинское слово *augustus* означало «возвеличенный (богами), священный, божественный», греческий аналог – *σεβαστός* – «божественный», «почтенный» [8, с. 8–9]. Как отмечает Н.А. Машкин, «эпитет "*Augustus*" не был титулом, выражением пол-

номочия» [4, с. 383]. И.Ш. Шифман полагает, что «качество священности» имени Август (обозначающего «подателя всеобщего благополучия») обретается через связь с жреческим титулом *augur* [9, с. 97–99]. А.Б. Егоров подчеркивает связь «*augustus* с *augur* и Ромулом, в легенде о котором авгурация играла особую роль» [2, с. 91], а через ассоциацию с Ромулом – отмечает исследователь – Август «выступал как второй основатель Рима» и его новое «имя приобретало явно сакральный характер» [2, с. 91]. По мнению А.Б. Егорова, *Augustus* всё же являлось именем-титулом, причём в большей степени, чем «Цезарь» [2, с. 90]. Аналогичного мнения придерживается М. Деннисон, считая *Augustus* титулом или очень политизированным прозвищем [13, р. 252–253]. Дж.А. Крук (автор второй главы в X томе Кембриджской истории древнего мира) оценивает получение Октавианом имени Августа как «фантастическое новшество», воздействие которого «трудно оценить в полной мере, по-

сколькo уже два тысячелетия мы зовем данно-го императора этим именем» [3, с. 103]. Он обращает внимание и на обширное символическое значение имени *Augustus*, в том числе на аналогию с Ромулом и гаданием авгуров при основании Рима [3, с. 103]. Термин *Augusta* в словаре античности переводится «величественная» и определяется как «сакральный титул жён римских императоров: сначала Ливии, вдовы Августа, названной так согласно его завещанию, со времен Домициана – всех жён находившихся у власти императоров» [8, с. 9].

В данной статье рассматривается появление имени *Augusta* в 14 году н.э., его эволюция и роль в трансформации политической системы Римской империи в период правления династий Юлиев–Клавдиев и Флавиев.

Основными источниками по теме исследования являются сочинения античных историков – «Анналы» и «История» Тацита, «Римская история» Кассия Диона; биографии принцев – от Августа до Домициана – Гая Светония Транквилла. Важным источником являются римские и провинциальные монеты с легендой *AVGVSTA*, представленные в первом и втором томах каталога монет Римской империи (*RIC I, RIC II*) [15, 16], а также эпиграфические свидетельства применения имени *AVGVSTA* к женщинам императорского дома, собранные в Корпусе латинских надписей (*Corpus Inscriptionum Latinarum – CIL*).

Итак, Ливия получила имя Августа по завещанию Октавиана Августа. Также по завещанию она была принята в род Юлиев как дочь Октавиана, то есть была усыновлена супругом (*Tac. Ann. I. 8.1-2*). Э. Барретт выделяет два этапа в изменении статуса Ливии после смерти супруга, и первым шагом было именно включение Ливии в род Юлиев через усыновление [10, р. 150].

Чем руководствовался Август, удочеряя свою жену? Возможно, у него могло быть несколько соображений. С самого начала принципата Октавиан Август хотел, чтобы его преемником стал кто-то из его родственников – из *domi Augusti* [10, р. 150]. Его самого усыновил по завещанию Гай Юлий Цезарь (*Suet. Div. Aug. 7.2*), что позволило Октавиану получить большую часть наследства приёмного отца, в том числе политические бонусы в виде поддержки ветеранов Цезаря (*App. B. c. III, 12*). [6, с. 107].

Цезарь принадлежал к знаменитой патрицианской семье Юлиев, представители которой играли важную роль в политической истории Рима. – Когда Цезарь в 69 г. до н.э. произносил надгробную речь на похоронах своей тети Юлии, он с гордостью напомнил своим слушателям, что «род... Юлиев, к которому принадлежит моя семья, идёт от Венеры» (*Suet. Div. Jul. 6. 1*; здесь и далее перевод М.Л. Гаспарова). Вергилий превратил это семейное предание в национальный миф в своей эпической поэме «Энеида», «начатой по совету Августа» [5, с.41]. В поэме боги предсказывают будущее величие Рима, в том числе славное правление Августа (*Verg. Aen. I. 254–296*). И «высокое предназначение Рима было предопределено постоянным вниманием олимпийских богов, от которых происходили его основатели» [5, с. 472], в частности Эней был сыном Афродиты (Венеры) и отцом основателя династии рода Юлиев – Юла. Особое внимание, которое Август уделял этой легендарной родословной, позже проявилось в оформлении Форума Августа. Как отмечал Овидий, его центральное сооружение – храм Марса Мстителя (*Mars Ultor*) возвышался над статуей Энея (несущего своего отца Анхиза), окруженной предками дома Юлиев (*Ovid. Fast. 5.563–64; Dio LV. 10. 6*).

Когда у Августа не осталось достойных наследников по крови, он 4 году н.э. усыновил сына Ливии от предыдущего брака – Тиберия, включив его в род Юлиев (*Suet. Tib. 15*). А с принятием Ливии в дом Юлиев, Тиберий смог претендовать на происхождение от Юлиев уже со стороны обеих родителей, и его право на политическое наследство Октавиана Августа опиралось на более прочные основы. И, таким образом, как считает Э. Барретт, усыновление Ливии отнюдь не отодвинуло Тиберия в тень, а скорее укрепило его позицию как преемника первого принцепса [10, р. 150–151]. Тацит, при всём своём негативном отношении к Ливии отмечает, что Тиберий «был обязан ей своим положением» (*Tac. Ann. IV. 57.4*; здесь и далее перевод А.С. Бобовича).

Принятие Ливии в род Юлиев отразилось не только на её сыне, но на и на самой Ливии и, возможно, было направлено главным образом на то, чтобы создать благоприятные условия для другого, не менее драматичного и далеко идущего шага Августа – присвоения ей имени *Augusta* (*Tac. Ann. I. 8.1-2*). М.Б. Флори метко заметила, что если бы император даро-

вал ей новое имя без изменения её рода, это означало бы, что титул Августа мог перейти к человеку из любой семьи [14, p. 113, 117]. Э. Барретт рассматривает усыновление как попытку Августа после своей смерти предоставить Ливии то, в чем он отказывал ей при жизни, форму институционального статуса [10, p. 148].

О даровании Ливии имени Августы свидетельствуют не только античные авторы. – На аверсе сестерциев из Рима 22–23 годов изображена повозка (карпентум), запряжённая мулами с легендой *S.P.Q.R. / IVLIAE AVGVST. (RIC I 50–51 (Tiberius))* [15, p. 96–97, pl. 12], а на консекрационных дупондиях Клавдия 41–42 годов в честь Божественного Августа и Божественной Ливии на реверсе мы видим Ливию на троне и надпись *DIVA AVGVSTA (RIC I 101 (Claudius))* [15, p. 128]. Одно из самых ранних эпиграфических свидетельств о Юлии Августе (*Iulia[e] Augustae*), датированное 11 января 21 года, мы находим в «Актах Арвальских братьев» (*CIL 6.32340.17*).

Вопрос о том, насколько новый статус Ливии давал ей реальные возможности участвовать в управлении государством является дискуссионным (см. обзор мнений у Э. Баррет) [10, p. 152–154], но, несомненно, что превращение Ливии Друзиллы в Юлию Августу стало знаменательным событием, запустившим процесс предоставления супруге-дочери Августа новых титулов и привилегий. Так, после смерти и обожествления Октавиана Августа Ливия становится «дочерью божественного Августа» (*divi Augusti filia*), что невозможно было бы без процедуры *adoptatio* (*Tac. Ann. I, 8; Suet. Aug. 101; Dio Cass LVI. 30.1*). Р. Бауман считает, что статус *divi Augusti filia* ставил Ливию в один ряд с Тиберием [11, с. 131].

Обожествление Августа привело к созданию нового культа *divus Augustus*, жрицей которого стала Юлия Августа (*Tac. Ann. I. 8.1; Cass. Dio LXVI. 46.1–2*). Возможно, она получила привилегию сопровождаться ликтором [12, p. 31]. Кассий Дион связывает эту привилегию Ливии–Юлии с её новым положением жрицы *divus Augustus*, сообщая, что она могла сопровождаться ликтором при исполнении своих священных обязанностей (*LXVI. 46.2*), но Тацит сообщает в Анналах, что Тиберий фактически отказался разрешить сенату назначить ликтора для Ливии (*Tac. Ann. I. 14.3*).

Сенаторы предлагали предоставить новообретённой дочери Октавиана Августа и другие почести. Как сообщает Тацит, «одни полагали, что её следует именовать родительницей, другие – матерью отечества, многие, что к имени Цезарь нужно добавить – сын Юлии» (*Ann. I. 14.2*). Но Тиберий наложил вето на эти и подобные предложения, полагая, что «возвеличивание матери умаляет его значение» (*Tac. Ann. I. 14.3*). Он, в частности запретил возводить жертвенник Удочерения, который предлагали воздвигнуть в память об удочерении Августа Ливии (*Tac. Ann. I. 14.3*). Тиберий, возможно, осознавал значимость этого события, но хотел уменьшить его значение, или, по крайней мере, избежать дополнительной памяти о нём. Тиберий отверг и предложение о добавлении в его титулатуру *Iuliae filius*, что лишней раз напоминало бы о принадлежности его матери к божественному роду Юлиев, и, кроме того, имело матриархальный подтекст во взаимоотношениях его с матерью.

После смерти Ливии в 29 году, когномен *Augusta* на политической арене Рима появляется только в 37 году, когда его получила Антония Младшая. Светоний сообщает, что Калигула, став принцем после смерти Тиберия, «предоставил свое бабке все те почести, которые когда-либо получила Ливия Августа» (*Suet. Calig. 15.2*), а Кассий Дион уточняет список привилегий: «провозгласил Августой и жрицей Августа, предоставив ей все привилегии, положенные весталкам» (*Cass. Dio LIX.3.4, перевод А.В. Махлаюка*). Однако тот же Светоний пишет, что Антония отказалась от имени Августы (*Suet. Claud. 11.2*). Ситуация не вполне ясная. С одной стороны, в календаре римских магистратов из Остии (*Fasti Ostienses*), зафиксировавшем её смерть 1 мая 37 г., она упоминается просто как Антония [1, с. 131]. Но уже 31 января 38 г. в день её рождения, согласно Арвальским хроникам, было совершено жертвоприношение в честь Антонии Августы [1, с. 128]. Имя *Antonia Augusta* подтверждается и фрагментарной надписью из Коринфа, обычно датированной 37 годом (*Коринф 8.2.17*). Кроме того, Августой / Севастой называют Антонию монеты Коринфа (*RPC 1176–77*) и Фессалоник (*RPC 1573–74*) времени правления Калигулы [10, p. 324–325].

Если Антония отказалась от титула при жизни, Калигула мог даровать его после её

смерти (хотя Кассий Дион подразумевает, что они были предоставлены в начале). Зачем Калигула дал имя Августы и другие привилегии своей бабушке? Если говорить о статусе Калигулы и его претензиях на наследство Тиберия, то, с одной стороны, его положение было весьма прочным. – Гай Юлий Цезарь Германик (Калигула) по крови принадлежал к роду Юлиев (был правнуком Октавиана Августа и внуком его единственного родного ребёнка – Юлии Старшей), и по завещанию Тиберия являлся его преемником наравне с малолетним внуком Тиберия – Тиберием Гемеллом [1, с. 87–88]. Но становление монархии с её передачей власти по наследству ещё только началось, и поэтому первым принципсам необходимо было укреплять свой авторитет и власть реальными делами. Предоставление Антонии имени *Augusta* и других привилегий следует рассматривать в русле благочестивой политики Калигулы по почитанию своих предков и родственников. Так, Калигула перевёз в Рим прах своей матери Агриппины и брата Нерона Германика и захоронил их останки в мавзолее Августа, а другому брату – Друзу Германику – он воздвиг кенотаф (*Suet. Calig. 15.1*). Это была демонстрация тесной связи с семьёй, прежде всего с родом Юлиев. Как отмечает Кассий Дион, даже произнесение надгробной речи на похоронах Тиберия было для Калигулы очередным поводом напомнить об Октавиане Августе и себе (*Dio Cass. LIX. 3.8*).

Антония Младшая была единственной живой прародительницей Калигулы (матерью его отца), и, к тому же пользовалась большим уважением в римском обществе (дата её смерти была увековечена в государственном календаре) [1, с. 129], поэтому Калигула предоставил ей максимально возможные для женщины почести (в том числе имя Августы), до этого имевшиеся только у супруги-дочери первого принципса – Юлии Августы. Через почитание Антонии Калигула подчёркивал свою связь с Октавианом Августом и отцовской линии, ибо Антония, хотя и не принадлежала в роду Юлиев, являлась родной племянницей Августа. Кроме того, дарование Антонии имени *Augusta* не представляло угрозы власти Калигулы, так как к 37 году она была весьма пожилой женщиной. И, действительно, Антония умерла на 74 году жизни через полтора месяца после начала принципата Калигулы (*Suet. Calig. 23.2*).

Ещё раз, но уже посмертно, Антония Младшая получает имя *Augusta* в 41 году от своего сына Клавдия (*Suet. Calig. 15.2; Claud. 11.2; Dio Cass LIX. 3.4*). На аверсах ауреусов, денариев и дупондиев из Рима 41–45 годов можно видеть бюст Антонии с легендой *ANTONIA AVGVSTA (RIC I 65, 66 (Claudius))* [15, р. 124]. Повторное дарование имени было вызвано тем, что Антония отказалась от него в 37 году (*Suet. Claud. 11.2*), либо тем, что Клавдий отменил все распоряжения Калигулы (*Suet. Claud. 11.3*) и подтвердил почётное имя Антонии как акт благочестия сына по отношению к своей матери. Возвеличивая мать, принцепс сам становился более значимой фигурой. Многие мероприятия Клавдия символизировали близость к Октавиану Августу и подчеркивали связь между родами Юлиев и Клавдиев. – Так, он «провёл в сенате постановление о том, чтобы его бабке Ливии были оказаны божеские почести» (*Suet. Claud. 11.2*), посвятил алтарь Августову Благочестию, на монетах помещал изображения своего брата Германика, формально считавшегося «сыном Тиберия Августа и внуком Божественного Августа» [3, с. 274].

Большим событием для Клавдия было рождение в феврале 41 года сына – Тиберия Клавдия Цезаря Германика (Британника) (*Suet. Claud. 27.2*). Принцепс, в знак благодарности, предоставил своей третьей жене Мессалине ряд почестей: официально праздновался день её рождения, в общественных местах воздвигнуты статуи Месаллины, а после британской кампании ей были дарованы привилегии – обеими ранее пользовалась Ливия – передвигаться по Риму в крытой двуколке и занимать особые места в театре (*Dio Cass LX. 22.2*). Но это было всё, на что пошёл Клавдий. Примечательно, что он отказался предоставить Мессалине имя Августы, предложенный сенатом после рождения Британника (*Dio Cass LX. 12.5*). Р. Бауман считает, что предложение сената дать Мессалине почётное имя, который до сих пор давался так редко, является показателем её большого влияния на политическую жизнь Рима [11, р. 169]. Клавдий, несомненно, чувствовал, что такая награда вышла бы за рамки чествования её просто как его супруги и позволило бы занять Мессалине нехарактерное для римской традиции положение, ведь ранее Августами становились матери (или бабушка) правящих принципсов. Но на нескольких монетах провинциальной че-

канки Мессалина упоминается с именем Августа. Так, на недатированной серебряной дидрахме из Каппадокии присутствует легенда *MESSALLINA AVGVSTA (RIC I 124 (Claudius))* [15, p. 131–132, pl. 17], на монетах из Синопы она названа Августой (*RPC 2130*), а на монетах из Никеи (*RPC 2033–34, 2038*) и Никодимии (*RPC 2074*) Севастой [10, p. 323].

Впервые когномен Августа как жена правящего принцепса получила Агриппина Младшая. Она была правнучкой Октавиана Августа по женской линии, и осознала, что как представительница рода Юлиев может быть для Клавдия важным политическим активом. В 49 году Агриппина вышла замуж за Клавдия (для обеих это был четвёртый брак), уговорила принцепса усыновить своего сына от первого брака Луция Домиция Агенобарба (Нерона), признать его наследником. Именно тогда, как пишет Тацит, «возвеличивается и Агриппина титулом Августа» (*Tac. Ann. XII. 26.1; Dio Cass LX. 33.2*). На наш взгляд то обстоятельство, что дарование Агриппине имени Августы последовало за признанием Нерона наследником Клавдия, является ключевым. – Агриппина получала почётное имя не только как жена настоящего принцепса, но, прежде всего, как мать будущего принцепса, что частично соответствовало предшествующей традиции.

С тех пор официальным именем Агриппины на монетах и надписях было *Iulia Augusta Agrippina*, изменение, имевшее большое символическое значение. Повышение статуса Агриппины нашло отражение в монетной чеканке: впервые портреты принцепса и его супруги появляются на одной монете. Так, на ауреусах и денариях 50–54 годов из Рима на аверсе изображён бюст Клавдия, а на реверсе – бюст Агриппины с легендой *AGRIPPINAE AVGVSTAE (RIC I 80–81 (Claudius))* [15, p. 126], аналогичные изображения присутствуют на серебряном кистофоре из Эфеса, датированном 50 или 51 годом, с надписью *AGRIPPINA AVGVSTA CAESARIS AVG. (RIC I 117 (Claudius))* [15, p. 130]. На аверсе другого эфесского кистофора мы видим парные головы Клавдия и Агриппины в профиль влево с легендой *TI. CLAVD. CAES. AVG. AGRIPP. AVGVSTA (RIC I 119 (Claudius))* [15, p. 130].

Таким образом, на монетах Агриппина и Клавдий были уподоблены Августе и Августу, и выступают почти как соправители. По край-

ней мере, четвёртая жена Клавдия претендовала на такую роль. Как отмечает Тацит, «сама Агриппина не упускала возможности показать, что она правит вместе с супругом, разделяя добытую её предками власть» (*Ann. XII. 37.6*).

После Агриппины дарование когномена *Augusta* не считалось революционным актом. Поппея Сабина, вторая жена Нерона, стала Августой, родив в январе 63 г. дочь Клавдию, которая тоже получила этот когномен (*Tac. Ann. 15.23; ILS 234*). Если быть точным, то дочери, по сообщению Тацита, имя *Augusta* было даровано раньше супруги: «у Нерона родилась дочь от Поппеи; восприняв это с чрезвычайной радостью, он назвал её Августой, присвоив то же наименование и Поппее» (*Ann. XV. 23*). Первая жена Нерона – Клавдия Октавия, и третья – Статилия Мессалина, не были удостоены имени *Augusta*, так как, следуя логике дарования когномена, детей от Нерона у них не было (*Suet. Nero 35*).

Во время гражданской войны в Риме (68–69 гг.), начавшейся после убийства Нерона, из трёх императоров только Авл Вителлий успел назвать Августой свою мать Секстилию (*Tac. Hist. II. 89.2*). Веспасиан, основатель династии Флавиев, не принадлежал к римской аристократии. Сам он принял имя Августа (даже вопреки воле сената), но на протяжении его десятилетнего правления ни одна женщина не была удостоена когномена *Augusta*. Правда, к моменту начала принципата Веспасиана, его мать, жена и дочь уже умерли. Став принцепсом, сын Веспасиана Тит посмертно даровал имя *Augusta* своей матери Флавии Домицилле Старшей, о чем свидетельствуют два варианта дупондиев из Рима 80–81 годов. В первой версии на реверсе помещён драпированный бюст Флавии Домицилы с легендой *DIVA DOMITILLA AVGVSTA*, а на аверсе – голова её супруга с надписью *DIVVS AVGVSTVS VESPASIANVS (RIC II 69 (Titus))* [16, p. 124], в другом варианте бюст Флавии Домицилы с легендой *DIVA DOMITILLA AVGVSTA* расположен на аверсе, реверсы разные (*RIC II 70, 71, 72, 73 (Titus)*) [16, p. 124]. Выпускались и ауреусы с первым типом (*RIC II 69 (Titus)*) [16, p. 124].

Кроме того, судя по недатированным денариям и дупондиям 80–81 годов, когномена *Augusta* была удостоена Юлия – дочь Тита от второго брака с очень знатной римлянкой Марцией Фурнилой (*Suet. Tit. 4*). – На авер-

сах денариев и дупондиев изображены драпированные бюсты Юлии Флавии с надписями *IVLIA AVGVSTA T. AVG. F.* (*RIC II 54, 55a, 177, 177a (Titus)*) [16, p. 122, 139] или *IVLIA IMP. T. AVG. F. AVGVSTA* (*RIC II 57, 58, 178–180 (Titus)*) [16, p. 122, 140, pl. III]. При Домициане, бывшем не только братом, но и любовником Юлии (*Dio Cass LXVII, 3.2; Suet. Domit. 22*), чеканились ауреусы и денарии, на которых в разных сочетаниях встречается легенда *IVLIA AVGVSTA* (*RIC II 216–220 (Domician)*) [16, p. 181, pl. IV].

Третий – и последний принцепс из династии Флавиев – Домициан даровал имя *Augusta* своей супруге Домиции Лонгине (*Suet. Domit. 3*), на что она имела полное право, согласно сложившейся традиции. – К началу царствования Домициана был ещё жив их сын, родившийся в 73 году (*Suet. Domit. 3.1*), и, кроме того, по материнской линии Домиция была прямым потомком Октавиана Августа (*Dio Cass LXVI. 3.4*). На ауреусах, денариях, сестерциях и дупондия из Рима 82–83 годов и позже мы видим бюст Домиции и разнообразные легенды, частью которых является надпись *DOMITIA AVGVSTA* (*RIC II 210–215, 440–443 (Domician)*) [16, p. 179–180, 209,

pl. V). На нескольких ауреусах и дупондиях из Рима, дупондиях из Эфеса принцепс и его супруга предстают как Август и Августа – Домициан на аверсе, Домиция на реверсе (*RIC II 210, 211, 228, 229 (Domician)*) [16, p. 179, 182, pl. V].

После падения династии Флавиев (96 г.) имя *Augusta*, изначально предназначенное для матери принцепса или его наследника, становится обычным когноменом матерей, жён, дочерей, изредка – сестёр императоров. – На протяжении I века когномен *Augusta* из почётного имени трансформируется в титул, отличающий женскую половину семьи принцепса от иных представителей элиты римского общества. Этот процесс, с одной стороны способствовал становлению единоличной власти в Риме, с другой – был своеобразным и весьма ярким символом перестройки политической системы от республики к монархии. И хотя имя *Augusta* не давало формальных полномочий, оно повышало статус его носителей, связывая их с Октавианом Августом – первым принцепсом и основателем Римской империи, чьё имя в последующие эпохи стало нарицательным для обозначения царских особ.

Список литературы:

1. Баррет, Э. Калигула / Пер. с англ. С. Володиной / Э. Баррет. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999. – 432 с.
2. Егоров, А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата / А.Б. Егоров. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 222 с.
3. Кембриджская история древнего мира. Т. X. Империя Августа 43 г. до и. э. – 69 г. и. э.: в 2 полутомах / Под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотга; перев. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания О.В. Любимовой, С.Э. Таривердиевой. – М.: Ладомир, 2018. – Первый полутом. – 736 с.
4. Машкин, Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н.А. Машкин. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 686 с.
5. Межеричкий, Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа / Я.Ю. Межеричкий. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.
6. Парфёнов, В.Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана / В.Н. Парфёнов // Античный мир и археология. – Вып. 4. Саратов, 1979. – С. 105–122.
7. Портнягина, И.П. Ливия Друзилла – первая римская «императрица» / И.П. Портнягина // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2011. – Выпуск 10. – С. 273–292.
8. Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, И. Йоне; пер. с нем.– М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
9. Шифман, И.Ш. Цезарь Август / И.Ш. Шифман. – Л.: Наука, 1990. – 200 с.
10. Barrett A.A. Livia: First Lady of Imperial Rome. – New Haven & London: Yale University Press, 2002. – Pp. xix+425.
11. Bauman R.A. Women and Politics in Ancient Rome. – London and New York: Routledge, 1994. – Pp. xvi+294.
12. Boatwright M.T. Imperial Women of Rome. Power, Gender, Context. – Oxford, UK and New York, NY: Oxford University Press, 2021. – Pp. xvi+382.

13. Dennison M. *Livia, Empress of Rome. A Biography.* – New York: St. Martin's Press, 2010. – Pp. 343.
14. Flory M.B. The Meaning of *Augusta* in the Julio-Claudian Period // *American Journal of Ancient History.* – 1997. – 13(2). – P. 113–138.
15. *The Roman Imperial Coinage. Vol. I. Revised Edition. From 31 BC to 69 AD /* By C.H.V. Sutherland. – London: Spink & Son Limited, 1984. – Pp. xxii+304, 32 plates.
16. *The Roman Imperial Coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian /* By H. Mattingly, M.A. – London: Spink & Son, 1926. – Pp. xviii+568, 16 plates.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94 (47).084

*И. Ф. Шелудяков**Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И. Б. Белова***ДЕЛОВАЯ ЖИЗНЬ КОММЕРСАНТА П. С. РАКОВА**

В статье представлен очерк жизни и коммерческой деятельности потомственного калужского купца Петра Степановича Ракова. Автор обращает внимание как на личностные качества коммерсанта-торговца начала XX в., которые позволили ему занять достойное место в общественной жизни города Калуги, так и на профессиональные заслуги, обеспечившие П.С. Ракову, несмотря на испытания и трудности, постоянный рост и успех. Рассмотрение пути мецената, благотворителя, торгового деятеля, сопряжённого с историческими событиями, позволило автору на примере жизни одного человека проследить взаимосвязь личности и истории, судьбы человека и государства.

Ключевые слова: П.С. Раков; Калуга; коммерческая деятельность; оптовая торговля; благотворительность; товарищество; новая экономическая политика.

*I. F. Sheludyakov**Supervisor of studies – Doctor of Historical Sciences, professor I. B. Belova***THE BUSINESS LIFE OF BUSINESSMAN P. S. RAKOV**

This article presents an essay on the life and business activities of Pyotr Stepanovich Rakov, a hereditary Kaluga merchant. The author highlights both the personal qualities of this early 20th-century merchant that enabled him to occupy a prominent place in Kaluga's public life, as well as the professional achievements that ensured P.S. Rakov, continued growth and success despite trials and hardships. By examining the path of a patron of the arts, philanthropist, and merchant, intertwined with historical events, the author explores the connection between personality and history, the fate of the individual and the state, through the life of one man.

Keywords: P.S. Rakov; Kaluga; commercial activity; wholesale trade; charity; partnership; new economic policy.

Потомственный купец Пётр Степанович Раков (1868–1943 гг.) родился в 1868 г. на Облупской улице (ныне – ул. Театральная) в семье торговца средней руки в г. Калуге. Больших капиталов он не унаследовал, зато получил опыт работы в торговле, благодаря отцу, с молодых лет ведя торговые дела. Успешно окончил Калужское уездное училище, отслужил 4 года в Русской Императорской армии, а после демобилизации женился на Надежде Васильевне Завериной, дочери богатого калужского купца-хлеботорговца Василия Максимовича Заверина (1845–1908 гг.).

В 1894 г. Пётр Степанович начал заниматься торговлей. Именно он, по мнению известного калужского краеведа Г.М. Морозовой, являлся в начале XX в. одним из самых крупных торговцев Калужской губернии, нажившим своими трудами большое состояние и построившим в стиле модерн торговый

дом в центре Калуги, «появляющийся украшение города» [8, с. 7].

Предположительно в начале его профессионального пути поддержал его зять – Иван Родионович Комаров, возглавлявший ссудо-сберегательное кредитное товарищество. Однако именно самостоятельность, практичность и упорство в достижении цели привели П. С. Ракова к тому, что уже к 30 годам он был избран гласным Городской думы и членом раскладочного по промысловым налогам присутствия, а позже вошёл в торгово-промышленный комитет при Государственном банке.

П.С. Ракова отличали большой природный ум, жизненная энергия, мудрость, широта души, готовность прийти на помощь ближнему в трудные времена, отсюда его успешная коммерческая и общественная деятельность [9]. В своей коммерческой деятельности он делал упор на оптовую торговлю: через Москву в «раковские» магазины

поступали товары самого широкого ассортимента. Изучив спрос товаров, производящихся в Калуге, он поставлял в город всё, от продуктов питания до канцелярских товаров. Парфюмерию при этом он получал из Западной Европы. Пётр Степанович являлся активным участником Нижегородской ярмарки, диктовавшей цены на российском рынке.

Благотворительная деятельность занимала большую часть времени коммерсанта. Он был активным членом попечительского совета Работного дома, открытого в 1895 г. и представлявшего собой объединение ночлежного дома и бюро по трудоустройству. Работный дом принимал бездомных и безработных, регулярно становился местом проведения выставок кустарных промыслов и плодов сельского хозяйства. На его базе, благодаря Ракову, была открыта столярная мастерская. Ремёсла были поставлены на такую высоту, что, несмотря на постоянно меняющийся состав призываемых, Работный дом успешно конкурировал с лучшими частными мастерскими. Так, во время Первой мировой войны Работный дом изготовил для нужд армии сапог и другой обуви на сумму 76 116 руб. [2, с. 370]. Можно представить, как много вложений, внимания и времени требовало сопровождение такого учреждения от П.С. Ракова. За благотворительную деятельность он был представлен к серебряной медали [8, с. 7].

Во время Первой мировой войны, продолжая покровительствовать Работному дому, П.С. Раков работал в местном Комитете по оказанию помощи семьям воинов, поддерживал больных и раненых военнослужащих, председательствовал в Комитете по назначению пособий семьям нижних чинов, призванных на войну, оказывал материальную помощь бедным учащимся Калужского городского училища братьев Малютиных и ремесленному отделению при нём [8, с. 7].

Отречение императора Николая II от престола и образование Временного правительства повлекли за собой смещение с постов чинов полиции, почтово-телеграфной службы, государственных чиновников. В это время в Общественный исполнительный комитет – новый орган губернской власти, вошёл и П.С. Раков как представитель партии кадетов [12]. Новое назначение принесло за собой новые волнения и проблемы. Только что назначенная власть не смогла справиться

с разгулом и самосудом местных солдат – милиции. 18 октября 1917 г. Калуга в составе Минского Военного округа оказалась на военном положении, однако даже такие меры не привели к соблюдению воинской дисциплины. Только снятые с фронта боевые части смогли на время остановить калужских гарнизонников и взять в плен председателя Совета солдатских депутатов [12].

Октябрьские события 1917 г. вновь привели к смене власти. Однако процесс утверждения большевистской власти в губернии растянулся до конца декабря 1917 г.

I Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов избрал 16–21 января 1918 г. в Калуге исполнительный комитет. Интересно отметить, что Президиум исполнительного комитета стал одновременно и Президиумом губернского Совета народных комиссаров (СНК) Калужской советской республики. СНК был упразднён в июле 1918 г. вместе с наименованием Калужской губернии республикой [3, с. 129, 131]. А пока Губернский комиссар Военно-Революционного комитета, он же и председатель СНК Пётр Янович Витолин упразднил ранее действовавшие органы власти. Первое же заседание нового правительства приняло решение о необходимости выделения кредитов для установившейся власти. Источником финансирования становились купцы и коммерсанты, которые были обязаны к 1 февраля 1918 г. представить 100 тысяч наличными: «...постановлено обложить именитое калужское купечество и финансовых тузов Калуги в следующем порядке:

<...> Раков 25 т[ысяч] р[ублей]

<...> Лица, отказавшиеся от внесения назначенной суммы, будут немедленно арестованы и отправлены в Кронштадт, а имущество конфисковано» (Из Декрета Калужского СНК, опубликовано в «Калужской Правде» от 28 января 1918 г. (№ 21) [4]).

Спустя время, в периодической печати появилась заметка командующего войсками Калужской Советской республики П.Д. Скорбача: «По постановлению Калужского Советского Военно-Революционного Штаба сегодня ночью были арестованы часть именитых граждан гор. Калуги, обложенных и не внесших требуемую сумму. Также сегодня и дальше будут арестовываться и препровождаться в Кронштадт все те, кто не внесут назначенную им сумму до 7 марта сего года.

С арестованными и их имуществом за обслуживание будет поступлено по всей строгости закона военного времени» [1].

После объявления осенью 1918 г. «красного террора» в калужской тюрьме оказались «заложники буржуазии». С «буржуазии» власть требовала контрибуцию и другие революционные налоги. По декрету ВЦИК и СНК от 30 октября 1918 г. «О единовременном, чрезвычайном десяти миллиардном налоге на имущие группы городского и сельского населения» с Калужской губернии причиталось 100 млн руб. к 15 декабря 1918 г. [3, с. 130]. Арестовывают и П.С. Ракова. С ним вместе в тюрьме оказываются известные калужские общественные деятели и педагоги С.В. Щербаков, Ф.М. Шахмагонов, С.П. Фёдоров. В 1919 г. к заключённым присоединился предприниматель Н.М. Фишер [10, с. 32]. Именно тогда, скорее всего, была заложена основа для сотрудничества между ним и П.С. Раковым. Всех выпустили 20 октября 1919 г. [5].

После завершения Гражданской войны власть осознала необходимость восстановления хозяйства, для чего потребовался исчезнувший ранее внутренний рынок и товарооборот между городом и деревней. Так развернула в 1921 г. свою деятельность новая экономическая политика, позволившая предпринимателям вновь заявить о себе.

После освобождения П.С. Раков пытался поладить с новой властью: отдал свой магазин государству и начал работать в нём приказчиком. Дом, в котором располагался магазин, был построен в 1909 (в других источниках в 1908) г. и отличался особой пышностью. Таких богатых домов в Калуге в то время было всего два: у купца Домогацкого, и у Ракова. Торговый дом вмещал в себя залы для торговли и подсобные помещения, просторные жилые комнаты и вместительный зал, в котором периодически до 1917 г. проводились заседания представителей Городской думы [6].

Работал приказчиком Пётр Степанович недолго. Уже в том же, 1919 г., совместно с бывшими купцами братьями Фишерами, Б.Я. Лобовым, М.М. Липецом арендовал в Калуге торговое помещение и склад, где стали торговать мылом, колёсной мазью, колониальными товарами, другими продуктами питания. Торговый оборот в 1922 г. составил 5 663 632 рубля 42 копейки. За время аренды

завода так называемым товариществом Фишера было налажено производство фруктовых вод (рост производства от 9 009 бутылок в 1/20 ведра и 1 966 в 1/40 ведра в марте 1922 г. до 10 218/20 и 920/40 в сентябре того же года), кваса, мыла, колёсной мази, подготовлено производство пива [10, с. 38].

Кстати, успех П.С. Ракова в предпринимательстве обусловил повышение его репутации и в общественной деятельности. В августе 1922 г. он являлся председателем заседания Калужской Губернской плановой Комиссии экономического совета и отвечал за контроль текущих проектов и дел [11].

Рост производства в товариществе, исправная выплата арендной платы и налогов обусловили необходимость обновления оборудования, возрождение пивоварения. Но планам не суждено было исполниться: 24 ноября 1923 г., согласно постановлению Калужской налоговой комиссии по уравнительному сбору, сумма налога была удвоена, а установление торгового оборота в 24 млн, а не в 8 325 445 повлекло за собой увеличение арендной платы в 3 раза. Возражения арендаторов были отклонены: члены комиссии калужского УФО предположили, что развитие производства связано с тем, что в наличии у предпринимателей имеются большие деньги. Как следствие – отказ от аренды и передача заводов арендатору Янkelю в 1924 г. [10, с. 38].

Распад товарищества заставил П.С. Ракова начать индивидуальную предпринимательскую деятельность. В фондах Калужского объединённого музея-заповедника (далее – КОМЗ) хранится официальная бумага, гласящая: «П.С. Ракову. По произведённому инспекцией обследований Губернский отдел труда разрешает Вам открытие торгового предприятия оптовыми, мучными и бакалейными товарами в помещении по ул. Троцкого, дом № 36. Завгуботделтруда Сурнин» [12].

Так начался новый этап коммерческой деятельности П.С. Ракова. 11 работников, старший сын Владимир, зять Борис Яковлевич Лобов стали частью «раковского» магазина. В фондах КОМЗ сохранилась переписка коммерсанта с руководителями перерабатывающих заводов и фабрик Калуги, других городов России, советскими госчиновниками, торговыми агентами, мелкооптовыми базами, владельцами торговых лавок; квитанции об уплате налогов, повестки, акты проверок.

Они позволяют увидеть, как складывались дела П. С. Ракова с 1925 по 1929 гг. [7].

С внедрением новой экономической политики он успешно вошёл в круг людей (вместе с Игнациусом, Саломатниковым, Липецом), заключавших договора с Губсовнархозом на поставку продовольственных товаров, разъезжавших в Сибирь и Украину за солёным говяжьим мясом, свиным салом, таранкой, воблой, мукой в количестве тысячи пудов [8, с. 7]. Из Москвы он получал олифу и тёртые белила, Рязань и юг России поставляли ему сахар, патоку, крахмал, растительное масло, жмых. Из Одессы приходила парфюмерия и арахис. Деятельный и неравнодушный, Пётр Степанович учился применять свою энергию в новом мире. Однако кризис новой экономической политики привёл к возобновлению борьбы с «классовыми врагами».

Согласно письму налогового инспектора Елисеева от 3 июня 1928 г., Пётру Степановичу Ракову было необходимо предоставить данные о потраченной в период с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 г. сумме на покупку товаров. Это был первый признак бу-

дущего краха коммерсанта. За письмом последовали срочные запросы, рост налогов, повестка, которая предписывала, согласно постановлению Калужского горисполкома от 31 мая 1929 г.) явиться во 2 отделение милиции г. Калуги с имеющимися транспортом (лошадьми и учётными карточками к ним), снятие телефона [12].

Так начинался новый виток репрессий, направленный на целые семьи. Коммерсант П.С. Раков, его супруга Надежда Васильевна и старшая дочь Варвара были сосланы на поселение в Архангельскую область. Благодаря собственному предпринимательскому опыту и полученному до 1917 г. образованию бухгалтера его старшей дочерью, семья смогла выжить. П.С. Раков прожил там около десяти лет [8, с. 7]. Умер Пётр Степанович на 74-м году жизни, в период Великой Отечественной войны (в 1943 г.). Однако, несмотря на перипетии судьбы и лишения, этот неутомимый работающий человек говорил: «А всё-таки это общество более справедливо устроено. Оно даёт всем одинаковую возможность учиться...» [9, с. 103].

Список литературы:

1. Афанасьев, К. М. Летопись провинции. XX век: хроника событий в зеркале периодической прессы / К. М. Афанасьев. Калуга: Фридрихсбург, 2012. – 495 с.
2. Белкина, Е. Е. Открытие о. Иоанном Кронштадтским Работного Дома в г. Калуге в 1895 г. / Е. Е. Белкина // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Том 1. Издательство ПСТГУ, 2009. – 404 с.
3. Белова, И. Б. Гражданская война в Калужской губернии / И. Б. Белова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2020. – № 3 (55). – С. 126-137.
4. Декрет Калужского совета народных комиссаров // Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). П-7694. Оп 1. Д. 45.
5. Протокол заседаний Калужской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями по должности и саботажем за 1919 год // ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 11. Л. 23.
6. Единственная и неповторимая: Калуга в старой открытке / [авт.-сост.: В. П. Машковец]. – Владимир: Посад, 2002. – 287 с.
7. Деловая переписка, прейскуранты, счета, акты проверок, повестки, личные записки П.С. Ракова // Калужский государственный объединенный музей-заповедник. Фонды П. С. Ракова (1869–1943 гг.).
8. Морозова, Г. М. Судьба Раковых / Г. М. Морозова // Провинция-информ. 1992. № 1 (54). 7 января. – С. 7.
9. Поризко, О. И. Фольклорные истоки музыки Н. П. Ракова на примере цикла для фортепиано «Десять пьес на народные темы» / О. И. Поризко // Культура и искусство в современном образовательном пространстве: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Кострома, 24 марта 2022 г.) / отв. ред. и сост. Т. В. Луданова, ред. и сост. Н. Е. Мусинова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2022. – С. 101-112.
10. Потапова, Л. И., Орешкина, Р. М. Калужские пивовары Фишеры / Л. И. Потапова, Р. М. Орешкина. – Калуга: Фридрихсбург, 2008. – 95 с.

11. Протокол № 23 Калужской Губернской Плановой Комиссии Экономического Совета, август 1922 г. // Отчет Калужского губернского исполнительного комитета и Губернского экономического совещания за время с 1-го октября 1922 г. по 1-е октября 1923 г. Калуга: Изд. Калужского Губисполкома, 1923. – 210 с.

12. Холопов, Ю.В. Традиции и судьбы калужского купечества: трилогия на основе родословных исследований / Ю. В. Холопов. Калуга: СерНа, 2012. – 383.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(430).08:325.3(688)

*Вальдемар Шмидт***НЕМЕЦКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД
«ЭРЫ ДЕРНБУРГА» (1906–1910 ГГ.): РЕФОРМЫ В ГЕРМАНСКИХ
КОЛОНИЯХ В АФРИКЕ ИХ ЗНАЧЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

Статья посвящена анализу деятельности Бернхарда Дернбурга на посту руководителя колониального ведомства Германии. В статье автор рассмотрел роль Дернбурга, как инициатора проведения колониальных реформ, прежде всего для крупнейших колоний Германии в Африке. Помимо этого, автор уделил внимание двум информационным поездкам Дернбурга в африканские колонии, а также посещению им английских владений в Южной Африке. Автор рассмотрел также основные аспекты колониальных реформ предложенных Дернбургом – это реформирование колониального ведомства страны, привлечение крупных предпринимателей к инвестициям в колонии, а также использование колониального опыта Великобритании для проведения немецкой колониальной политики.

Ключевые слова: Бернхард Дернбург; колониальный кризис; колониальные реформы; информационные поездки; Германская Восточная Африка; Германская Юго-Западная Африка.

*Waldemar Schmidt***GERMAN COLONIAL POLICY DURING THE "DERNBURG ERA" (1906-1910):
REFORMS IN THE GERMAN COLONIES IN AFRICA, THEIR SIGNIFICANCE AND
RESULTS**

The article is devoted to the analysis of the activities of Bernhard Dernburg as the head of the colonial department of Germany. In the article, the author examined the role of Dernburg as the initiator of colonial reforms, primarily for the largest colonies of Germany in Africa. In addition, the author paid attention to two informational trips of Dernburg to African colonies, as well as his visit to English possessions in South Africa. The author also examined the main aspects of the colonial reforms proposed by Dernburg - this is the reform of the country's colonial department, the attraction of large entrepreneurs to investments in the colonies, as well as the use of the colonial experience of Great Britain to carry out German colonial policy.

Keywords: Bernhard Dernburg; colonial crisis; colonial reforms; informational trips; German East Africa; German South-West Africa.

В связи с исследованиями колониальной истории Германии необходимо рассмотреть ряд вопросов, связанных с деятельностью Бернхарда Дернбурга (1865–1937), как руководителя колониального ведомства. Надо отметить, что о деятельности Дернбурга на посту руководителя колониального ведомства Германии и его реформах написано довольно немного, хотя его деятельность имела определённый успех в реформировании колониальной системы кайзеровской Германии. Назначение Дернбурга на пост руководителя колониального ведомства, было вызвано прежде всего тем, что ещё в 1904 г. им был предложен проект, включавший в себя целый ряд реформ не только по реорганизации колониального управления, но и реформы экономической деятельности в колониях.

В статье на основе доступных материалов автор попытался показать основные этапы подготовки инспекционной поездки государственного секретаря колониального ведомства Дернбурга первоначально в Германскую Восточную (1907 г.), а затем в Британскую Южную и Германскую Юго-Западную Африку (1908 г.). Инспекционные поездки в африканские колонии, которые совершил Дернбург имели важное значение для совершенствования управленческой структуры в африканских колониях, а также для реформирования экономической и хозяйственной системы в африканских колониях Германии.

К началу Первой мировой войны возросли интересы европейских колониальных держав в проведении совместных мероприятий в Африке, несмотря на всё более усилив-

шиеся противоречия. В этом смысле особенно важное значение приобретает деятельность Бернхарда Дернбурга (1906–1910 гг.) на посту государственного секретаря колониального ведомства, который в своих представлениях о дальнейшем экономическом и хозяйственном развитии немецких колоний в Африке ориентировался на модель колонизации, реализовавшуюся Великобританией [37, ss. 112–113].

Период перед назначением Дернбурга на пост главы колониального ведомства Германии, характеризовался борьбой в рейхстаге по вопросам дальнейшего проведения колониальной политики, которые стали объектом обсуждения в различных кругах страны. Дискуссию вызвала речь депутата рейхстага от партии Центр Маттиаса Эрцбергера, который в выступлении 14 декабря 1905 г. отметил, что причины колониальных неудач страны обусловлены её бессистемной колониальной политикой. Эрцбергер также затронул вопрос о служащих колониального ведомства, заявив, что «главное обвинение против деятельности колониального ведомства я выдвигаю следующее, что колониальное отделение состоит из некомпетентных служащих, что затрудняет его работу» [18, s. 10].

Эрцбергер, как и социал-демократ Август Бебель преследовали определённую цель, информировать некоторые партии, представленные в рейхстаге о колониальной политике, а именно подвергнуть критике политику правительства в отношении колоний и оказать влияние на деятельность рейхстага. Однако общей линии в проведении критики правительственной политики в отношении колоний у партии Центр и социал-демократов не имелось. Противоречия по вопросам проведения колониальной политики достигли своего апогея в 1906 году.

В августе 1906 г. Фридрих Вильгельм Лозбель и Отто Хамман предложили рейхсканцлеру Берггарду фон Бюлову кандидатуру Бернхарда Дернбурга на пост руководителя колониального ведомства. По их мнению, Дернбург мог реорганизовать колониальное ведомство и внедрить новые методы в его деятельность [22, s. 13]. В беседе с фон Бюловым 17 августа 1906 г. Дернбург разъяснил основные пункты программы необходимых для экономического и административного развития колониальной политики реформ. В данном разговоре фон Бюлов также подчерк-

нул, что для успешного проведения реформ необходимо развитие торговли и индустрии, за что выступают определённые экономические круги страны.

30 августа 1906 г. Дернбург получил предложение возглавить колониальное отделение и в дальнейшем дал согласие на постановку вопроса в рейхстаге об организации имперского колониального ведомства. Ещё перед тем, как Дернбург дал согласие на принятие руководства колониальным ведомством «*Kölnische Zeitung*», характеризуя его личность писала: «Дернбург знает точно, что ему предстоит сложная работа, хотя в последнее время он много работал с вопросами нашего дальнейшего колониального развития. И если его деятельность не будет противоречить требованиям канцлера, то мы уверены, что его назначение соответствует необходимости в реорганизации деятельности колониального ведомства» [24, s. 3].

5 сентября 1906 г. Дернбург согласился с данным предложением и просил бывшего руководителя колониального ведомства Готфрида Гогенлоэ Лангебургского сообщить об отставке и назвать нового директора колониального отделения. 5 сентября 1906 г. газета «*Westfälische Zeitung*» об изменениях, произошедших в руководстве колониального ведомства писала, что «назначение нового руководителя колониального управления Дернбурга в прессе было охарактеризовано различными мнениями. И отставка бывшего руководителя колониального управления Гогенлоэ Лангебургского не являлось свободным решением последнего» [39, s. 2].

По поводу назначения Дернбурга газета «*General Anzeiger für Dortmund und die Provinz Westfalen*» 8 сентября 1906 г. писала, «что назначение Дернбурга означает кризис управленческой системы колониями» [19, s. 5]. Назначение Дернбурга на указанный пост рассматривалось нежелательным из различных оснований, однако оно являлось реакцией на возникший кризис в проводимой правительством колониальной политике [1, s. 264]. Интерес канцлера фон Бюлова при назначении Дернбурга на пост руководителя колониального отделения объяснялся уверенностью в том, что Дернбург является олицетворением «нового колониального курса». Кроме этого, канцлер считал, что Дернбург соответствует той личности, которая сможет сформировать общественное мнение страны в необходимо-

сти дальнейшего проведения колониальной политики [28, s. 7].

Позиции правительства фон Бюлова в конце 1906 г. в проведении политики внутри страны были сильны, однако помимо социал-демократов, со стороны других политических партий были выдвинуты требования по изменению проведения колониальной политики. Во взаимосвязи с войной в Германской Юго-Западной Африке в кругах политических партий господствовало мнение об отказе от колониальных захватов. В результате чего образовалась оппозиция из социал-демократов, партии Центр и мелких политических группировок, представлявших большинство в рейхстаге. Не только социал-демократы проводили антиколониальную агитацию, но и другие партии использовали сведения о состоянии в колониях для внутриполитической борьбы в стране. Для правительства возникла опасность, что среди общественности Германии возникнет мнение об отказе на колониальные приобретения страны [23, s. 147].

Восстание в Германской Юго-Западной Африке, требовало принятия решения об усилении колониальных войск, чтобы подавить восстание. В конце 1906 г. правительство потребовало от рейхстага для этих нужд 29 млн марок. Депутаты партии Центр отклонили это требование, но были готовы дать на это разрешение, когда определённые пункты негативной деятельности колониального ведомства будут устранены. С новым руководителем колониального ведомства Бернхардом Дёрнбургом депутаты партии Центр и социал-демократы не хотели вести разговоры, отклонив указанное предложение, что послужило роспуску рейхстага и назначению новых выборов в январе 1907 г. [36, ss. 336–337].

В связи с создавшейся кризисной ситуацией, Бюлов охарактеризовал рейхстаг и его депутатов как угрозу для безопасности Германии, поскольку правительство, по его мнению, наоборот, заботится о национальном благополучии страны. Уже в 1907 г. партии, представленные в рейхстаге, были охарактеризованы как враги, препятствующие деятельности правительства.

В декабре 1906 г. правительство во главе с канцлером фон Бюловым подверглось резкой критике со стороны партии Центр и социал-демократов во главе с Бебелем. В пе-

риод всё нарастающей критики канцлер Бюлов надеялся убедить депутатов рейхстага в том, что он намерен в ближайшее время начать политику по проведению реформ в деятельности колониального ведомства. Однако эти шаги со стороны канцлера не привели к улучшению ситуации, что способствовало в дальнейшем роспуску рейхстага. Несмотря на то, что партия Центр являлась одной из сильнейших оппозиционных сил в рейхстаге, в ней не имелось единого мнения по вопросам колониальной политики.

Руководителем империалистического крыла в партии Центр являлся Маттиас Эрцбергер, который с 1903 г. резко критиковал деятельность и не состоятельность колониального отделения, предоставлявшего депутатам рейхстага не достоверную информацию о положении в немецких колониях. Также не было и единства по вопросам колониальной политики и среди членов социал-демократии. Крыло социал-демократов во главе с Бебелем рассматривали империализм как политику ограбления, для них реформы не представляли интереса, главным являлся отказ от колоний. Помимо данного крыла в немецкой социал-демократии имелись «ревизионисты», пропагандировавшие идею о том, что наличие колоний предполагает для немцев рабочие места. В предвыборной компании фон Бюлова, Дёрнбург выступал с докладами по всей стране, целью которых являлось убедить общественность в необходимости наличия колоний [32, s. 697].

В выступлениях Дёрнбург подчёркивал, что заморские колонии могут управляться цивилизованными методами и при этом приносить прибыли. Его лозунгом являлся экономический империализм. В выступлениях Дёрнбург также обращал внимание на то, что немецкие колонии в Африке – это малоисследованные регионы, но в ближайшее время они станут источником величия страны. Для Дёрнбурга экономические критерии стояли в основе проведения колониальных реформ. Не только нужда Германии в полезных ископаемых и колониальных продуктах, но и участие Германии на мировом рынке, по мнению Дёрнбурга, должна была возрасти в результате экономических мероприятий в колониях. Следовательно, предложенная Дёрнбургом программа колониальной политики была, прежде всего, нацелена на усиление экономических факторов.

В 1906 г. он был назначен директором колониального ведомства, хотя и не имел чётких представлений в проведении колониальной политики. Целью данного назначения было проведение Дёрнбургом реформы по улучшению деятельности колониальной администрации. Дёрнбург происходил из еврейской семьи и до назначения на пост руководителя колониального ведомства работал банкиром. Его назначение Дёрнбурга на новую должность было положительно оценено в англо-американских кругах [29, s. 47].

Рейхсканцлер фон Бюлов 28 ноября 1906 г. лично представил в рейхстаге Дёрнбурга, как приемника Гогенлоэ Лангенбургского на посту руководителя колониального ведомства. Фон Бюлов охарактеризовал Дёрнбурга перед депутатами рейхстага как личность, которая хорошо информирована в развитии промышленности и обладает основополагающими экономическими знаниями. При этом рейхсканцлер обосновал свой выбор тем, что он надеется на опыт Дёрнбурга в экономических вопросах, с помощью которых он сможет организовать новое направление в деятельности колониального ведомства страны. 28 ноября 1906 г. Дёрнбург, выступая перед депутатами рейхстага обещал рассмотрение различных пунктов критики.

После назначения на пост главы колониального ведомства Дёрнбург приступил к проведению реформ по улучшению деятельности имперского колониального ведомства, вынашивая идею о получении более полных представлений о положении в немецких колониях. Помимо организационных и личностных перестановок в колониальном отделении, Дёрнбург использовал летние каникулы рейхстага для ознакомления с содержанием новой работы. Кроме нововведений в колониальном отделении Дёрнбург обратил внимание на два основных направления в деятельности колониального отделения. Во-первых, он уделит внимание экономическому развитию колоний. Как основу для проведения реформ в этой области Дёрнбург предлагал тезис, высказанный в многочисленных работах об экономической самостоятельности колоний. Однако это предложение Дёрнбурга нашло сопротивление в кругах общественности и депутатов рейхстага. Второй особенностью деятельности Дёрнбурга на посту руководителя колониального отделения являлось прекращение колониальных скандалов. Тем

более, что канцлер фон Бюлов требовал незамедлительного расследования. Дёрнбург реагировал незамедлительно, уничтожив монопольные договоры фирмы «Воерманн», единственной судоходной компании из Гамбурга, представлявшей интересы Германии в Западной Африке и фирмы «Типпельскирх», поставившей вооружение для колониальных войск Германии в Юго-Западной Африке, а также создал специальную комиссию для расследования выявленных махинаций. Уже после шестимесячного пребывания на посту руководителя колониальной политикой страны, он требовал от губернаторов колоний, чтобы они предоставили долгосрочную программу для решения проблем, имеющих в подконтрольных колониях [7, p. 113].

Основными пунктами новой рабочей программы руководителя колониального отделения были следующие:

1. Развитие железных дорог и портовых коммуникаций в колониях.
2. Развитие сельского, лесного и водного хозяйства.
3. Исследование и разработка природных ископаемых.
4. Решение рабочего вопроса.
5. Решение налогового и таможенного вопроса.

Начиная с 1906 г. Дёрнбург издал многочисленные информативные записки, в которых высказывались мысли о экономическом и финансовом развитии немецких колоний. Однако, по мнению Дёрнбурга, проведение экономических и хозяйственных реформ в колониях было возможно при улучшении деятельности управления ими, которое должно было ориентироваться на британскую систему колониального управления. Период в деятельности колониального ведомства Германии под руководством Бернхарда Дёрнбурга 1906–1910 гг. в прессе характеризовался, как период прогресса в колониальной политике страны. Дёрнбург после назначения на пост подготовил обширную программу реформ по развитию колоний.

Во-первых, программа предполагала реформирование немецкого колониального ведомства в колониальное министерство под руководством Дёрнбурга. Во-вторых, в программе по реформированию колониальной политики страны, Дёрнбургом высказывалась мысль, что немецкое государство должно использовать пример колониальной деятельно-

сти Англии, а, следовательно, должно оказать помощь для организации обучения колониальных служащих. В-третьих, программа реформ предполагала привлечение крупных предпринимателей и поощрение их активности со стороны государства для строительства железных дорог, портов в колониальных владениях страны.

Правительство после успешных выборов в рейхстаг находилось в положении, когда колониальная политика могла проводиться в его интересах. Главной целью было создание имперского колониального ведомства. В период кризиса колониальной политики, восстаний в Германской Восточной и Германской Юго-Западной Африке, имперское правительство видело необходимость для усиления активности колониальной деятельности, для чего предлагало создание единого колониального министерства, которое бы имело политическое значение.

17 мая 1907 г. Вильгельм II дал согласие на реорганизацию колониального отделения, которое должно было быть преобразовано в имперское колониальное ведомство. Под руководством канцлера фон Бюлова, Дернабург как государственный секретарь колониального ведомства определял его деятельность. Проблему для успешного проведения колониальной реформы для Дернабурга представляла деятельность Колониального союза, являвшегося могучей силой, влиявшей на деятельность колониальных обществ, а также на принятие решений по колониальным вопросам. Колониальный союз был особенностью в немецкой колониальной политике, так как решения рейхстага по колониальным проблемам зависели от деятельности союза, влиявшего на развитие колоний [35, s. 61].

В связи с этим Дернабург был вынужден в сообщении канцлеру от 8 июля 1907 г., просить его о прекращении деятельности Колониального союза [12, ss. 3–4]. Именно летом 1907 г. произошел перелом, так как фон Бюлов переслал письмо Дернабурга Вильгельму II, сопроводив его своими замечаниями, из которых было ясно, что канцлер вполне согласен с мнением Дернабурга [11, s. 5]. После ознакомления с содержанием письма канцлера Вильгельм II согласился с его мнением и Дернабурга о запрещении деятельности Колониального союза и дал разрешение фон Бюлову на проведение необходимых мероприятий.

Прекращение деятельности Колониального союза имело важное значение для обоснования новых целей колониальной политики, и открывало Дернабургу широкие возможности для проведения колониальных реформ. Дернабург в переписке с фон Бюловым называл две основные причины, по которым требовалось запрещение деятельности Колониального союза: во-первых, недоверие немецкого общества к ней; во-вторых, непоследовательная позиция Колониального союза в принятии решений по колониальным вопросам между рейхстагом и правительством [10, s. 6].

Однако Дернабург не отрицал, что деятельность Колониального союза в ранний период для развития колониального движения была необходима, но в последние годы Колониальный союз мало чего достиг, став тормозом в развитии колониальной деятельности страны. Помимо этого, Дернабург указывал, что во взаимоотношениях с рейхстагом решения Колониального союза противоречат решениям рейхстага по колониальным вопросам, а для проведения успешной колониальной политики, как указывал Дернабург, необходимо получение согласия рейхстага. Другой причиной для роспуска Колониального союза, о которой говорилось в письме фон Бюлова Вильгельму II являлось то, что в связи с увеличением задач колониального управления, Колониальный союз не оказывает достаточной поддержки. Улучшение по вопросам финансирования колоний произошло в 1907 г., когда Дернабург провел реформы по распределению финансов для колоний на основе английской и французской моделей. С одной стороны, финансовая самостоятельность колоний являлась основным принципом реформирования. Метрополия должна была принимать на себя только военные расходы, все остальные мероприятия, проводившиеся в колониях, должны были финансироваться самостоятельно.

С другой стороны, была реформирована система перечисления денег, колонии могли получить финансовую поддержку только после принятия решений рейхстагом. Дернабург рассматривал вопросы колонизации как взаимоотношения различных отраслей знания. «Колонизация, - писал Дернабург, - развитие плантаций или же переселенческая колонизация, в равной степени одинаковы, так как это означает использование земли, её

природных богатств, фауны и флоры при использовании лучших методов» [17, s. 5]. При этом Дернбург отмечал, что важным в процессе колонизации является участие в нём местного населения [34, s. 58].

Помимо этого, Дернбург указывал, что «колонизация – это наука и техника в одном целом, её невозможно изучить в университетских аудиториях. И главной целью является, прежде всего, практика, как основа для успешной колонизации» [17, s. 12]. Взгляд Дернбурга на английскую модель колониального управления был основой колониальных реформ. Германская дискуссия о колониальных реформах не являлась реакцией на колониальные войны, она не являлась также особенностью для Германии по улучшению колониальной политики [20, s. 30]. В Англии в то время также можно было наблюдать развитие идей на улучшение проведения колониальных методов по управлению колониями.

Первая информационная поездка госсекретаря колониального ведомства Дернбурга в Германскую Восточную Африку длилась началась с 13 июля по 30 октября 1907 г. Дернбург считал необходимым для того, чтобы получить представление о важности проведения хозяйственных и административных реформах, нужно лично ознакомиться с состоянием дел в колониях [5, s. 34].

О подготовке поездки Дернбурга в Германскую Восточную Африку газета «Westfälische Tageszeitung» сообщила: «Запланированная информационная поездка руководителя колониального ведомства Дернбурга касается не только колониальных владений Германии в Африке, но также направлена на посещение некоторых областей владений Великобритании в Южной Африке. Дернбург после запрещения рейхстагом деятельности Колониального союза предпримет информационную поездку в Германскую Восточную Африку, где в сопровождении губернатора колонии Рехенберга, посетит те области колонии, которым в ближайшее время должна быть оказана экономическая помощь» [38, s. 6].

26 марта 1907 г. региональная газета «Ohligser Anzeiger» опубликовала интервью Дернбурга о предстоящей поездке в колониальные владения Германии в Африке. В статье отмечалось, что «Дернбург намерен прежде всего уделить внимание экономиче-

ским вопросам» [31, s. 1]. Важным для Дернбурга при разработке концепции реформ в Германской Восточной Африке было общение с губернатором колонии Рехенбергом [30, ss. 111–114].

27 апреля 1907 г. губернатор Германской Восточной Африки фон Рехенберг отправил письмо в колониальное управление при министерстве иностранных дел, указав, что «ему известно из немецких газет о готовящейся инспекционной поездке главы колониального ведомства, в которой также должно принять участие большое количество промышленников. Поэтому я прошу также, чтобы была направлена специальная телеграмма о программе и продолжительности этой инспекционной поездки» [6, s. 10].

31 мая 1907 г. Дернбург направил письмо губернатору фон Рехенбергу, в котором изложил план посещения восточноафриканских колоний. В частности, Дернбург писал: «что намерен посетить, прежде всего, ведомственные учреждения в Дар-э-Саламе, чтобы лично ознакомиться с их деятельностью. Однако основной целью его пребывания в колонии является ознакомление с хлопковыми плантациями в Садани, и крупными плантациями по выращиванию sisalia и работой фабрики по его переработке в Пангани. Помимо этого, он намерен посетить сельскохозяйственный институт в Амани, а также крупные кофейные плантации в районе Восточной Узамбары. Целью его пребывания в колонии также является посещение поселения российских немцев и буров в районе Килиманджаро» [6, s. 5].

Исходя из содержания письма, в круг интересов Дернбурга входили не только вопросы экономического характера, но и вопросы о переселенческой политике, проводимой в колонии. Когда Дернбург приехал в Германскую Восточную Африку, то в колонии происходила дискуссия о причинах восстания Маджи – Маджи и о дальнейших планах развития колонии. Новый губернатор Рехенберг, сменивший Гетцена, видел причины восстания в неправильном управлении колонией, в усилении принудительных работ и увеличении налогов [3, s. 194].

В связи с малочисленностью рабочей силы и плохой конкуренцией восточноафриканского экспорта на мировом рынке, он рассматривал массовое переселение европейцев в колонию и расширение европейских план-

таций с использованием африканской рабочей силы малоэффективным. Потребность в рабочей силе для уже существующих плантаций не могла, по его мнению, существовать на основе принудительного труда, а должна была развиваться на основе свободного рабочего рынка. Рехенберг считал, что дальнейшее экономическое развитие колонии не зависит от образования новых плантаций, и требовал развития условий для упрочнения сельского хозяйства среди местного населения [27, s. 163]. Губернатор с его планом реформирования экономической жизни в колонии находился в трудной ситуации, поскольку его решения по развитию Германской Восточной Африки, как переселенческой колонии и его взгляды на развитие хозяйственной деятельности местного населения, с помощью чего он надеялся превратить регион в торговую колонию, встретили сопротивление среди европейских переселенцев. Спор между Рехенбергом и переселенцами особенно ярко прослеживается в восточноафриканской прессе [21, ss. 46–73].

Кроме этого, губернатору Рехенбергу было необходимо убедить служащих колониальной администрации в правильности его решений по проведению реформ. Имя Рехенберга тесным образом связано с деятельностью Бернхарда Дернабурга, который разработал программу проведения реформ колониальной системы. Поэтому для Рехенберга для проведения новой политики в колонии были важны не только тесные отношения с главой канцелярии рейхсканцлера Фридрихом Вильгельмом фон Лоэбеллем (1904–1909), но и посещение Дернабургом колонии [33, ss. 241–261]. Основопологающим для Рехенберга являлась организация путешествия главы имперского колониального ведомства. Находясь в Дар-эр-Саламе, Дернабург отправил телеграмму Вильгельму II о благополучном прибытии в колонию. 7 августа 1907 г. Вильгельм II из Свинемюнде послал государственному секретарю Дернабургу телеграмму: «Я благодарю Вас и всех находящихся там немцев за привет из колонии. И если под вашим руководством определено будущее колоний, которое Отечество воспримет с гордостью и поднимет мужество колонистов, то мы должны независимо от состояния дел в колонии работать совместно. Без этого невозможно ожидать прогресса» [4, s. 4]. 9 августа 1907 г. газета «Badische Presse» опубли-

ковала выдержки из статьи корреспондента «Daily Mail» Фредриком Вильямом Виле, в которой автор положительно отзывался о личности Дернабурга и его пребывании в Германской Восточной Африке. Корреспондент писал: «Дернабург верит в будущее немецких колоний. Он смог заинтересовать определённую группу крупных капиталистов для оказания финансовой помощи немецким колониям» [26, p. 5].

После недолгого пребывания в Дар-эр-Саламе и посещения султана на Занзибаре, 10 августа 1907 г. начнется длительное путешествие по железной дороге через Британскую Восточную Африку, целью которой являлось ознакомление с плантациями африканцев. В конце сентября Дернабург посетил кофейные плантации в районе Узамбары, и пришёл к выводу, что плантации африканцев рентабельнее, чем европейцев [2, s. 60].

Дернабург убедился, что немецкое правительство должно оказывать помощь плантациям, которые являются рентабельными. При этом нерентабельные сельскохозяйственные предприятия не должны субсидироваться, примером этому служили многочисленные немецкие плантации по производству кофе в Узамбаре [14, s. 41].

Посредством собранных представлений Дернабург пришел к мнению, что Германская Восточная Африка по своему экономическому развитию не может являться территорией пригодной для переселения, но она может быть территорией для развития торговли и сельского хозяйства местного населения [16, p. 95]. В секретном сообщении правительству о результатах своей поездки, Дернабург разъяснил, что африканцы являются «важнейшим и единственным производителем экспорта сельскохозяйственных продуктов» [13, s. 37].

В вопросах дальнейшего экономического развития Дернабург следовал планам высказанным губернатором восточноафриканской колонии Рехенбергом, подтвердив официально, что местные рабочие не являются ленивыми и уставшими от хозяйства, наоборот, они, по его мнению, являются очень работоспособными. Также в секретном сообщении правительству о результатах поездки в восточноафриканские колонии, Дернабург разъяснил, что местное население колонии является единственной производительной силой способной на производство сельхозпродуктов [5, s. 37]. На этих основаниях

Дернбург предлагал отменить принудительный труд, повышение таможенного налога на продукты питания.

В связи с завершением информационной поездки Дернбурга «*Kölnische Zeitung*» писала, что «завершившаяся информационная поездка Дернбурга в Германскую Восточную Африку имеет огромное значение, прежде всего потому, что он посетил не только побережье колонии, но и отдельные территории колонии. Поездка Дернбурга в Табору объяснялась её значимостью, так как он хотел ознакомиться с условиями, которые в дальнейшем намеревался использовать при проведении политики строительства железной дороги. Дернбург после посещения Табору и округа Танги высказал мысль, что он против государственного принуждения по найму рабочей силы. Помимо этого, он предложил работодателям создать совместное объединение по использованию рабочих. Дернбург предложил в областях, где существуют плантации, ввести специальный орган комиссаров из местного населения, задачей которых должна являться функция по проверке договоров местного населения с плантаторами. Он категорически высказался против принудительных мероприятий по привлечению местного населения к работе. Пребывание государственного секретаря колониального ведомства в Германской Восточной Африке без сомнения должно иметь последствия, особенно для реорганизации колониального управления колонией» [15, с. 7].

Поездка главы колониального ведомства Дернбурга (с 12.05.1908 по 22.08.1908 г.) первоначально в Великобританию, а затем в Южную Африку и Германскую Юго-Западную Африку, явилась второй крупной поездкой в колониальные владения. В результате второй информационной поездки Дернбург интенсивно ознакомился с деятельностью английской колониальной администрации, которая, по его мнению, должна быть очень подробно исследована. Цель Дернбурга в посещении немецких колоний сводилась к тому, что он хотел сделать их экономически рентабельными. Однако в немецкой колониальной прессе и литературе этому вопросу уделяли мало внимания. Особенно это было связано с дискуссией о информационной поездке Дернбурга через Лондон в Германскую Юго-Западную и Британскую Южную Африку. На банкете посвящён-

ном чествованию Дернбурга в 1908 г. в Лондоне, британский военный министр отметил, что «британское правительство надеется своими знаниями в области колонизации оказать помощь государственному секретарю». Это высказывание военного министра Великобритании в различных печатных органах Германии было оценено как угроза немецкой колониальной политике.

В отличие от первой информационной поездки Дернбург в 1908 г. первоначально посетил Лондон, где он получил информацию об английской колониальной политике и особенно о ситуации в Британской Южной Африке. В Лондоне Дернбург находился с 13-го по 16-е мая, познакомившись с представителями английской колониальной политики и их мнением о его информационной поездке. План его поездки в английской прессе, а особенно прибытие в Лондоне был принят с удовлетворением. В британской столице Дернбург хотел лично встретиться с различными колониальными политиками, поэтому его прибытие там было не запланировано, и носило неофициальный характер. Будучи в Лондоне, он использовал свои близкие связи, возникшие в период его деятельности как банкира. 2 июня 1908 г. группа во главе с Дернбургом прибыла в Капштадт, где была принята премьер-министром южноафриканской колонии Джоном Ксавьером Мерриманом [40, с. 147–182].

Целью посещения южноафриканской колонии Великобритании являлось ознакомление с различными предприятиями, законами, которые по мнению Дернбурга являлись важными для экономического развития и Германской Юго-Западной Африки. Поездка в британские колонии стояла под знаком ознакомления с английской системой колониального управления, она была строго спланирована. Кроме того, посещение Дернбургом английских колоний было вызвано и тем, что ещё с 1907 г. немецкое правительство вело с английским правительством переговоры по различным проблемам, и, прежде всего, о присоединении английских территорий к Германской Юго-Западной Африке. Генеральный консул в Капштадте в течение года искал возможность подготовить почву для этих переговоров. Однако по различным причинам до поездки Дернбурга, это не привело к результатам, так как английское правительство находилось в сложной ситуации, так как

среди общественности Великобритании передача английских владений Германии была непопулярным шагом.

Представления о будущем решении рабочего вопроса в немецких колониях Дернабург получил в Трансваале, так как там в отличие от Родезии и немецких колоний рабочее законодательство, принятое на государственном уровне, гарантировало защиту произвола предпринимателей. При посещении Наталя Дернабург был проинформирован о развитии сельского хозяйства и проблемах по развитию водного хозяйства.

14 июля 1908 г. Дернабург прибыл в Германскую Юго-Западную Африку, а 6 августа уже вёл разговоры в Виндхук с отдельными переселенцами и фермерами, а также с бургомистром Вильгельмом Кюнцем и руководящими служащими губернаторства. В беседе с Кюнцем Дернабург подчеркнул, что «лучшее обеспечение местного населения, прежде всего, медицинские мероприятия и достаточное количество продуктов, должны способствовать в будущем тому, что из среды местного населения будет комплектоваться рабочая сила колонии» [5, с. 6].

В беседах были затронуты вопросы о здравоохранении, об организации самоуправления, юстиции и дорожного строительства, а также экономические аспекты дальнейшего развития колонии. Германская Юго-Западная Африка произвела на Дернабурга плохое впечатление, так как после восстания местного населения её экономическая инфраструктура была полностью нарушена.

Список литературы:

1. Abermeth, Katharina, Schnee, Heinrich. *Karrierewege und Erfahrungswelten eines deutschen Kolonialbeamten* / Katharina Abermeth, Heinrich Schnee. – Kiel: Solivagus Praeterutum, 2017. – 531 s.
2. *Badische Presse vom 09.08.1907.* № 366.
3. Bald, Detlef. *Deutsch – Ostafrika 1900–1914. Eine Studie über Verwaltung, Interessengruppen und wirtschaftliche Erschließung* / Detlef Bald. – München: Weltforum – Verlag, 1970. – 238 s.
4. Bald, Detlef. *Die Reformpolitik von Gouverneur Rechenberg. Koloniale Handelsexpansion und indische Minderheit in Deutsch – Ostafrika 1900–1914* / Detlef Bald // *Africana Collecta II* (Hrsg.) von Oberndorfer Dieter. Freiburg in Br.: Bestelmann Universitätsverlag, 1971. – 306 s.
5. Bundesarchiv (далее – BArch) R 1001/300. *Geheimer Bericht des Staatssekretärs Dernburg über seine Reise von 13.07 bis 30.10.1907 nach Ostafrika ausgeführte Dienstreise.*
6. BArch R 1001/301 Bd. 1. Reichskolonialamt. *Akten: Informationsauskunft Dernburg Reisen nach Ostafrika im Jahre 1907, vom 29.05.1907 bis 19.05.1908.*
7. BArch R 1001/767. *Runderlaß Dernburgs vom 17.11.1906 an alle Gouverneure.*
8. BArch R 1001/1462. *Tagebuch Henckel von Donnersmarck.*
9. BArch R 1001/1465. *Aufzeichnungen von Dr. Künz über die Besprechung des Staatssekretärs mit den Referenten des Gouvernements vom 6.08 bis 8.08.1908.*

С преодолением колониального кризиса 1906 г. завершился первый период германского колониального господства (1885–1906 гг.), так как Дернабург, проанализировав сведения, собранные в результате информационных поездок в африканские колонии начале 1908 г., в предложил программу реформ колониальной политики, цель которых сводилась к тому, чтобы прекратить бессистемную колониальную политику, повысив экономическую рентабельность колоний. Для достижения целей, он предложил реформы, включавшие в себя изменения в деятельности колониального управления, экономические и финансовые реформы, а также проведение новой политики в отношении населения колоний. Залогом успеха при этом оставались мирные отношения с местным населением, и наличие в достаточном количестве рабочей силы. Однако программа была подвергнута критике со стороны национал-консервативных партий, которые совместно с переселенцами в колониях и прессой образовали оппозицию руководителю колониального ведомства, что впоследствии способствовало изменению курса в деятельности Дернабурга.

Следует признать, что в период руководства Дернабургом колониальной политикой жизнь африканцев не улушилась, а, наоборот, ухудшилась в результате деятельности управленческих органов. Политика реформ в «эру Дернабурга» была не чем иным, как политикой ограбления колоний.

10. BArch R 1001/6997. Bülow an Dernburg am 22.07.1907.
11. BArch R 1001/6997. Bülow an Wilhelm II am 11.07.1907.
12. BArch R 1001/6997. Dernburg an Bülow am 08.07.1907.
13. BArch. Bild 146–1982–170– 28A.
14. BArch. Bild 146–2007–0013.
15. BArch. Bild 146–1984–041– 07.
16. Bongard, Oskar. Die Studienreise des Staatssekretärs Dernburg nach Deutsch – Ostafrika / Oskar Bongard. – Berlin: Wilhelm Süsserott, 1908. – 79 s.
17. Dernburg, Bernhard. Zielpolitik des deutschen Kolonialwesens / Bernhard Dernburg. – Berlin: Mittler, 1907. – 88 s.
18. Erzberger, Mattias. Die Kolonial – Bilanz. Bilder aus der deutschen Kolonialpolitik auf Grund der Verhandlungen des Reichstags im Sessionsabschnitt 1905/1906 / Mattias Erzberger. – Berlin: Germania, 1906. – 93 s.
19. General Anzeiger für Dortmund und die Provinz Westfalen vom 08.09.1906. № 247.
20. Gosse, Pascal. Kolonialismus, Eugenik und bürgerliche Gesellschaft in Deutschland 1850–1918 / Pascal Gosse. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2000. – 266 s.
21. Gründer, Horst. Geschichte der deutschen Kolonien / Horst Gründer. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2018. – 368 s.
22. Hamman, Otto. Um den Kaiser. Erinnerungen aus den Jahren 1906–1909 / Otto Hamman. – Berlin: Hobbing, 1919. – 106 s.
23. Jörn, Wegner. Des Kriegs – und die Kolonialfrage in der britischen und deutschen Arbeiterbewegung im Vergleich 1899–1914 / Wegner Jörn. – Berlin: Metropol Verlag, 2014. – 383 s.
24. Kölnische Zeitung vom 04.09.1906. № 942.
25. Kölnische Zeitung vom 05.11.1907. № 1148.
26. Langenberger Zeitung vom 08.08.1907. № 184.
27. Längin, Bernd. Die deutschen Kolonien – Schauplätze und Schicksale 1884–1918 / Bernd Längin. – Hamburg 2004. – 328 s.
28. Lichtenfels, Dalwigk zu, Freiherr, Egon von. Dernburg amtliche Tätigkeit im Allgemeinen und seine Eingeborenenpolitik in Deutsch – Ostafrika im Besonderen / Dalwigk zu Lichtenfels, Egon Freiherr von. – Berlin: Reimer, 1911. – 69 s.
29. Lindner, Ulrike. Koloniale Begegnungen Deutschland und Großbritannien als Imperial Mächte in Afrika 1880–1914 / Ulrike Lindner. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2011. – 533 s.
30. Methner, Wilhelm. Unter drei Gouverneuren. 16 Jahre Dienst in deutschen Tropen / Wilhelm Methner. – Breslau: Korn, 1938. – 452 s.
31. Ohligser Anzeiger vom 26.03.1907. № 72.
32. Pakenham, Thomas. Der Kauernde Löwe. Die Kolonisierung Afrikas. 1876–1912 / Thomas Pakenham. – Düsseldorf: ECON Verlag 1993. – 813 s.
33. Redeker, Dietrich. Die Geschichte der Tagespresse Deutsch – Ostafrikas 1899–1916 / Dietrich Redeker. – Breslau: Kleist, 1938. – 135 s.
34. Ruppenthal, Jens. Kolonialismus als «Wissenschaft und Technik» / Jens Ruppenthal. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. – 273 s.
35. Spellmeyer, H. Deutsche Kolonialpolitik im Reichstag / H. Spellmeyer. – Stuttgart: Kohlhammer, 1931. – 140 s.
36. Stürmer, Michael. Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1914 / Michael Stürmer. – Berlin: Siedler, 1994. – 449 s.
37. Werner, Schiefel. Bernhard Dernburg 1865–1937. Kolonialpolitiker und Bankier in wilhelminischen Deutschland / Schiefel Werner. – Zürich: Atlantis Verlag, 1974. – 277 s.
38. Westfälische Tageszeitung vom 08.03.1907. № 56.
39. Westfälische Zeitung vom 05.09.1906. № 208.
40. Zimmermann, Adolf. Mit Dernburg nach Ostafrika / Adolf Zimmermann. – Berlin: Schwetschke, 1908. – 148 s.

ПОЛИТИКА

УДК 94(520):070(520)

Е. А. Горячева

ВЕЛИКОЕ ВОСТОЧНО-ЯПОНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 2011 ГОДА КАК РУБЕЖ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Статья рассматривает Великое восточно-японское землетрясение 2011 года как ключевой рубеж в эволюции журналистики современной Японии. Анализируется комплекс проблем традиционных СМИ, вызванных разрушением инфраструктуры и нарушением вещания, а также стремительный рост роли цифровых платформ, социальных сетей и гражданской журналистики. Особое внимание уделяется проблемам территориальной диспропорции репортажей, зависимости общенациональных СМИ от официальных источников в условиях аварии на АЭС «Фукусима-1» и формированию новых практик кризисной коммуникации. Показано, что события 2011 г. стали стимулом к развитию жанра журналистики катастроф, пересмотру профессиональной этики, укреплению региональных медиа и становлению коммеморативной журналистики как формы коллективной медийной памяти. Определено, что после бедствия 2011 г. начал происходить постепенный переход японской медиасферы к гибридной, многоканальной информационной экологии.

Ключевые слова: Япония; землетрясение 2011 года; история журналистики; история СМИ; историческая память; коммеморация.

Е. А. Goriacheva

THE GREAT EAST JAPAN EARTHQUAKE OF 2011 AS A TURNING POINT IN THE TRANSFORMATION OF CONTEMPORARY JAPANESE JOURNALISM

The article examines the Great East Japan Earthquake of 2011 as a key turning point in the evolution of contemporary Japanese journalism. It analyzes the complex set of problems faced by traditional mass media due to infrastructure destruction and disruptions in broadcasting, as well as the rapid rise of digital platforms, social networks, and citizen journalism. Particular attention is paid to issues of territorial disproportionality in media coverage, the dependence of national media on official sources during the Fukushima Daiichi nuclear accident, and the formation of new practices of crisis communication. The study demonstrates that the events of 2011 stimulated the development of disaster journalism, the rethinking of professional ethics, the strengthening of local media, and the emergence of commemorative journalism as a form of collective media memory. It is established that after the 2011 disaster a gradual transition toward a hybrid, multi-channel information ecology has started in media landscape of Japan.

Keywords: Japan; 2011 earthquake; history of journalism; history of mass media; historical memory; commemoration.

Великое восточно-японское землетрясение, произошедшее на северо-востоке о. Хонсю 11 марта 2011 г. и повлекшее гибель более 20 тыс. человек (включая погибших, пропавших без вести и умерших вследствие связанных с катастрофой обстоятельств)¹, стало беспрецедентным

бедствием, поставившим под вопрос привычные механизмы, институты и ценностные ориентиры японского общества в политике, экономике и социальной сфере. Исключением не стала и область средств массовой информации и журналистики, где катастрофа стала катализатором для обнаружения целого ряда структурных и этических проблем.

Прежде всего, необходимо выделить ряд особенностей, сопутствующих катастрофе и повлиявших на процесс её освещения в СМИ Японии.

Во-первых, зона бедствия Великого восточно-японского землетрясения простира-

¹ В японской историографии комплекс бедствий Великого восточно-японского землетрясения включает в себя также последствия разрушительного цунами и последствий катастрофы на АЭС «Фукусима-1» (здесь и далее примечания автора статьи).

лась исключительно широко, от Хоккайдо до Токио. В Японии после землетрясения в Кобе 1995 г. (Великое землетрясение Хансин-Авадзи) сформировалось общественное сознание в отношении мер противодействия бедствиям, институционально также был принят и совершенствовался «Закон о поддержке восстановления жизни пострадавших» и другие меры. Однако Великое восточно-японское землетрясение 2011 г. по масштабу и тяжести ущерба было несопоставимо с землетрясением 1995 г., полученный опыт работы журналистов в пострадавших регионах во многом оказался бесполезным, что серьёзно сказалось на деятельности СМИ. Из-за обширной зоны поражения в первые две недели после землетрясения постоянно фиксировались свидетельства местных жителей о том, что «журналисты к нам приехали ... только сейчас» [2, р. 11]. Именно из-за масштаба территории возник диспропорциональный разрыв в степени интенсивности освещения событий – были районы, куда журналисты стекались массово, и районы, куда почти никто не добирался. Хотя опыт землетрясения в Кобе доказал, что неправильно сосредотачивать освещение исключительно на материалах, полученных в эвакуационных пунктах, фактически подобная практика продолжалась¹. Кроме того, поскольку землетрясение охватило столь обширную территорию, положение пострадавших граждан и их потребности значительно различались. Это касается, например, контраста информационных сюжетов о повседневных трудностях жителей Токио после катастрофы, и жизни тех жителей региона Тохоку, кто потерял близких и жильё после цунами. Это повлекло за собой этическую проблему – как СМИ могут и должны привлекать внимание к индивидуальным трудностям и переживаниям каждого пострадавшего [9, р. 6].

¹ При освещении стихийных бедствий, встреч на высшем уровне, форумов и прочих информационных поводов журналисты в Японии, как правило, сосредотачиваются в организованных рядом с местом событий пресс-румах. В данном случае критика работы журналистов была направлена на то, что они ограничивались материалами, собранными у пострадавших в центрах эвакуации, не выходя и не выезжая за пределы крайне ограниченной территории или даже помещения.

Во-вторых, данное землетрясение стало для Японии первым стихийным бедствием в эпоху повсеместного распространения цифровых информационных технологий, прежде всего, сети Интернет. Очевидно, что данный аспект оказывает значительное влияние на исследования медиасреды Японии, позволяя выделить две ключевые проблемы. С одной стороны, произошла диверсификация субъектов информационного поля. Благодаря развитию цифровых технологий государственные органы, муниципалитеты, коммерческие и неправительственные организации получили возможность распространять информацию самостоятельно, без посредничества традиционных СМИ – телевидения, газет и радио. Это поставило вопрос о медийном потенциале различных институтов и организаций, поставив вызов их способности к отбору, обработке и распространению информации. Для самих масс-медиа это событие стало вызовом, в рамках которого одновременно проверялись их способность к гейткипингу², прежде всего, в фильтрации информации от первичных источников, и функционирование СМИ в качестве самих этих первичных источников, оперативно предоставляющих информацию с места событий. С другой стороны, рядовые граждане, ранее рассматривавшиеся исключительно как получатели информации, благодаря распространению цифровых технологий стали в условиях катастрофы активными поставщиками информации: они самостоятельно устанавливали местонахождение своих потерянных близких, поддерживали связь с родными и друзьями, предоставляя необходимые сведения «с места событий». Кроме того, информация о работе коммунальных служб, а также слухи и сообщения от знакомых распространялись по множеству разнообразных каналов. Таким образом, в обществе в целом сформировалась новая модель информационного поведения [9, р. 7; 10, р. 36–37].

Третьей особенностью Великого восточно-японского землетрясения можно считать создание и постоянное расширение накопленной базы материалов репортажей СМИ о событии посредством цифровизации. Землетрясение 2011 г. стало важной вехой

² Гейткипинг (от англ. *gatekeeping* – «охрана ворот») – это процесс отбора, фильтрации и контроля информации, которая в конечном итоге попадает в средства массовой информации.

для развития архивов журналистики Японии, поставив вопрос о форме, методах сбора и хранения материалов. Но этот процесс сопряжён с трудностями: из-за колоссального масштаба бедствия объём данных (видеозаписей, аудиоматериалов, печатных источников и других видов документирования) оказался огромным. Архивы содержат не только материалы СМИ, но также видеозаписи, сделанные Токийской электроэнергетической компанией (TEPCO), государственными структурами, местной полицией и пожарными подразделениями, Силами самообороны Японии, а также личные видеозаписи и фотографии граждан. Возникает вопрос: каким образом следует обеспечить преемственность исторической памяти в обществе Японии, как сохранять и передавать это наследие будущим поколениям, а также в какой форме обеспечивать к ним доступ?

Четвёртой особенностью Великого восточно-японского землетрясения является то, что оно произошло в эпоху глобализации. Начиная с первых минут после катастрофы, информация о землетрясении: магнитуде, масштабах ущерба, числу пострадавших и прочих деталях стала распространяться по всему миру буквально в режиме реального времени. Массовое негативное воздействие бедствия на экономику Японии, выразившееся в вынужденной остановке производства, прекращению экспорта ряда товаров, разрыву глобальной системы цепочек поставок продукции осложнило ситуацию на мировом рынке. Таким образом, восстановление пострадавших районов Японии стало объектом пристального внимания во всем мире. Кроме того, массовые интернет-трансляции позволили зрительской аудитории СМИ Японии параллельно просматривать репортажи зарубежных массмедиа и сопоставлять их с общенациональными, японскими, анализируя подходы к сбору информации, её достоверность, сходства и различия в интерпретации происходящего.

Наконец, пятой особенностью Великого восточно-японского землетрясения является сочетание его последствий с аварией на АЭС «Фукусима-1». Это ключевой фактор, определивший характер всей катастрофы. Взрыв на станции и последующие новости о радиоактивном загрязнении поколебали в социуме Японии фундаментальную веру в науку и технологии, которые ранее считались

источником благополучия, безопасности и стабильности для человечества. СМИ и журналистика Японии, стремительно развивавшиеся с конца XIX в., на протяжении XX века функционировали на основе идеологии рефлексивной модернизации в трактовке немецкого политического философа У. Бека [1] и находились с наукой в связи «сосуществования и взаимного процветания» (共存共栄). Поэтому авария на АЭС «Фукусима» не только во многом определила характер самой катастрофы, но и стала поворотным моментом, поставившим под вопрос существовавшие формы журналистики модерна и обозначившим наступление эпохи «после 11 марта», требующей пересмотра прежних подходов [9, p. 7–9].

В контексте ликвидации последствий Великого восточно-японского землетрясения 2011 г. средства массовой информации Японии продемонстрировали дуализм своей функциональности. С одной стороны, они выполнили критически важную роль в оперативном распространении экстренной информации, сведений о жертвах, масштабах ущерба и координации спасательных мероприятий, а также в поддержании общественного внимания к процессу длительного восстановления пострадавшего региона Тохоку¹. С другой стороны, катастрофа рельефно выявила ряд системных дисфункций, которые можно консолидировать в четыре ключевых проблемных кластера.

Во-первых, была выявлена ограниченная эффективность традиционных СМИ как инструмента кризисной коммуникации в условиях коллапса критической инфраструктуры. Несмотря на существование в Японии, стране с высокой сейсмической угрозой, отработанных протоколов освещения катастроф, их применение оказалось неадекватным вызовам масштабного и пролонгированного отказа энергосистем и телекоммуникаций. Разрыв коммуникаций привёл к тому, что жизненно важные оповещения (о цунами, эвакуации) не достигли целевых групп населения, что обусловило высокую летальность от цунами и стало предметом профессиональной рефлексии в медиасреде [6].

¹ Тохоку – регион в восточной части о. Хонсю, включающий шесть префектур: Акита, Аомори, Иватэ, Мияги, Фукусима и Ямагата.

Во-вторых, в рамках освещения аварии на АЭС «Фукусима-1» проявилась структурная проблема, характерная для японской медиасистемы, – доминирование «журналистики официальных сообщений» пресс-клубов [5]¹. После утечки радиоактивных веществ на АЭС «Фукусима-1» общенациональные СМИ, следуя государственным регламентам о зонах отчуждения, добровольно ограничили прямое присутствие журналистов в радиусе 30–40 км от эпицентра событий. Это привело к тому, что информационная повестка стала формироваться преимущественно на основе пресс-релизов правительства, Токийской энергетической компании (TEPCO) и Агентства по ядерной и промышленной безопасности (NISA)². В результате этого в публичное пространство Японии проникла расплывчатая формулировка «отсутствие немедленного воздействия на здоровье» при дефиците актуальных данных о реальном статусе аварии и радиационной обстановке, что спровоцировало потерю общественного доверия к медиаинститутам.

В-третьих, масштабность разрушений обусловила возникновение упомянутого выше феномена «информационного неравенства» и «территориальной диспропорции медийного освещения» [9]. Кадровые ресурсы СМИ концентрировались в основном в ограниченном числе локаций, таких как Кесэннума (преф. Мияги), Минамисанрику (преф. Мияги), и Рикудзэнтаката (преф. Иватэ), где крупные эвакуационные центры использовались в качестве ключевых информационных хабов. Подобная географическая селективность привела к формированию в медиапространстве «привилегированных» зон, в то время как значительное число пострадавших

сообществ оставалось на периферии общественного внимания. Данная диспропорция имела прямые практические последствия, выразившиеся в неравномерном распределении гуманитарной помощи и материальных ресурсов среди населения Японии. Кроме того, в пострадавших от бедствия районах наиболее уязвимые категории населения — престарелые, инвалиды, иностранные граждане – столкнулись с эффектом «информационной маргинализации», что усугубило их положение и способствовало возникновению вторичных рисков [3].

В-четвёртых, с течением времени всё более явной становилась проблема нивелировки общественного интереса и постепенной эрозии коллективной памяти о катастрофе, в которой СМИ выступили в качестве активного катализатора. Наблюдалась устойчивая отрицательная динамика в объёме газетных публикаций и телевизионных репортажей, посвящённых проблематике восстановления. Наряду с количественным сокращением, качество освещения характеризовалось фрагментарностью и тематическим сужением, при котором фокус внимания смещался на отдельные, зачастую демонстративные, кейсы и локации, оставляя за рамками повестки дня системные проблемы и нужды многих пострадавших сообществ [4, р. 40–41; 7].

После Великого восточно-японского землетрясения 2011 г. в медиасфере Японии произошёл переход традиционных печатных и вещательных СМИ от кризисного состояния к многоуровневой гибридной информационной экологии современности, пройдя несколько чётких этапов, отражающих изменение общественного запроса и технологий (Таблица 1).

В 2011 году кризис выявил уязвимость инфраструктуры и зависимость СМИ от официальных источников, что спровоцировало рост значения местных медиа и гражданской журналистики. В период с 2012 г. по 2015 год сформировались системные ответы: развитие журналистских расследований, этики освещения катастроф и критики пресс-клубов. Началось архивирование материалов и академическое осмысление роли медиа. К 2016–2019 гг. фокус сместился на сохранение памяти о трагедии через масштабные спецпроекты к пятилетию события и укрепление роли цифровых платформ. 2020 год, отмеченный пандемией COVID-19, позволил

¹ Пресс-клуб (記者クラブ) – институционализированное, но формально добровольное объединение представителей крупных СМИ Японии, созданное для обеспечения регулярного и привилегированного доступа к информации государственных учреждений, публичных организаций и отраслевых ассоциаций. В англоязычной литературе термин часто передаётся как kisha club или kisha kurabu. Freeman, Laurie Anne. Closing the Shop: Information Cartels and Japan's Mass Media. Princeton University Press, 2000. P. 68. 256 p.

² Критика в адрес действий этого агентства после катастрофы 2011 г. в Японии была настолько сильна, что оно было упразднено в сентябре 2012 г. и его функции переданы созданному вновь Управлению по ядерному регулированию (NRA).

провести параллели между кризисными коммуникациями, а 2021 год (десятилетие катастрофы) стал пиком журналистики исторической памяти. В 2022–2025 гг. ключевыми трендами стали интеграция тем восстановления в климатическую повестку, поиск финансовой устойчивости для региональных СМИ и внедрение технологий для цифровизации коллективной памяти.

Анализ трансформаций медийного поля после Великого восточно-японского землетрясения 2011 г. показывает, что катастрофа стала отправной точкой структурного и содержательного перелома в журналистике современной Японии (Таблица 1).

Таблица 1.

Эволюция медиасферы Японии после Великого восточно-японского землетрясения (2011–2025 гг.) [Составлено автором статьи по: 4; 6; 9; 10].

Год	Основные тенденции в медиасфере Японии
2011 (год катастрофы)	<ul style="list-style-type: none"> • Разрушение инфраструктуры вещания и связи; рост значения местных газет и радиостанций, выпускавших информацию в полевых условиях (например, написанные от руки стенгазеты в пострадавших регионах). • Критика зависимости национальных СМИ от официальных источников правительства и ТЕРСО.
2012–2015	<ul style="list-style-type: none"> • Развитие жанра журналистских расследований и гражданской журналистики. • Активизация независимых новостных платформ (Independent Web Journal (IWJ), OurPlanet-TV и др.). • Начало систематического освещения тем дезинформации, особенно в вопросах радиационных рисков. • Формирование концепции «этики журналистики катастроф». • Реформы в содержании учебных курсов журналистики. • Начало исследований состояния медиа после катастрофы. • Усиление критики системы пресс-клубов. • Становление формата долгосрочных репортажей о жизни в пострадавших регионах. • Снижение общего объема публикаций о катастрофе и начало архивирования материалов.
2016–2019	<ul style="list-style-type: none"> • Всплеск внимания к десятилетию катастрофы («пятилетние спецпроекты»). Акцент на теме «забвения» и сохранения исторической памяти о бедствии. Создание и расширение онлайн-архивов видеоматериалов. • Укрепление роли новых медиа (YouTube, Yahoo! News Special и др.). • Развитие формата репортажей с участием жителей пострадавших районов.
2020 (период COVID-19)	<ul style="list-style-type: none"> • Сопоставление подготовки и трансляции сюжетов кризисной тематики во время пандемии и после катастрофы 2011 г. • Массовый переход на дистанционные формы интервью и пресс-конференций.
2021 (десятилетие катастрофы)	<ul style="list-style-type: none"> • Пик проявлений журналистики коммеморации, сверхконцентрация спецпроектов и памятных сюжетов о катастрофе. • Продвижение архивных и документальных форматов репортажей о событии.
2022–2025	<ul style="list-style-type: none"> • Проведение параллелей между феноменами «восстановления после катастрофы» и тематикой «климатической устойчивости». • Дискуссии о долгосрочной финансовой устойчивости региональных СМИ Японии. • Внедрение технологий искусственного интеллекта и автоматизированного перевода в журналистике. • Новые подходы к цифровизации коллективной памяти.

Во-первых, была зафиксирована масштабная перестройка медиасистемы: традиционные СМИ столкнулись с перебоями вещания из-за разрушений инфраструктуры и

отключений электроэнергии, что привело к стремительному усилению роли интернет-платформ, социальных сетей и мобильных сервисов. В этих условиях получила распро-

странение практика «медиамикса», то есть параллельного использования нескольких каналов передачи одних и тех же данных, а также выросло значение региональных медиа, сумевших установить устойчивую коммуникацию с пострадавшими сообществами и предложить альтернативу централизованным потокам информации от общенациональных СМИ.

Во-вторых, изменились содержание и структура журналистских материалов: сформировался феномен коммеморативной журналистики, т. е. концентрации тематических программ в годовщину катастрофы; сместились тематические акценты – от раннего доминирования сюжетов о ядерной аварии к освещению процессов восстановления и социальной адаптации; наблюдается тенденция к общему сокращению объёма публикаций о землетрясении, временно возрастающему во время новых чрезвычайных ситуаций.

В-третьих, существенные изменения произошли в сфере профессиональной этики и фокусе на точке зрения пострадавших. Журналистика стала уделять больше внимания долгосрочному восстановлению, устойчивости сообществ и человеческим историям, усилился интерес к этике освещения катастроф, включающей уважение к частной жизни, защите достоинства пострадавших и ответственному обращению с данными.

Важным направлением стало предотвращение забвения, сохранение исторической памяти о бедствии – сохранение и архивиро-

вание медийных материалов, изучение эволюции нарратива о трагедии. Параллельно в Японии сохраняется острая потребность в обеспечении достоверности информации и координации между государственными органами, медиа и телекоммуникационными компаниями для противодействия дезинформации и распространению паники. В совокупности эти процессы свидетельствуют о переходе от традиционной модели репортажей о катастрофе к модели «журналистики соучастия», основанной на региональном контексте, множественности каналов и взаимодействии с гражданами. Вместе с тем сохраняются существенные вызовы: неравенство ресурсов между региональными и общенациональными медиа, постепенное сокращение общественного интереса и объёма репортажей по прошествии времени после события, рост рисков распространения фейковой информации в социальных сетях, а также сложности поддержания устойчивых связей между журналистами и пострадавшими сообществами. Практическая значимость выявленных тенденций заключается в возможности их использования при разработке образовательных программ в области журналистики, подготовке специалистов по коммуникации в чрезвычайных ситуациях и совершенствовании систем взаимодействия между СМИ и государственными структурами в условиях крупных бедствий, которые так часты в Японии.

Список литературы:

1. Beck, U. et al. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / U. Beck. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 234 p.
2. Freeman, L.A. Closing the Shop: Information Cartels and Japan's Mass Media / L.A. Freeman. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 256 p.
3. 米倉律. 災害時における在日外国人のメディア利用と情報行動. 4 国籍の外国人を対象とした電話アンケートの結果から [Ёнэкура Рицу. Использование медиа и информационное поведение иностранцев в Японии во время стихийных бедствий. На основе результатов телефонного анкетирования иностранцев из 4 стран] // 放送研究と調査. – 2012. – Vol. 8. – P. 62–75.
4. 米倉律. 地域メディアが伝える震災と復興. 東日本大震災の被災地で活動する ジャーナリスト達の 5 年 [Ёнэкура Рицу. О чём говорят региональные СМИ: землетрясение и восстановление. Пять лет работы журналистов в зоне бедствия Великого восточно-японского землетрясения] // 日本オーラル・ヒストリー研究. – 2016. – Vol. 12. – P. 39–57.
5. 伊藤守. ドキュメント. テレビは原発事故をどう伝えたのか [Ито Мамору. Как телевидение транслировало сюжеты аварий на АЭС]. – [東京:平凡社], 2020. – 265 p.
6. 加藤昌宏. 東日本大震災を私たちはどう伝えたか. 被災地の放送局として // 丹羽美之・藤田真文編. メディアが震えた. テレビ・ラジオと東日本大震災. [Като Масахиро] Как мы рассказали

о Великом восточно-японском землетрясении: корпункт вещательной корпорации в зоне бедствия // Нива Ёсиюки, Фудзита Мафуми (ред.). СМИ содрогнулись: Телевидение, радио и Великое восточно-японское землетрясение. – 東京: 東京大学出版会 [Токио: Токёдайгакукай], 2013. – 414 p.

7. 西田義行. テレビが記録した『震災』『原発』の3年. メタデータ分析を中心に [Нисида Ёсиюки. Три года «землетрясения» и «аварии на АЭС» в трансляции телевидения: акцент на анализ метаданных]//サンティナビリティ研究. – 2015. – Vol. 5. – P. 125–143.

8. 谷原和憲. 巨大震災とテレビ報道. つまづきながら進んだ「複合災害」特番 [Танихара Кадзунори. Масштабное землетрясение в телеэфире: Спецвыпуск о комплексной катастрофе, создававшийся в трудных условиях] // Journalism. – 2011. – Vol. 6. – No.253. – P. 4–11.

9. 林香里. 震災後のメディア研究. ジャーナリズム研究 [Хаяси Каори. Исследования СМИ и журналистики в период после стихийных бедствий] //マス・コミュニケーション研究. – 2013. – Vol. 82. – P. 3–17.

10. 林春男. 東日本大震災と災害報道 [Хаяси Харуо. Землетрясение и цунами в Восточной Японии и освещение катастрофы в СМИ] //放送メディア研究. – 2014. – Vol. 11. – P. 13–41.

Центр глобальных и региональных исследований; Лаборатория Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, РФ

УДК 347.73

*В. С. Комбарова**Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент М. О. Румянцева***АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА НОВОГО БАНКА РАЗВИТИЯ И ПУЛА УСЛОВНЫХ ВАЛЮТНЫХ РЕЗЕРВОВ БРИКС**

В данной статье рассматриваются механизмы, созданные странами БРИКС, такие как Новый банк развития и Пул условных валютных резервов. Основное внимание уделено целям и функциям данных организаций, которые направлены на поддержание финансовой стабильности, укрепление региональной интеграции и стимулирование устойчивого развития. Обосновывается значимость указанных инициатив в рамках глобального контекста, подчёркивая их вклад в построение альтернативных моделей финансирования и противодействия международным финансовым рискам.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество; БРИКС; Новый банк развития (НБР); Пул условных валютных резервов; устойчивое развитие.

*V. S. Kombarova**Scientific supervisor – Candidate of Law, Associate Professor M. O. Romyantseva***ANALYSIS OF THE LEGAL STATUS OF THE NEW DEVELOPMENT BANK AND THE POOL OF CONDITIONAL FOREIGN EXCHANGE RESERVES OF THE BRICS**

This article examines the mechanisms created by the BRICS countries, such as the New Development Bank and the Pool of Conditional Foreign Exchange Reserves. The main focus is on the goals and functions of these organizations, which are aimed at maintaining financial stability, strengthening regional integration and stimulating sustainable development. The importance of these initiatives within the global context is substantiated, emphasizing their contribution to building alternative financing models and countering international financial risks.

Keywords: economic cooperation; BRICS; New Development Bank (NDB); Pool of Conditional Foreign Exchange Reserves (PCFER); sustainable development.

Международное сотрудничество в экономической сфере играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и преодоления глобальных проблем. БРИКС представляет собой межгосударственное объединение, включающее в себя Федеративную Республику Бразилию, Российскую Федерацию, Республику Индию, Китайскую Народную Республику, Южно-Африканскую Республику, Объединённые Арабские Эмираты, Республику Иран, Арабскую Республику Египет, Федеративную Демократическую Республику Эфиопию, Республику Индонезию. Государства, входящие в данное объединение, занимают стратегически значимую позицию в глобальной экономической системе, аккумулируя совокупный объём валового внутреннего продукта, эквивалентный приблизительно 25% от общемирового показателя. Основной целью функционирования БРИКС является содействие расширению

возможностей для экономического взаимодействия между его участниками. Для достижения данной цели предполагается создание благоприятных условий для иностранных инвесторов и других хозяйствующих субъектов. Существенным элементом сотрудничества является внедрение механизмов, направленных на повышение финансовой устойчивости стран-участниц через согласованное использование экономических мер, способствующих поддержке их экономик.

Вопросы создания Нового банка развития (далее – НБР) начали обсуждаться во время четвёртого саммита БРИКС, который прошёл в Нью-Дели в 2012 году. Предполагалось, что данный банк будет направлен на финансирование проектов в сфере инфраструктуры и устойчивого развития, как в государства-участницах, так и в других странах с развивающейся рыночной экономикой. К пятому саммиту БРИКС в 2013 г. был подго-

товлен доклад с рекомендациями по созданию НБР, выполненный под руководством министров финансов стран-участниц. В нём подтверждалась целесообразность учреждения банка, и во время шестого саммита в Форталезе в 2014 г. лидеры стран подписали Соглашение о создании банка [2].

В рамках Форталезской декларации участники подчеркнули важность НБР для укрепления сотрудничества между странами БРИКС и дополнения усилий многосторонних и региональных финансовых институтов, что должно способствовать выполнению коллективных обязательств по обеспечению устойчивого и сбалансированного роста национальных экономик. Так, НБР имеет статус регионального банка развития.

После подписания Соглашения о штаб-квартире с правительством КНР и Меморандума о взаимопонимании с городским народным правительством Шанхая в 2016 г., банк начал полноценную работу. Интересы России в рамках НБР представляются Министерством финансов РФ. Изначально капитал банка составил 100 млрд долларов США, равномерно распределённый среди государств-учредителей. Заметим, что участие в НБР открыто не только для стран БРИКС, но и для любой страны-члена ООН, а также для международных финансовых организаций. Эти особенности формирования банка подчёркивают его уникальность как одной из немногих международных финансовых структур, основанных на принципах равноправия.

Руководящие органы НБР составляют: Совет управляющих, Совет директоров и Президент, выбираемый из числа стран-учредителей по ротационному принципу, в то время как вице-президенты назначаются от каждой из стран-учредителей [1]. В Форталезской декларации также определены функции банка и инструменты, которые будут использоваться для поддержки национальных экономик государств БРИКС. Основные функции НБР включают поддержку инфраструктурных проектов в области устойчивого развития, сотрудничество с международными и национальными учреждениями, предоставление консультаций при реализации проектов, а также управление специальными фондами, образованными из активов НБР.

НБР имеет право предоставлять финансирование через выдачу займов, гарантий и

долевого участия в совместных проектах, что обеспечивает финансовую поддержку широкого спектра заёмщиков. Однако банк ограничен рамками операционного лимита: общая сумма задолженности по обычным операциям не может превышать его неиспользованного капитала и резервов. При этом задолженность по специальным операциям, финансируемым за счёт специальных фондов, не должна превышать установленных лимитов для каждого фонда. В соответствии с Форталезской декларацией банк обеспечивает дифференциацию инвестиций в проекты. Финансирование, предоставляемое НБР, идёт исключительно на закупки товаров и услуг у стран-участниц БРИКС, но возможны исключения, которые могут быть утверждены Советом директоров. Для выполнения своих функций банк должен открыть счёт в национальной валюте государства-участника в государственном банке, что исключает необходимость конвертации валюты, упрощая управление своими ресурсами.

Данный банк активно устанавливает партнёрские отношения с национальными организациями, ответственными за содействие экономическому росту. В частности, в 2015 г. банки развития стран-участниц подписали Меморандум о намерениях, касающийся сотрудничества с НБР. В России такую роль выполняет государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ». В рамках сотрудничества рассматриваются вопросы, связанные с кредитными услугами, валютными операциями, выпуском облигаций и реализации совместных проектных программ.

С целью повышения финансовой устойчивости активы НБР классифицируются на обычные капитальные ресурсы и специальные фонды, создаваемые по решению Совета директоров, в соответствии со статьей 18 Форталезской декларации. Обычные капитальные ресурсы включают уставной капитал банка, привлечённые кредиты и средства, полученные от погашения ранее выданных займов, гарантий и инвестиций. Важно, чтобы обычные капитальные ресурсы и средства специальных фондов использовались и хранились отдельно, что должно подтверждаться соответствующими финансовыми отчётами. Обычные капитальные ресурсы НБР также выполняют стабилизационную функцию, поскольку согласно Форталезской декларации существует запрет на покрытие убытков, воз-

никших в результате использования специальных фондов, за счёт обычных капитальных ресурсов.

Так, банк играет важную роль в обеспечении устойчивого сотрудничества между государствами БРИКС и содействует их стабильному развитию. В дополнение к НБР был создан Пул условных валютных резервов объединения, представляющий собой фонд, сформированный странами-участницами. Правовой основой функционирования Пула является Договор о его создании, подписанный в Форталезе в 2014 году и ратифицированный Федеральным законом Российской Федерации от 02.05.2015 № 107-ФЗ [4].

Основной целью создания Пула является противодействие краткосрочным негативным влияниям на платёжные балансы стран-участниц БРИКС и укрепление их финансовой стабильности. Пул создан с намерением минимизировать последствия волатильности на внешних рынках и обеспечить экономическую безопасность для стран-участников. Общая сумма финансовых средств в Пуле составляет 100 млрд долларов США, однако распределение между странами не является равномерным:

– Китай – 41 млрд долларов (41%);

– Бразилия, Россия, Индия – по 18 млрд долларов (18% каждая);

– ЮАР – 5 млрд долларов (5%) [1].

Страны БРИКС могут использовать средства Пула для получения дополнительного финансирования, применяя один из двух инструментов: первый предназначен для обеспечения ликвидности в условиях краткосрочного давления на платёжный баланс, а второй – для финансовой помощи в случае вероятности возникновения краткосрочных проблем с платежами. Процесс предоставления средств осуществляется на основании межбанковского соглашения, заключаемого между центральными банками стран, участвующих в БРИКС. Финансирование из Пула осуществляется через механизмы валютных свопов. Сделка по валютному свопу представляет собой соглашение между центральным банком страны-заявителя и центральным банком предоставляющей страны, в рамках которого первый покупает доллары США, а взамен передаёт свою валюту. Позднее центральный банк страны-заявителя обязуется выкупить свою валюту за доллары и уплатить проценты за использование финансирования.

Правовой механизм создания Пула и обеспечения финансирования за его счет включает несколько ключевых шагов:

1) Страны-участницы БРИКС формируют Пул через первоначальные взносы, предоставляющие заранее определённый объём кредитной линии. Эти средства страны обязуются предоставлять друг другу в случае возникновения кризисных ситуаций на международных финансовых рынках. Важно отметить, что до момента выделения финансирования конкретному члену Пула, страна сохраняет право собственности на свои денежные средства, входящие в состав взноса.

2) Если какая-то страна нуждается в финансировании (запрашивающая сторона), она отправляет свою заявку в Постоянный комитет Пула. Этот комитет проводит проверку, чтобы определить, есть ли основания для предоставления финансирования. По итогам рассмотрения Постоянный комитет оценивает соответствие запрашивающей стороны установленным критериям заимствования. Например, финансирование может быть выделено на срок до одного года в размере, соответствующем взносу этой страны, только при наличии соглашения с Международным валютным фондом о предоставлении дополнительного финансирования. В случае, если такое соглашение отсутствует, средства из Пула будут предоставлены на срок до шести месяцев в размере 30% от суммы внесённого взноса запрашивающей стороны, согласно статье 5 Договора о создании Пула.

3) На основании решения Постоянного комитета центральный банк страны, которая подала запрос инициирует операцию валютного свопа, в рамках которой он покупает доллары США у стран-участниц БРИКС, используя свою национальную валюту [5].

Правовые статусы НБР и Пула свидетельствуют о том, что финансовое сотрудничество между членами БРИКС в первую очередь нацелено на взаимную поддержку экономического развития каждого из государств. Это достигается через инвестиции в инфраструктурные проекты, предоставление дополнительного финансирования для реализации механизмов поддержки в условиях кризиса.

Для дальнейшего прогресса данных структур следует учесть опыт других успешных интеграционных объединений:

– Создание общего рынка товаров и услуг. Например, Европейский союз имеет

общую таможенную зону и обеспечивает свободное перемещение товаров, капитала и рабочей силы. Введение таких мер может значительно укрепить экономические связи между странами БРИКС. Образование общего таможенного пространства повысит конкурентоспособность каждой отдельной страны, снизит торговые издержки и даст толчок к увеличению производства и экспорта.

–Привлечение новых участников, обладающих высоким экономическим потенциалом и заинтересованностью в сотрудничестве, может усилить влияние и привлекательность блока. Ярким примером такой стратегии является Ассоциация Юго-Восточной Азии (АСЕАН), где состав участников постепенно расширяется, что, в свою очередь, спо-

собствует росту внутреннего рынка и увеличению объемов торговли [3, с. 100].

Исследования показывают, что НБР и Пул условных валютных резервов играют ключевую роль в международном сотрудничестве стран БРИКС, обеспечивая финансовую поддержку и содействуя устойчивому развитию. Оба института успешно реализуют свои функции, укрепляя позиции стран-участниц на мировой арене. Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, существует ряд вызовов, таких как ограниченные ресурсы и сложности в координации политики между государствами-членами. Для решения этих вопросов необходимо повысить уровень прозрачности и улучшить механизмы регулирования.

Список литературы:

1. Горбунова, М.Л., Ливанова, Е.Ю., Елизарова, Н.К., Овчинников, В.Н. Пул условных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами / М.Л. Горбунова, Е.Ю. Ливанова, Н.К. Елизарова, В.Н. Овчинников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 4 (48). – С. 7–18.
2. Дилинуэр, А. Исследование Нового банка развития БРИКС / А. Дилинуэр // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 6. – С. 512–514.
3. Кузнецов, С.В. Банки развития: международный опыт правового регулирования: монография / С.В. Кузнецов. М.: Юстицинформ, 2018. – 216 с.
4. Федеральный закон «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС» от 02.05.2015 № 107-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178877/ (дата обращения 23.10.2025).
5. Ray, R. Who Controls Multilateral Development Finance? / R. Ray // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. – 2021. – № 27. – P. 118–143.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, РФ

УДК 342.3

*Е. А. Шкарупа**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доктор политических наук,
доцент Е. В. Безвиковная***РОССИЙСКАЯ (ГРАЖДАНСКАЯ) ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ**

В статье рассматривается формирование российской гражданской идентичности как ключевого элемента нациостроительства в условиях современных вызовов и перемен. Анализируется социально-правовой контекст, в котором происходит этот процесс, с акцентом на стратегические ориентиры Российской Федерации.

Ключевые слова: российская идентичность; Российская Федерация; гражданская идентичность; государственная политика; Конституция РФ; Президент РФ.

*E. A. Shkarupa**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Associate
Professor E. V. Bezikonnaya***RUSSIAN (CIVIL) IDENTITY: SOCIO-LEGAL CONTEXT OF FORMATION**

The article examines the formation of Russian civil identity as a key element of nation-building in the context of modern challenges and changes. The socio-legal context in which this process takes place is analyzed, with a focus on the strategic guidelines of the Russian Federation.

Keywords: Russian identity; Russian Federation; civil identity; state policy; Constitution of the Russian Federation; President of the Russian Federation.

В условиях XX столетия, особенно в контексте перехода от SPOD к VUCA миру, проблема феномена российской (гражданской) идентичности обусловлена рядом взаимосвязанных факторов, отражающих комплексные видоизменения в социополитической структуре и геополитической реальности [7, с. 215]. Глобализация, интенсификация миграционных процессов, расширение информационного пространства и феномена регионализации формируют условия для устойчивой гражданской идентичности. Изучение социально-правового контекста формирования идентичности представляет собой задачу первостепенной значимости для выработки эффективных механизмов государственной политики, направленных на консолидацию общества, укрепление российской государственности и выстраивания публично-правового пространства России. Проблемное поле исследования российской гражданской идентичности отличается многоаспектностью, что требует применения междисциплинарного подхода. В научных исследованиях наблюдается множество трактовок понятия и содержания идентичности, однако отсутствует единство в его интерпретации

как в рамках отдельных дисциплин, так и в общественных науках в целом [1, с. 86]. Это обусловлено трансформацией понятия «гражданская идентичность» на различных исторических этапах.

Возможно, выделить несколько этапов становления и развития феномена идентичности. Примерно с 1970-х гг. в СССР активно и целенаправленно формировалось представление о «советскости» («советский человек») в качестве компонента гражданской идентичности. Однако попытки системного осмысления ценностных установок советского человека начинается ранее. Можно обратить внимание на «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый на XXII съезде КПСС в 1961 г., который представляет собой свод принципов, формирующих основы коммунистической морали и направленных на нравственное воспитание молодёжи в социалистическом обществе. В основе кодекса лежит идея преданности делу коммунизма и любви к Родине, что определяет тенденции нравственного развития личности в контексте социалистических ценностей. В СССР чётко формулируется запрос на определённый вид идентичности – социокультурную (коллек-

тивную). Идентичность советского человека формировалась в рамках специфического типа социальности, определявшего формы жизни, деятельности и самореализации, а также характер социальных связей. Доминирующая концепция тоталитаризма, объясняющая советскую идентичность, имеет ограничения, поскольку не охватывает в полной мере пространство повседневности и представляет человека исключительно как продукт идеологического проекта.

Распад СССР, отказ на государственном уровне от коммунистической идеологии и возникновение на его территории новых государственных образований вызвали кризис идентичности [14, с. 17]. Политико-экономические преобразования 1990-х гг., сопровождаемые социокультурным кризисом, привели к разрушению системы ценностей и смыслов, определявших самоидентификацию «советского человека».

В 2000-е гг. ценностно-символическое пространство российской идентичности начало постепенно заполняться: формировался определённый ценностный консенсус, появлялись отдельные позитивные символы. Во второй половине десятилетия в качестве основы самоидентификации значительной части молодёжи утверждалось восприятие России как сильной и независимой страны, пользующейся влиянием на мировой арене. В результате этого возникла пустота в образно-символическом пространстве российской идентичности, особенно среди молодёжи, что способствовало актуализации этнорегиональных идентичностей. Подобный переход от советской идентичности к российской привёл к смене ценностных ориентиров, что отразилось на системе ценностных приоритетов молодёжи и нарушило культурную преемственность поколений [7, с. 53].

Начало XXI века ознаменовалось активным процессом нацистроительства, проявляющимся в риторике руководства страны. В статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в рамках предвыборной президентской кампании 2012 г., подчёркивалось, что Россия – это гражданское, политико-правовое сообщество, которое требует определённой идентичности. В.В. Путин призывал к укреплению национального единства через совместные усилия и диалог между различными культурами [12, с. 19].

В частности, использование понятия «нация» в публичных выступлениях Президента РФ, особенно в его посланиях Федеральному собранию, приобретает значение государственной, гражданской общности, то есть политической нации, что отражается в использовании таких терминов, как «российская нация», «граждане России» и «единый народ России» [6, с. 215].

Теоретические основы исследования общих проблем формирования российской идентичности заложены в трудах Н. Я. Данилевского [5, с. 251], П. Н. Милюкова [11, с. 135], которые анализируют историко-политические предпосылки становления российской идентичности.

Гражданская идентичность – это единый конструкт, основанный на осознании индивидом своей принадлежности к определённому государству, выполнении прав и обязанностей, вытекающих из его правового статуса, а также признании исторического, культурного и политического контекста, в котором он существует. А российская идентичность представляет собой конструкт интеграции, характеризующий формирование и осознание россиянами своей государственной принадлежности и общего культурного пространства, в основе которого лежит исторический опыт, этнические традиции (поликультурность), коллективная память признания фундаментальных ценностей государства.

Государственная политика по формированию российской идентичности реализуется через систему взаимосвязанных институциональных инструментов, действующих на различных уровнях. Эффективность этой политики зависит от согласованности и системности действий различных институтов, учёта особенностей различных социальных групп и регионов, а также от способности государства балансировать между «политическим заказом» и самостоятельным осознанием личностью своей гражданской принадлежности.

В нормативно-правовой системе, регулирующей функционирование национального сообщества, особую значимость приобретают политико-правовые акты, обладающие доктринальной природой и выполняющие функцию концептуального обоснования. Среди таких документов особое место занимают доктрины РФ и ежегодные Послания Прези-

дента к Федеральному собранию. Реализуемый в президентских Посланиях дискурс, посвящённый проблемам консолидации российского общества, а также сохранения национальной идентичности в условиях глобализации.

Концептуальная основа гражданской (русской) идентичности формируется под влиянием как универсальных принципов демократического правового государства, так и специфических социокультурных и исторических особенностей России. Конституция страны, являясь ядром правовой системы, закрепляет основополагающие ценности, принципы, определяющие принадлежность к российскому государству и формирующие чувство общности среди его граждан.

Ключевая норма закреплена в Конституции РФ – идея «ответственности за Родину» отражена в преамбуле Конституции. Кроме того, концептуальные основы российской идентичности находят отражение в других основополагающих актах – различных концепциях и программах [3, с. 86]. При внесении в 2020 г. поправок в российскую Конституцию, инициированных Президентом в формате послания Федеральному собранию, актуализировался вопрос о российской конституционной идентичности [4, с. 24]. Появились ценности исторической направленности, которые свидетельствуют о значимости преемственности в развитии Российского государства. Например, в ст. 114 закреплено утверждение о сохранении «традиционных семейных ценностей», а в ст. 67.1 добавлены положения о важности воспитания в детях «патриотизма, гражданственности и уважения к старшим».

Также конституционно-правовой аспект российской идентичности определяется принципом гражданства. Тем самым, гражданство по ст. 6 Конституции РФ выступает в качестве первичного юридического основания для формирования российской идентичности, объединяя людей на основе принадлежности к одному государству и подчинения единым законам.

Конституционно-правовая основа российской идентичности также включает в себя положения, касающиеся государственной символики (ст. 70 Конституции РФ), государственного языка (ст. 68 Конституции РФ) и других элементов, символизирующих единство и суверенитет Российской Федерации.

Государственный флаг, герб и гимн выступают в качестве символов, объединяющих граждан и олицетворяющих государство. Русский язык, как государственный язык России, обеспечивает коммуникацию между различными этническими и культурными группами, проживающими на территории страны. Часть 3 ст. 69 Конституции РФ гарантирует соотечественникам поддержку в сохранении общероссийской культурной идентичности, что, в свою очередь, может способствовать формированию и сохранению у них гражданской идентичности [9].

На сегодняшний день время в документах по вопросам государственной национальной политики используется термин «русская гражданская идентичность». Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. отмечено, что недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения негативно влияет на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений [19].

Подзаконными актами, регламентирующими содержание гражданской идентичности, становятся преимущественно Указы Президента РФ. Так, Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 [21] задаёт вектор государственной политики на формирование общероссийской гражданской идентичности через историческое просвещение. Ключевыми задачами определены: укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей; сохранение исторической памяти о значимых событиях; популяризация достижений отечественной науки и культуры; патриотическое воспитание и сохранение памяти о защитниках Отечества и др. Указ подчёркивает важность объективной оценки исторических событий, противодействия фальсификациям истории и формирования у граждан уважения к историческому прошлому страны.

Распоряжение Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 1481-р [15] акцентирует внимание на роли языка как фактора формирования и трансляции культурных ценностей. Концепция закрепляет механизмы по защите и развитию русского языка как государственного, подчёркивает важность сохранения

языкового многообразия и духовно-нравственных ценностей. В формировании российской идентичности выводит консолидирующую роль русского языка, являющегося средством межнационального общения и обеспечивающего единство культурного пространства страны.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15 января 2024 г.) [19]. Стратегия содержит определение общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) как осознание гражданами РФ принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [20]. Документ представляет собой ключевой ориентир в сфере обеспечения национальной безопасности и определяет систему целей, задач и инструментов реализации национального приоритета – защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

В правовом поле Российской Федерации формирование общегражданской идентичности в России может способствовать укреплению единства нации, которая всё ещё находится на этапе своего становления. В тоже время, развитие этнокультурного многообразия может обогатить общегражданскую идентичность, создавая новые качества для солидаризации общества [2, с. 19]. Правовая основа российской идентичности представляет собой многоуровневую систему, которая обеспечивает юридическую и идейную основу для формирования чувства принадлежности к российскому государству. Развитие конституционно-правового регулирования в сфере национальной политики должно быть направлено на обеспечение равенства прав и свобод всех граждан, независимо от этнической, религиозной или социальной принадлежности, и создание благоприятных условий для гармоничного развития многонационального российского общества.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что формирование российской гражданской идентичности в социально-правовом контексте представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный исторической траекторией развития государства

[18, с. 43], существующей нормативно-правовой базой и социокультурными особенностями российского общества. Анализ реализации государственной политики в сфере формирования российской идентичности выявил ряд проблем, включая слабую институциональную организацию, незавершённость формирования символического поля и влияние трансформации информационного пространства [8, с. 251].

Существующая законодательная база характеризуется фрагментарностью и отсутствием комплексного подхода. Во-первых, несмотря на закрепление конституционных принципов и наличие отраслевого законодательства в сферах образования и национальной политики, констатируется отсутствие чёткого законодательного определения понятия «российская идентичность», вопреки и рядом существующему «гражданская идентичность» – в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, что создаёт предпосылки для произвольного толкования. Во-вторых, представляется существенным дефицит механизмов правового регулирования, направленных на эффективное противодействие распространению деструктивных идеологий и манипулятивных практик в цифровом пространстве, что обуславливает повышенную уязвимость молодого поколения к девальвации традиционных ценностей и формированию искажённых представлений о национальной истории и культуре. В-третьих, наблюдается нехватка правового регулирования процессов социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию, что затрудняет формирование у данной категории лиц чувства принадлежности к российскому обществу, уважения к его культурным и правовым нормам, а также создаёт предпосылки для маргинализации и социальной напряжённости.

Правовое регулирование формирования российской идентичности включает в себя широкий спектр вопросов, направленных на гармоничные межэтнические отношения. К ним относятся сохранение и развитие национальной самобытности, формирование единой общероссийской культуры, обеспечение достойных условий социально-экономического развития регионов и представителей всех социальных прослоек и эт-

нических групп, противодействие экстремизму [2, с. 18].

Особенность формирования гражданской идентичности в России – доминирование государственных институтов в процессе социализации. Образование, СМИ и другие институты политической социализации подвержены достаточно сильному государственному контролю. Государство посредством своей политики формирует определённый социокультурный контекст, который, в свою очередь, оказывает детерминирующее влияние на структуру правовой и политической среды российского общества, обусловленное его актуальными потребностями [10, с. 15].

В отличие от восточноевропейского опыта, российская власть не создала специализированные «мозговые» центры, такие как институты национальной памяти [16, с. 26].

В России политика по комплексному формированию идентичности не выделяется как самостоятельное направление государственной деятельности [17, с. 2263]. В стране отсутствует единая и чётко выверенная программа действий, способная объединить различные социальные и политические группы. Критика государственной политики идентичности в основном связана с декларативным характером законопроектов и недостаточной проработкой механизмов их реализации.

Среди основных проблем выделяются сложности в выстраивании иерархии региональной и государственной идентичности, особенно в регионах с сильным влиянием этнических и конфессиональных факторов, таких как национальные республики. Это приводит к фактическому подчинению государственной идентичности местным идентичностям [12, с. 54].

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы и активизацию усилий государства, сохраняются дисбалансы между ретроспективным и проективным компонентами, а также недостаточное вовлечение граждан в процессы формирования идентичности. Перспективные задачи включают совершенствование институционального дизайна, разработку эффективных механизмов мониторинга и учета региональных особенностей, а также активное использование культурного наследия и современных информационных технологий. Успешное решение этих задач позволит создать более устойчивую и консолидированную российскую идентичность, отвечающую современным вызовам и потребностям общества. Дальнейшие исследования необходимы для выработки конкретных рекомендаций по оптимизации государственной политики в данной сфере.

Список литературы:

1. Болтыков, О.В. Междисциплинарный анализ феномена гражданской идентичности и путей её формирования / О.В. Болтыков // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – №4 (59). – С. 85–89.
2. Васильева, Л.Н. Российская идентичность: правовые условия формирования / Л.Н. Васильева // Журнал российского права. – 2015. – №2 (218). – С. 16–25.
3. Виноградова, Е.В., Гоголев, А.М. Российская идентичность как элемент системы конституционных ценностей / Е.В. Виноградова, А.М. Гоголев // Евразийская адвокатура. – 2022. – №4 (59). – С. 85–88.
4. Виноградова, Е.В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь, против и ... против / Е.В. Виноградова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – №55. – С. 22–47.
5. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский; [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева]. – М: Книга, 1991. – 573 с.
6. Дробижина, Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л.М. Дробижина // Россия реформирующаяся. – 2008. – №7. – С. 214–227.
7. Евгеньева, Т.В., Селезнева, А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева // Полития. – 2017. – №4 (87). – С. 48–64.
8. Ефименко, В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «Гражданская идентичность» / В.Н. Ефименко // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №11. – С. 250–254.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. на 01.07.2020) // Pravo.gov.ru: офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 10.02.2025).
10. Конода, И.В. Становление гражданской идентичности россиян в процессе политической социализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И.В. Конода. – М., 2007. – 29 с.
11. Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х тт. Т. 2. [ч. 2]: Вера. Творчество. Образование. Культура / П. Н. Милуков. – М.: Прогресс. – 1994. – 491 с.
12. Попова, О.В. Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов / О.В. Попова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – №4 (61). – С. 50–56.
13. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин // Самарское региональное отделение полит. партии «Единая Россия»: офиц. сайт. URL: <https://samara.er.ru/activity/news/vladimir-putin-statya-rossiya-nacionalnyj-vopros?ysclid=mfy76b34vi329168213> (дата обращения: 04.06.2025).
14. Сомов, В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект / В.А. Сомов // Социологические исследования. – 2015. – №2. – С. 12–20.
15. Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481-п «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // Pravo.gov.ru: офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406140048> (дата обращения: 10.02.2025).
16. Титов, В.В. Политика формирования национально-государственной идентичности в современной России: проблемы и стратегические направления / В.В. Титов // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – №2. – С. 25–28.
17. Титов, В.В. Государственная политика идентичности в Российской Федерации / В.В. Титов // Вопросы политологии. – 2022. – №7 (83). – С. 2261–2268.
18. Тишков, В.А. Нация наций. О подходах к пониманию России / В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2023. – 69 с.
19. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 15 января 2024 г. № 36) // Pravo.gov.ru: офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212190001> (дата обращения: 10.02.2025).
20. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Pravo.gov.ru: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211090019> (дата обращения: 10.02.2025).
21. Указ Президента России от 08 мая 2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Pravo.gov.ru: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 10.02.2025).

Омский государственный педагогический университет, Омск, РФ

УДК 37.035.6:34

*А. А. Шляпников**Научный руководитель – доктор юридических наук, кандидат социологических наук,
доцент А.В. Кочетков***НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ**

В статье исследуется процесс нормативно-правового оформления военно-патриотического воспитания в Российской Федерации как системного элемента государственной политики. Цель работы – выявить логику и архитектуру сложившейся правовой модели. Методологической основой выступил последовательный анализ ключевых нормативных и правовых актов: от Конституции РФ и отраслевого законодательства до стратегий, программных актов и подзаконных норм. В результате исследования автор приходит к выводу о формировании целостной, иерархичной модели, состоящей из трёх взаимосвязанных уровней: 1) стратегического планирования (задающего цели и ценностные рамки); 2) правового регулирования (закрепляющего обязанности и механизмы реализации) и 3) уровень символической политики (или уровень политики памяти).

Делается вывод о том, что данная модель носит гражданско-охранительный и мобилизационный характер, будучи нацеленной не только на воспитание чувства патриотизма, но и на формирование качеств, необходимых для защиты государственного суверенитета и исторической правды. В заключение обосновывается перспектива систематизации данного правового поля через принятие базового федерального закона.

Ключевые слова: патриотизм; военно-патриотическое воспитание; традиционные ценности; гражданская идентичность; нормативно-правовая база; государственная политика.

*A.A. Shlyapnikov**Scientific supervisor – Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor – A.V. Kochetkov***LEGAL AND NORMATIVE MODEL OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION IN THE
RUSSIAN FEDERATION: STRUCTURE AND EVOLUTION**

The article examines the process of regulatory and legal registration of military-patriotic education in the Russian Federation as a systemic element of state policy. The purpose of the work is to identify the logic and architecture of the established legal model. The methodological basis was a consistent analysis of key documents: from the Constitution of the Russian Federation and sectoral legislation to strategies, program acts and by-laws. As a result of the research, the author comes to the conclusion about the formation of an integral, hierarchical model consisting of three interrelated levels.: 1) conceptually strategic (setting goals and value frameworks); 2) normative and managerial (fixing responsibilities and implementation mechanisms); 3) operationally symbolic (ensuring ritualization and field work).

It is concluded that this model has a civil protection and mobilization character, being aimed not only at fostering a sense of patriotism, but also at the formation of qualities necessary for the protection of state sovereignty and historical truth. In conclusion, the prospect of systematization of this legal field through the adoption of a basic federal law is substantiated.

Keywords: patriotism; military-patriotic education; traditional values; civic identity; regulatory framework; state policy.

Патриотическое воспитание в Российской Федерации претерпело значительные изменения, эволюционировав из общей воспитательной задачи в системный элемент государственной политики, обеспечивающий национальную безопасность и гражданскую консолидацию. Целью настоящего исследо-

вания является анализ нормативного закрепления данного процесса. На основе последовательного изучения ключевых актов – от Конституции РФ до текущих программных документов – в статье раскрывается логика построения целостной правовой модели, в которой военно-патриотическое воспитание

выступает не только как моральная ценность, но и как конституционная обязанность гражданина, а его воспитание становится инструментом защиты суверенитета и исторической правды.

Нормативно-правовая модель патриотического воспитания в России берёт начало в Конституции России, которая закладывает правовые и содержательные основы формирования государственной политики в данном направлении. Преамбула, устанавливая понятия «Отечество» и «исторически сложившееся государственное единство», формирует ценностный фундамент, на котором строятся последующие правовые конструкции. Ключевым элементом является ст. 59, закрепляющая, что «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина России» [2]. Данная норма переводит патриотизм из сферы личных убеждений и морального выбора в плоскость конституционно-правовой ответственности. Патриотизм обретает характер публичной обязанности, что служит правовым обоснованием для всей системы мероприятий по подготовке к военной службе.

Качественный скачок в конституционном закреплении произошёл с принятием поправки 2020 г., которая ввела ст. 67.1. Её норма – «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [2] – фактически возводит защиту исторической правды (в её государственно утверждённом понимании) в ранг основ конституционного строя. Тем самым государство получает полномочия и обязанность формировать и защищать официальную трактовку истории. Это закрепляет активную работу с исторической памятью как важнейший элемент патриотического воспитания.

Принципиальное значение для понимания российской модели имеет ст. 13 Конституции, которая закрепляет, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2]. Это создаёт специфический правовой баланс: государство продвигает патриотизм не как всеобъемлющую идеологическую доктрину, а именно как конституционную ценность и обязанность, производную от защиты суверенитета и исторической правды. Таким образом, конституционная конструкция российского патриотизма носит гражданско-

охранительный характер, где военно-патриотическое воспитание выступает ключевым механизмом реализации основного закона и обеспечения национальной безопасности.

Конституционные принципы получают свою конкретизацию в законах и иных нормативных правовых актах, регулирующих вопросы патриотического воспитания граждан России. Тем самым, патриотизм переходит из общей теоретической ценности в практическую деятельность органов публичной власти и институтов гражданского общества.

Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» выступает прямым продолжением конституционных принципов. В нем принята попытка внедрения патриотического воспитания в систему образования. Согласно статье 2, воспитание определяется как деятельность, направленная, в том числе, на «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества» [11]. Однако закон не раскрывает подробно, что такое патриотизм. Анализируя содержание ст. 2, можно предполагать, что патриотизм определяется через такие смысловые ориентиры и смежные понятия как гражданственность, уважение к памяти защитников Отечества и его героям.

Таким образом, закон ставит задачу воспитывать патриотизм, но не объясняет, что именно под этим понимать. Из-за этой неясности возникает потребность в дополнительных официальных документах, которые дадут единое толкование и покажут, как эту задачу выполнять на практике.

Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в контексте воспитания выявляет его роль как нормативного «стержня» всей системы военно-патриотического воспитания. Он выступает прямым развитием конституционной нормы о защите Отечества (ст. 59 Конституции РФ), переводя абстрактный долг в систему юридически обязательных требований. Ключевая особенность закона заключается в установлении взаимной правовой обусловленности обязанностей гражданина и государства:

– преамбула закона возлагает на граждан обязанность «по защите Отечества»;

– статья 14 предписывает должностным лицам и организациям «организовывать и проводить военно-патриотическое воспитание» [10].

Данная правовая конструкция придаёт всей соответствующей деятельности не рекомендательный, а обязательный характер. Закон не только регулирует административные процедуры, связанные с военной службой, но и официально закрепляет всю инфраструктуру допризывной подготовки в качестве механизма реализации конституционного долга.

Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» представляет собой следующий этап нормативной эволюции.

В пункте 4 статьи 2 Закона патриотическое воспитание прямо закрепляется в качестве одного из основных понятий государственной молодежной политики. Это понятие получает содержательное наполнение в пункте 4.1 статьи 2, где патриотизм коррелирует с иными основополагающими ценностями: исторической памятью и преемственностью поколений [12]. Таким образом, патриотизм приобретает статус не просто отдельного направления работы, а методологического основания, определяющего цель и допустимые инструменты во всей сфере молодежной политики Российской Федерации.

Следовательно, ФЗ «О молодежной политике» выстраивает патриотическое воспитание уже не как набор мероприятий, а как системную политику по формированию идентичности. Он создает правовые основания для формирования единого патриотического контура вокруг молодого человека.

Нормативно-правовая модель патриотического воспитания получает свою конкретизацию и механизмы реализации в документах стратегического и программного планирования. Данный уровень регулирования выполняет функции перевода законодательных норм в систему управленческих действий, распределения ресурсов и межведомственной координации.

Указ Президента от 20.10.2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания», исходящий от главы государства, прямо определил патриотическое воспитание как направление государственной политики. В целях его совершенствования было создано Управление Президента Российской Федера-

ции по общественным проектам, ответственное за реализацию государственной политики в вопросе патриотического воспитания. Указ заложил основы для системной работы по военно-патриотическому воспитанию [8].

Итак, Указ № 1416 закрепил модель, при которой государство выступает в роли главного субъекта, ответственного за формирование гражданской идентичности на основе утверждённых ценностей, и создал для этого необходимые управленческие инструменты.

В рамках данного исследования важно провести анализ Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и распоряжения Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 года». Принятые с интервалом в три года, эти два документа образуют связку «доктрина – план действий», знаменующую новый этап государственной политики.

Указ № 809 выполняет функцию смыслового и ценностного восприятия. Он помещает патриотизм в четко очерченный нормативный ряд «традиционных ценностей» (Раздел I. п. 5), таких как жизнь, достоинство, служение Отечеству и историческое единство [7]. Указ констатирует существование системных угроз этим ценностям и провозглашает их защиту основой национального суверенитета.

Таким образом, патриотическое воспитание рассматривается как механизм воспитания человека, который не только разделяет эти ценности, но и готов их активно отстаивать.

Распоряжение Правительства № 2970-р является прямым механизмом реализации доктрины, установленной Указом № 809. Этот документ представляет собой подробную «дорожную карту», которая детализирует абстрактные цели в конкретные мероприятия с указанием ответственных исполнителей и сроков. Распоряжение утверждает комплекс мер по патриотическому воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 года. Рекомендует исполнительным органам субъектов Российской Федерации при формировании и реализации региональных комплек-

сов мер по патриотическому воспитанию молодежи учитывать не только предлагаемый комплекс мер, а также социальные потребности молодежи, национальные традиции, региональные, местные и этнокультурные особенности соответствующего субъекта Российской Федерации [4].

Ещё одним ключевым документом, конкретизирующим повестку патриотического воспитания молодого поколения, является распоряжение Правительства РФ от 23.06.2025 № 1620-р, утвердившее План мероприятий по реализации Стратегии молодежной политики до 2030 года. Данный документ переводит цели воспитания в конкретные организационные задачи. В первом же разделе Плана, озаглавленном «Развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодежной среде», перечислены мероприятия: от популяризации государственной символики и развития наставничества с участием ветеранов до создания патриотических туристских маршрутов и вовлечения молодежи в поддержку участников СВО [5].

Таким образом, данная связка документов завершает формирование нормативно-управленческого контура, в котором патриотическое воспитание предстаёт как системная государственная политика.

Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ выполняет в системе патриотического воспитания фундаментальную символично-мемориальную функцию. Он создаёт законодательно утверждённый календарь национальной памяти, служащий основным инструментом формирования коллективной идентичности, ориентированной на героическое прошлое [9]. Значение закона заключается в следующем:

– Закон выступает в роли государственного редактора истории, отбирая и возводя в ранг общенациональных символов конкретные события (например, День победы русских полков в Куликовской битве, День разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве). Этот отбор формирует специфический исторический контекст, в котором доминирует военная победа и героическое сопротивление;

– Закон не просто фиксирует даты, но и предписывает основные формы увековечива-

ния исторической памяти (создание и сохранение мемориальных музеев, установление и благоустройство памятников, обелисков, стел, других мемориальных сооружений и объектов). Очевидно, что патриотическое воспитание приобретает характер ежегодного, строго регламентированного цикла мероприятий, который формирует и организует общественное мнение;

– хронологический охват закона – от событий XIII века до XX века – создаёт представление о тысячелетней непрерывной военной славе России, где современная государственность предстаёт прямым правопреемником и хранителем этой традиции.

Таким образом, данный закон формирует эмоциональную и символическую основу для более формализованных мероприятий военно-патриотического воспитания.

Постановление Правительства РФ от 24.07.2000 г. № 551 (ред. от 24.12.2014) «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» конкретизирует реализацию норм, прежде всего, Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Документ определяет задачи военно-патриотических объединений: от воспитания готовности к служению Отечеству до противодействия экстремизму. Деятельность военно-патриотических объединений осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, законодательством субъектов России [3]. Этот акт завершает построение вертикали управления, обеспечивая переход от государственных программ к конкретным агентам воспитания на местах.

Первым системным документом, задавшим современные рамки воспитательной политики, стала Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Её значение заключается в том, что она впервые на высшем уровне структурировала воспитательную деятельность, выделив гражданское и патриотическое воспитание в самостоятельный и ключевой приоритетный блок. Стратегия закрепила принципы всеохватности и межведомственного взаимодействия, подготовив управленческую почву для последующей централизации [6].

Проект новой Стратегии развития воспитания до 2030 года демонстрирует качественный концептуальный сдвиг. Он прямо реализует установки Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», переводя акцент с «развития воспитания» на «формирование личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Патриотическое воспитание в этой логике становится не просто направлением работы, а стержневым инструментом формирования заданного типа личности – носителя и защитника, утверждённого государством ценностного контура.

Высший стратегический контекст, оправдывающий и обуславливающий построение всей системы, задаёт Военная доктрина Российской Федерации. Этот документ переводит вопросы патриотического воспитания из сугубо педагогической и управленческой плоскости в плоскость национальной безопасности. Доктрина представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту России. Среди основных задач страны по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, в Военной доктрине значится: объединение усилий государства, общества и личности по защите РФ; разработка и реализация мер, направленных на повышение эффективности военно-патриотического воспитания граждан России и их подготовки к военной службе [1].

Таким образом, военно-патриотическое воспитание получает официальное обоснование как важнейший элемент обороноспособности страны и обеспечения её суверенитета в условиях современных гибридных угроз.

Новейшим и наиболее комплексным инструментом политики патриотического воспитания стал Национальный проект «Молодёжь и дети» (2025–2030 гг.). Этот проект объединяет ранее разрозненные направления работы с молодёжью и детьми в единую масштабную государственную программу, охватывающую свыше 50 млн человек. Его структура включает девять федеральных проектов, среди которых «Мы вместе (Воспитание гармонично развитой личности)», «Россия — страна возможностей» и «Россия в мире», напрямую затрагивающие патриотическую и ценностную повестку.

Национальный проект не только подтверждает приоритет патриотического воспитания как средства «становления высоко-нравственной личности», но и подкрепляет

его конкретными инфраструктурными (строительство кампусов, модернизация школ), кадровыми (поддержка педагогов и наставников) и организационными (развитие «Движения первых») механизмами.

Это свидетельствует о переходе новой модели, где воспитательные цели неотделимы от задач создания современной образовательной системы.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что в Российской Федерации сложилась целостная, иерархичная и многоуровневая нормативно-правовая модель военно-патриотического воспитания. Её архитектура основана на взаимодополняемости уровней:

- уровень стратегического планирования (Стратегии; Военная доктрина; Указ № 809) задаёт цели, ценностные основания и общий контекст безопасности;

- уровень правового регулирования (Конституция; отраслевые ФЗ; Указ № 1416; Распоряжение № 2970-р) закрепляет обязанности, распределяет полномочия и создаёт механизмы планирования;

- уровень символической политики (ФЗ «О днях воинской славы»; Постановление № 551) обеспечивает ритуализацию, символическое наполнение и работу непосредственных агентов воспитания на местах.

Сформированная модель носит гражданско-охранительный и мобилизационный характер. Её ключевая функция – системное формирование у новых поколений не только чувства любви к Родине, но и конкретных установок, качеств и практических навыков, необходимых для защиты государственного суверенитета, исторической памяти и традиционного ценностного образа.

Несмотря на комплексность, нормативная база остаётся фрагментированной. Её положения рассредоточены по множеству актов разной юридической силы, что может создавать коллизии и затруднять единообразное применение. В качестве логичного шага по систематизации и усилению правового поля видится разработка и принятие специального федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания в Российской Федерации».

Такой акт мог бы заложить единую правовую основу для всех направлений патриотической работы, обеспечив системную взаимосвязь военно-патриотического, граждан-

данско-патриотического и духовно-нравственного воспитания.

Закон чётко определил бы понятийный аппарат, объединил принципы, цели и задачи государственной политики в области патриотического воспитания, установил единые стандарты деятельности и критерии оценки эффективности, а также закрепил бы чёткое

Список литературы:

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Президент Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 07.10.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.11.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 24.07.2000 № 551 «Об утверждении Положения о военно-патриотических молодёжных и детских объединениях» // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/182358/> (дата обращения: 16.11.2025).
4. Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 года» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517324/ (дата обращения: 07.12.2025).
5. Распоряжение Правительства РФ от 23.06.2025 N 1620-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508255/ (дата обращения: 16.11.2025).
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/18341/> (дата обращения: 12.11.2025).
7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 07.12.2025).
8. Указ Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136827/ (дата обращения: 31.10.2025).
9. Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13.03.1995 № 32-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/ (дата обращения: 31.10.2025).
10. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 31.10.2025).
11. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.11.2025).
12. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 12.11.2025).

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, РФ

ПРАВО

УДК 347.21

*О. С. Афонина, И. А. Петренко***К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЕЩЬ» И «МАТЕРИАЛ»
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу базовых, но законодательно не определённых в Гражданском кодексе РФ категорий «вещь» и «материал». Авторы отмечают, что отсутствие чётких критериев разграничения этих понятий порождает проблемы в правоприменительной практике, поскольку от квалификации объекта как вещи или материала зависит распределение рисков, определение права собственности и возможность виндикации. На основе анализа норм ГК РФ и доктринальных подходов (Б.М. Гонгало, Е.А. Суханов, А.П. Сергеев) в статье систематизируются юридически значимые признаки вещи (материальность, обособленность, полезность) и материала (функциональная подчинённость, потребляемость, родовая определённость). В качестве решения предлагается система из трёх ситуативных критериев для разграничения: функционального (самостоятельная цель или средство), сохранения идентичности и определённости (индивидуально-определённая или родовая вещь). Практическая значимость предложенных критериев иллюстрируется на примерах регулирования распределения риска случайной гибели (ст. 705 ГК РФ), переработки (ст. 220 ГК РФ) и виндикации (ст. 301 ГК РФ). Делается вывод об относительности границы между понятиями, которая устанавливается в зависимости от функциональной роли объекта в конкретном правоотношении.

Ключевые слова: гражданский кодекс РФ; вещь; материал; критерии разграничения; договор подряда; переработка; распределение рисков.

*O. S. Afonina, I. A. Petrenko***ON THE ISSUE OF THE DELIMITATION OF THE CONCEPTS OF "THING"
AND "MATERIAL" IN CIVIL LAW**

The article is devoted to a comparative legal analysis of the fundamental, yet legislatively undefined, categories of "thing" (вещь) and "material" (материал) in the Civil Code of the Russian Federation. The author notes that the lack of clear criteria for distinguishing between these concepts creates problems in law enforcement practice, as the qualification of an object as a thing or a material determines the allocation of risks, the establishment of ownership rights, and the possibility of vindication. Based on the analysis of the Civil Code provisions and doctrinal approaches (B.M. Gongalo, E.A. Sukhanov, A.P. Sergeev), the article systematizes the legally significant features of a thing (corporeality, separateness, utility) and a material (functional subordination, consumability, generic definiteness). As a solution, a system of three situational criteria for distinction is proposed: functional (an independent goal or a means), preservation of identity, and definiteness (individually-defined or generic thing). The practical significance of the proposed criteria is illustrated using examples of regulating the allocation of the risk of accidental loss (Art. 705 of the Civil Code), processing/specification (Art. 220 of the Civil Code), and vindication (Art. 301 of the Civil Code). It is concluded that the boundary between the concepts is relative and is established depending on the functional role of the object in a specific legal relationship.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation; thing; material; distinction criteria; construction contract; processing; risk allocation.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) оперирует множеством правовых категорий, получающими, несмотря на фундаментальность, не всегда легальное определение. К их числу относятся понятия «вещь» и «материал». Употребляясь

в различных контекстах (ст. 128, гл. 6, 34, 35, 59 ГК РФ и др.), они предполагают различный правовой режим, но чёткой границы между ними в рамках законодательства не проводится. Вопрос сравнительно-правового анализа рассматриваемых правовых катего-

рий является актуальным, поскольку существуют значительные практические трудности, возникающие при квалификации того или иного объекта. От того, является ли переданный субъекту объект «вещью» или «материалом», зависит распределение рисков случайной гибели (ст. 705 ГК РФ), определение собственника вновь созданной вещи при переработке (ст. 220 ГК РФ), возможность виндикации. Отсутствие единого доктринального и правоприменительного подхода к разграничению данных понятий определенно является проблемой и может приводить к противоречивой судебной практике. В соответствии с вышеизложенным считаем целесообразным провести системный сравнительно-правовой анализ понятий «вещь» и «материал» с целью определения критерия разграничения содержательного наполнения указанных понятий.

ГК РФ не содержит исчерпывающего определения вещи. Однако под вещами наука гражданского права понимает данные природой и созданные человеком ценности материального мира, выступающие в качестве объектов гражданских прав [2]. Данное определение позволяет выделить их ключевые юридически значимые признаки. Прежде всего, вещь характеризуется материальностью, значит представляет собой объект материального мира, доступный для человеческого восприятия, воздействия и контроля. Ещё одним важнейшим признаком будет являться обособленность. Вещь выступает в гражданском обороте как самостоятельный объект, имеющий пространственные или юридические границы. Также, важно отметить, что вещь должна обладать полезностью, то есть способностью удовлетворять определённые потребности человека и общества, поскольку это ценность, созданная быть объектом гражданских прав.

Классификация вещей имеет непосредственное значение для их обособления от материалов. Наиболее существенными являются деления на:

А. Индивидуально-определённые вещи и вещи, определяемые родовыми признаками. Индивидуально-определёнными являются уникальные, единственные в своём роде вещи. К этой категории относятся подлинные произведения искусства или, например, автомобиль с конкретным VIN-номером. Все остальные вещи – родовые. Родовая вещь ха-

рактеризуется числом, весом, мерой (тонна угля).

Б. Непотребляемые и потребляемые вещи. Данная классификация имеет в основе экономический критерий, так как в экономическом смысле все вещи потребляемы. Потребляемые вещи как объект потребления в процессе использования прекращают своё существование или существенно изменяют свои свойства (предметы питания, горючее, сырьё и т. д.). Непотребляемые вещи, хотя и изнашиваются, но сохраняют свои свойства на протяжении длительного времени (машины, здания, сооружения, одежда, обувь и т.д.). Именно эта категория вещей наиболее близко граничит с понятием «материал» [4].

В. Простые и сложные вещи. Их различие заключается в том, что сложная вещь состоит из различных вещей, которые соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению. Данная классификация важна в случаях, когда действие сделки, совершённой по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в неё вещи, поскольку условиями сделки не предусмотрено иное.

Г. Делимые и неделимые вещи. Неделимой будет являться вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения её назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав. Юридическое значение данной классификации проявляется при осуществлении права собственности, выделе доли собственника из общей собственности [5].

Далее, чтобы завершить сравнительно-правовой анализ, следует отдельно рассмотреть понятие материала и его освещённость в научной литературе. Б.М. Гонгало рассматривает понятие «материал» не как самостоятельную, абстрактную категорию, а функционально, через призму его роли в конкретных правоотношениях, прежде всего в договоре подряда и при переработке [3].

Основываясь на трудах Е.А. Суханова, можно сделать вывод, что под «материалом» он понимал вид движимой вещи, который используется для создания новых вещей или восстановления существующих, подлежит потреблению или преобразованию в процессе производства, ремонта или иного использования и не имеет самостоятельного хозяйственного значения вне цели его назначения,

в отличие от готовых продуктов или инструментов [4].

Также, проанализировав труд А.П. Сергеева, мы смогли синтезировать определение материала, который в его понимании является родовой, потребляемой, движимой вещью, используемой для создания, восстановления или обслуживания других объектов. Его правовой режим определяется общими нормами о вещах, а специальное регулирование возникает в рамках конкретных договоров (подряд, купля-продажа, залог) [2].

Термин «материал» широко используется в ГК РФ, прежде всего, в главах, регулирующих подряд (ст. 703, 704, 705) и переработку (ст. 220). Анализ этих норм позволяет вывести его сущностные характеристики. Материал – это объект материального мира, обладающий родовыми признаками, функциональное назначение которого заключается в том, чтобы быть потребленным (уничтоженным, преобразованным) в процессе создания новой вещи, ремонта или улучшения существующей [3].

Таким образом, ключевыми признаками материала можно назвать следующие:

1. Функциональное назначение – быть средством для достижения цели. Материал всегда подчинён другой цели – созданию или восстановлению вещи. Само по себе его использование не является конечной целью для стороны правоотношения.

2. Потребляемость – в процессе использования материал утрачивает свою первоначальную форму и сущность, так цемент становится частью фундамента, ткань превращается в одежду.

3. Преобладание родовых характеристик – обычно материал характеризуется именно родовыми признаками (количество, вес), поскольку его ценность заключается в свойствах, присущих всей совокупности его объёма, а не в индивидуальных особенностях.

На основе анализа признаков можно сформулировать систему критериев, позволяющих разграничить эти понятия в рамках научного подхода к системе гражданского права:

Функциональный критерий (основной). Является ли объект самостоятельной целью правоотношения или средством для достижения иной цели? Вещь имеет самостоятельное потребительское значение, её использование является конечной целью. Мате-

риал является средством, его передача и использование подчинены цели создания или ремонта другой вещи.

Критерий сохранения идентичности. Сохраняет ли объект свою первоначальную качественную определенность в процессе использования? Вещь, даже изнашиваясь, сохраняет свою основную сущность и идентичность, а материал качественно преобразуется, утрачивая свою первоначальную идентичность и становясь частью другого целого или меняя свою форму необратимо.

Критерий определённости. Вещь может быть как индивидуально-определённой, так и родовой, а материал практически всегда является вещью, определяемой родовыми признаками. Не может быть ситуации, когда некий индивидуально-определённый кирпич (с номером) передаётся для постройки стены, если только он не является объектом коллекционирования, т. е. вещью.

Важно отметить, что данные критерии носят ситуативный характер. Правовой статус объекта зависит от его роли в конкретных правоотношениях. Один и тот же объект может быть признан и вещью, и материалом. Яркий пример – моток пряжи: в договоре розничной купли-продажи он является вещью, а в договоре подряда на изготовление одежды – материалом.

Рассмотрим значение предложенных критериев в различных институтах, где можно проследить его отчётливое проявление.

Во-первых, закон устанавливает различное распределение рисков (ст. 705 ГК РФ). Риск случайной гибели или повреждения материалов несёт предоставившая их сторона, а риск случайной гибели или повреждения результата работы (т. е. создаваемой или ремонтируемой вещи) до её приёмки заказчиком несёт подрядчик [1].

Квалификация объекта имеет ключевое значение. Если на стройплощадке до сдачи объекта погибнет смонтированный и встроенный уникальный технологический агрегат (вещь, сохранившая идентичность), риск лежит на подрядчике. Если же погибнет штабель кирпича (материал), риск несёт заказчик, который его предоставил.

Во-вторых, правила о переработке (ст. 220 ГК РФ) напрямую зависят от того, что является доминирующим: стоимость переработки или стоимость материалов. Следовательно, если новая вещь может быть призна-

на собственностью переработчика, это происходит в случае, когда стоимость переработки существенно превышает стоимость материалов. Собственник материалов становится собственником новой вещи, если стоимость материалов выше [1]. Следовательно, правильная квалификация перерабатываемого объекта как «материала» является отправной точкой для применения данной нормы. Если перерабатывается не материал, а индивидуально-определённая вещь с целью её существенного преобразования, могут применяться иные нормы.

В-третьих, рассматривая виндикацию (ст. 301 ГК РФ), необходимо заметить, что индивидуально-определённая вещь может быть истребована собственником из чужого незаконного владения. Если же материал был незаконно использован для строительства и стал неотъемлемой частью здания (перестал существовать как самостоятельный объект), виндикация невозможна. Собственник мате-

риала может лишь требовать возмещения убытков.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Разграничение между «вещью» и «материалом» в гражданском праве не является абсолютным и зависит от конкретных обстоятельств и функциональной роли объекта в правоотношении. Наиболее эффективной является система из трёх взаимосвязанных критериев: функционального, сохранения идентичности и определенности. Функциональный критерий является главным, поскольку именно цель использования объекта задаёт его правовой режим. Предложенные критерии имеют прямое практическое применение, позволяя единообразно разрешать споры о распределении рисков, правах собственности и ответственности в рамках договоров подряда, при переработке и в иных ситуациях.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: действующая редакция от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.01.2026).
2. Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2 / под ред. Б.М. Гонгало. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 543 с.
3. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 1040 с.
4. Суханов, Е.А. Вещное право: науч.-познават. очерк / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2017. – 560 с.
5. Шаблова, Е.Г. Гражданское право: учеб. пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, Л.И. Филющенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 463 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 93; 94(47).083

*В. В. Глазовский**Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции С.В. Харченко*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правового противодействия киберпреступности в России, анализируются новейшие изменения законодательства и наиболее сложные вопросы квалификации преступлений в цифровой сфере. Особое внимание уделяется пробелам и недостаткам уголовно-правовых норм, тенденциям развития киберугроз, а также особенностям использования программно-аппаратных средств при совершении преступлений. В работе формулируются рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и практике применения норм в условиях цифровизации. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего развития теории и практики борьбы с киберпреступлениями в современных условиях.

Ключевые слова: киберпреступность; информационная безопасность; уголовное законодательство; информационные технологии; противодействие киберпреступлениям.

*V. V. Glazovsky**Scientific Advisor – Doctor of Law, Professor, Colonel of Justice S.V. Kharchenko*

ABOUT SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO CYBERCRIME

The article examines the current problems of criminal law counteraction to cybercrime in Russia, analyzes the latest legislative changes and the most complex issues of the qualification of crimes in the digital sphere. Special attention is paid to the gaps and shortcomings of criminal law norms, trends in the development of cyber threats, as well as the specifics of the use of software and hardware in the commission of crimes. The paper formulates recommendations for improving criminal legislation and the practice of applying norms in the context of digitalization. Conclusions are drawn about the need for further development of the theory and practice of combating cybercrime in modern conditions.

Keywords: cybercrime; information security; criminal law; information technology; countering cybercrime.

В современных реалиях, обеспечение информационной безопасности и противодействие киберугрозам является актуальным и приоритетным направлением уголовно-правовой политики Российской Федерации.

Повсеместное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни общества, а также их стремительное развитие сопровождается возникновением потенциально новых цифровых угроз. С учётом текущей геополитической ситуации, а также в условиях информационной войны и прокси-конфликта со странами Североатлантического альянса растёт уровень совершаемых компьютерных и информационных атак, направленных на дестабилизацию органов государственной власти Российской Федерации, совершение террористических актов, диверсий, а также приводит к возникновению радикальных протестных движений, целью которых является этниче-

ское разобщение народов России и разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Присущая информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – «сеть «Интернет») анонимность и многообразие цифровых, технологических и программных инструментов расширяет возможности злоумышленников при совершении ими киберпреступлений, позволяя им эффективно скрывать сведения о своей личности, а также не оставлять цифровых следов, позволяющих их идентифицировать.

В этой связи, в соответствии с пунктом 4 ст. 25 Указа Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия является од-

ним из наиболее приоритетных национальных интересов Российской Федерации на современном этапе мироустройства [4].

Согласно сведениям главного информационно-аналитического центра МВД РФ, за январь – май 2025 г. на территории России зарегистрировано 308 119 преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Большую часть из указанных преступлений составляют мошенничества, однако при этом необходимо заметить рост количества преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению террористической и экстремистской деятельностью [2, с. 28–34].

Ключевой проблемой обеспечения информационной безопасности и осуществления эффективного противодействия киберпреступности является стремительное развитие цифровых технологий, быстрое возникновение новых киберугроз и невозможность при этом своевременной разработки мер уголовно-правового и иного юридического реагирования на быстро возникающие угрозы в информационной и телекоммуникационной сфере.

Об этом свидетельствует статистика, согласно которой, по данным главного информационно-аналитического центра МВД России, в период январь–декабрь 2024 г. было зарегистрировано 765 365 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. При этом, 346 035 преступлений было совершено с использованием средств мобильной связи, а 649 064 – с использованием сети «Интернет» [1, с. 28–34].

Совершение подобного рода преступлений, практически во всех случаях злоумышленники осуществляли при помощи использования абонентских номеров и банковских карт – «дропов», то есть сим-карт, зарегистрированных на третьих лиц, которыми злоумышленники завладевали в результате их перепродажи, что в значительной степени осложняло установление местонахождения злоумышленников и идентификацию их личности.

Вместе с тем, уголовно-правовое реагирование на указанное обстоятельство и

уголовная ответственность за организацию деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства России и за участие в данной деятельности было введено лишь в июле 2025 года. Так, Федеральным законом от 31 июля 2025 г. №282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 274.4, криминализовавшей действия по неправомерной передаче абонентских номеров третьим лицам.

Стоит также отметить комплексный подход законодателя к решению данной проблемы, поскольку Федеральным законом от 08 августа 2024 г. №303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» было также ограничено количество сим-карт, которые могут быть зарегистрированы на одного человека, а на владельцев крупных «Телеграм»-каналов, аудитория которых составляет более 10 000 чел. возложена обязанность предоставить в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи сведения, позволяющие их идентифицировать [5].

Кроме того Федеральным законом от 24 июня 2025 года №176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» введена часть 3 ст. 187 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за передачу из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств предоставленных ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных действий [6].

Таким образом, уголовно-правовыми мерами, а также иными мерами правового регулирования законодатель осуществил минимизацию возможности использования злоумышленниками вышеуказанных «дропов», однако стоит отметить тот факт, что на момент принятия вышеуказанных правовых норм, на просторах скрытого сегмента интернета «Даркнет», на различных сайтах теневых рынков уже находилось и находится огромное количество абонентских номеров и

банковских карт, готовых к продаже злоумышленникам, а принятые законы лишь подняли их в цене.

Вышеизложенное подтверждает замедленность уголовно-правового реагирования на стремительно возникающие угрозы в информационно-телекоммуникационной среде, что даёт преступникам возможность реализовать свой преступный умысел и достигнуть целей преступления.

Сегодня, в связи с относительно недавним введением указанных правовых норм и уголовной ответственности, делать выводы об эффективности принятых мер уголовно-правового регулирования преждевременно, однако на настоящий момент, в них усматривается ряд недостатков правоприменительно-го характера, связанных прежде всего с процедурой доказывания умысла злоумышленников.

Так, в соответствии с частью 3 ст. 187 УК РФ, уголовная ответственность наступает за передачу из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств, предоставленных ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций [3].

Субъективная сторона данного состава преступления характеризуется наличием корыстной заинтересованности лица, совершающего незаконную передачу и (или) предоставление доступа электронного средства платежа, а также необходимостью обязательного наличия цели совершения указанных противоправных действий, выражающейся в дальнейшем использовании переданных электронных средств платежа для осуществления неправомерных операций с ними.

Представляется, что установление таких обязательных элементов субъективной стороны рассматриваемого преступления существенно сужают область его правоприменения, поскольку субъект преступления в отдельных случаях может передать или предоставить доступ к своим электронным средствам платежа будучи не осведомлённым о дальнейших намерениях злоумышленника использовать их в преступных целях, для совершения неправомерных операций. Зачастую недобросовестные владельцы банковских карт осуществляют их продажу или предоставляют доступ к ним третьим лицам

исключительно из корыстной заинтересованности, выраженной в получении денежного вознаграждения за указанные действия, при этом покупатель банковской карты или доступа к банковскому счёту может не сообщить продавцу о целях дальнейшего использования приобретаемых «товаров», либо, в отдельных случаях, напротив заверить продавца о намерениях правомерного использования приобретаемого «товара». Наличие таких условий даёт преступникам излишнюю возможность избежать наказания за совершение данного преступления.

Таким образом, по мнению автора, предоставление электронных средств платежа третьим лицам из корыстной заинтересованности представляет собой существенную общественную опасность независимо от наличия осведомлённости субъекта преступления о целях дальнейшего использования предоставляемых электронных средств платежа. Расширение диспозиции данной статьи и исключение из субъективной стороны указанного состава преступления цели дальнейшего неправомерного использования передаваемых электронных средств платежа обеспечило бы более надёжную уголовно-правовую охрану общественных отношений, складывающихся в сфере информационной безопасности и защиты собственности.

По тому же основанию вышеуказанный недостаток также соотносится и с составом преступления, предусмотренным частью 6 ст. 187 УК Российской Федерации, устанавливающим уголовную ответственность за осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершённое лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключённого с оператором по переводу денежных средств. Зачастую при совершении преступлений с использованием электронных средств платежа, злоумышленники стараются запутать следы движения похищенных денежных средств посредством осуществления многочисленных денежных переводов этих средств на различные банковские счета с их последующим обналичиванием или перевода в криптовалюты. При этом, как уже упоминалось ранее, злоумышленниками используются банковские счета – «дропы», незаконно приобретённые ранее у третьих лиц. К реализации своего преступного умысла, злоумыш-

ленники зачастую привлекают лиц со стороны, которые в подавляющем большинстве случаев могут быть неосведомлёнными о противоправном характере совершаемых ими финансовых операций по предоставленным злоумышленниками электронным средствам платежа. Вовлечение третьих лиц в противоправную деятельность, связанную с неправомерными операциями с чужими электронными средствами платежа, злоумышленники осуществляют под предлогом лёгкого дистанционного заработка в интернете, а также осуществление мнимых финансовых инвестиций с получением выгодных дивидендов.

Таким образом, указанный в диспозиции части 6 ст. 187 УК РФ обязательный признак объективной стороны состава преступления в виде совершения неправомерной операции существенно сужает область правоприменения и влечёт за собой возникновение трудностей в доказывании осведомлённости субъекта преступления о неправомерности совершаемых им действий с чужими электронными средствами платежа.

В этих условиях, представляется необходимым изменение диспозиции данного состава преступления посредством исключения из неё указания на неправомерность проводимой операции, а также внесение уточнений о субъекте совершаемого преступления и указания его, как лица, не имеющего доверенности на проводимые финансовые операции от владельца электронных средств платежа. Внесение указанных изменений, по мнению автора, будет способствовать более широкому охвату противоправной деятельности преступников и в большем объёме будет обеспечивать реализацию государственной политики в сфере борьбы с киберпреступностью.

Особое внимание также следует уделить тому, что преобладающее большинство преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и в сети «Интернет» совершается злоумышленниками с использованием средств анонимизации их деятельности, к которым можно в первую очередь отнести различные VPN-сервисы, существенно затрудняющие работу оперативно-розыскных и следственных подразделений по идентификации личности преступников.

При этом введение в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации нового отяг-

чающего обстоятельства совершённого преступления, выражающегося в совершении преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен, не затрагивает действия преступников, связанные с использованием ими при совершении преступлений VPN-сервисов и иных средств анонимизации [7]. В связи с этим, вопрос об уголовно-правовом ограничении использования злоумышленниками программных инструментов, предназначенных для анонимизации их преступной деятельности, остаётся открытым, что по мнению автора, требует от законодателя скорейшего реагирования. Указанное может выражаться во внесении изменений в пункт «ф» ст. 63 УК РФ и изложении данной нормы в следующей редакции: «совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен, а также с использованием виртуальных частных сетей».

Вместе с тем, следует отметить, что ограничение использования злоумышленниками сервисов VPN при совершении ими преступлений также требует от законодателя комплексного подхода, который не должен ограничиваться введением мер уголовно-правового характера. На настоящий момент существующие VPN-сервисы можно условно классифицировать по признаку условий предоставляемых услуг на две категории: VPN-сервисы, использующие политику ведения журналов и VPN-сервисы, использующие политику без ведения журналов.

К VPN-сервисам, использующим политику ведения журналов, относят сервисы, предоставляющие возможность использования виртуальных частных сетей с обязательной регистрацией и авторизацией пользователя. Указанные VPN-сервисы сохраняют информацию о пользователе (абоненте), которым предоставляются услуги использования виртуальной частной сети. Среди собираемой и сохраняемой информации могут быть персональные данные о пользователе, сведения об IP-адресе пользователя, адресе его электронной почты, информация о посещённых им информационных ресурсах и объёме переданных через виртуальную частную сеть

данных. При этом, в случае возникновения необходимости сотрудники оперативно-розыскных или следственных подразделений могут получить у владельцев данных VPN-сервисов необходимую информацию о злоумышленнике.

К VPN-сервисам, использующим политику без ведения журналов, соответственно относят сервисы, предоставляющие максимальную анонимность использования своих виртуальных частных сетей. Данные сервисы не осуществляют сбор и хранение какой-либо информации о пользователе (абоненте) своих услуг, в связи с чем владельцы данных VPN-сервисов не смогут в случае возникновения необходимости передать в адрес правоохранительных органов какую-либо информацию о злоумышленнике.

Таким образом представляется целесообразным внести в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» изменения и дополнения, связанные с возложением обязанностей владельцев VPN-сервисов по предоставлению услуг частных виртуальных сетей с обязательным ведением «журналов», сохранением информации о пользователе (абоненте) данного

сервиса, а также обязанностей по передаче необходимых сведений о пользователе (абоненте) в связи с запросом правоохранительных органов.

Указанные меры уголовно-правового реагирования будут способствовать актуализации методов обеспечения информационной безопасности, отвечающих современным вызовам и угрозам.

Подводя итог, можно сделать вывод, что к основным проблемам борьбы с киберпреступностью на современном этапе следует отнести: отставание правового регулирования от технического прогресса и развития информационно-телекоммуникационных технологий; неограниченные возможности использования средств анонимизации деятельности в сети «Интернет»; трансграничный характер преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» и информационно-телекоммуникационных технологий; а также отсутствие должного уровня цифровой грамотности, порождающее повышенный уровень виктимности и предрасположенность наиболее социально незащищённых слоёв населения стать жертвой киберпреступлений.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // ФКУ «Главный Информационно-аналитический центр» МВД РФ. – Москва, 2024. – С. 28–34
2. Состояние преступности в России за январь – май 2025 года // ФКУ «Главный Информационно-аналитический центр» МВД РФ. – Москва, 2025. – С. 28–34.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. – 1996. – 17 июня. – №25. – Ст. 2954.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. – 5 июля – №27 (часть II). – Ст. 5351.
5. Федеральный закон от 08.08.2024 №303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482565/ (дата обращения 12.11.2025).
6. Федеральный закон от 24.06.2025 №176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2025. – 27 июня – №139.
7. Федеральный закон от 31.07.2025 №282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511071/ (дата обращения 15.11.2025).

Следственное Управление Следственного Комитета Российской Федерации по Калужской области, Калуга, РФ

УДК 347.232

*С. И. Комарова, А. Г. Федоров***ЭВОЛЮЦИЯ ВИНДИКАЦИОННОГО ИСКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ:
ОТ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА К ВЫЗОВАМ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ**

Институт виндикации представляет собой один из фундаментальных гражданско-правовых инструментов, обеспечивающих защиту права собственности. Актуальность исследования эволюции данного института обусловлена значительными трансформациями, которые переживает виндикация в условиях цифровизации экономических отношений. Целью настоящей статьи является комплексный анализ развития виндикационного иска в российском праве, начиная с советского периода и заканчивая современными вызовами цифровой эпохи.

Ключевые слова: виндикация; виндикационный иск; право собственности; владение; защита; искусственный интеллект; цифровое право.

*S. I. Komarova, A. G. Fedorov***THE EVOLUTION OF THE VINDICATOR CLAIM IN RUSSIAN LAW:
FROM THE SOVIET PERIOD TO THE CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE**

The institution of vindication is one of the fundamental civil law instruments protecting property rights. The relevance of researching the evolution of this institution stems from the significant transformations it is undergoing in the context of the digitalization of economic relations. The purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of the development of the vindicatory claim in Russian law, from the Soviet period to the contemporary challenges of the digital age.

Keywords: vindication; vindicatory claim; property rights; possession; protection; artificial intelligence; digital law.

Истребование собственником своей индивидуально-определённой вещи из незаконного владения не собственника в современном гражданском праве имеет форму виндикационного иска (от лат. *vim dicere* – «объявляю о применении силы»), нашедшего свое отражение в статье 301 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1, ст. 301].

Исторически виндикация берёт начало в римском законодательстве и продолжает оставаться значимым в современных юридических структурах, обеспечивая возврат владения собственнику на конкретно идентифицированное имущество.

Юридическая природа виндикационного иска характеризуется как абсолютный иск, поскольку он направлен против любого нарушителя права собственности, незаконно владеющего вещью. Особенностью виндикации является её вещно-правовой характер – она защищает непосредственно право собственности, а не обязательственные отношения между сторонами.

Исследуя вопрос о том, каков же круг субъектов, обладающих активной и пассивной легитимацией по виндикационному иску,

можно прийти к выводу, что в сегодня законодатель определяет этот круг достаточно широко. Говоря об иске невладеющего собственника к владеющему не собственнику, круг субъектов представляет собой не только физических и юридических лиц, но и публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования), которые также являются собственниками определённых вещей [7].

Объектом виндикации всегда выступает индивидуально-определённая вещь, сохранившаяся в натуре. Индивидуальная определённость означает, что вещь обладает уникальными признаками, позволяющими идентифицировать её среди подобных.

Однако содержание данного вида иска, сфера применения и практическая реализация претерпели сложную эволюцию, обусловленную сменой политических режимов, экономических моделей и технологических укладов.

Впервые концепция виндикационного требования была детально изложена в отечественном праве в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., в ст. 59, согласно которой

владелец имел возможность возвратить своё имущество от любых неправомерных держателей [5, ст. 59].

Интересно Примечание 1 к ст. 59, в котором сказано, что «бывшие собственники, имущество которых было экспроприровано на основании революционного права, или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г., не имеют права требовать возвращения этого имущества». Этим положением было окончательно закреплено распределение имущества, произведённое в первые годы после революции. Примечание было основано на Декрете Совета Народных Комиссаров от 16.03.1922 г. «Об ограничении права истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев», который всё же оставил за бывшими собственниками минимальную возможность вернуть свои вещи путём подачи в 3-х месячный срок со дня реквизиции или конфискации, произведённой с нарушением закона, жалобы в соответствующий административный или судебный орган [6, п. 3].

Единственным и исключительным собственником всего государственного имущества, входившего в состав единого государственного фонда, выступало само Советское государство. Некоторые государственные структуры, учреждения и предприятия получали определённые объекты, выделенные из общего фонда государственной собственности, исключительно в оперативное управление в соответствии с утверждёнными для них программами, но не в собственное владение.

Тем не менее, учитывая особенности советской правовой системы и ведущую роль государственной собственности, следует подчеркнуть разный уровень охраны разнообразных типов и форм собственности, существовавший в эпоху СССР. Государственная социалистическая собственность, выступавшая главенствующей разновидностью социалистической собственности, обеспечивалась наивысшей степенью охраны; по отношению к государственной социалистической собственности советское гражданское законодательство применяло принцип безусловного истребования права собственности, основанный на развитых нормах римского права («ubi rem meam invenio ibi eam vindico») – «где нахожу свою вещь, там и предъявляю претензии».

Великая Отечественная война оказала глубокое влияние на все сферы жизни советского общества, включая правовую систему.

В этот период виндикационные иски активно использовались для возврата эвакуированного имущества, незаконно присвоенного или утраченного, в том числе, при транспортировке.

Наибольшее число споров об истребовании имущества от недобросовестных приобретателей было связано с отчуждением погонщиками скота, эвакуируемого в восточные районы. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 22 апреля 1942 г. разъяснил, что поскольку продажа скота в условиях эвакуации происходила в экстремальной обстановке военного времени и порождаявшего заблуждения приобретателей в праве продавцов на продажу скота, то такие приобретатели, как правило, не могли считаться добросовестными. От недобросовестного приобретателя вещь также может быть истребована ее собственником [9, с. 101]. Отдельную категорию составляли дела о восстановлении прав на имущество, оставшееся на оккупированных территориях после их освобождения.

Однако реализация виндикации в военных условиях сталкивалась с серьёзными трудностями. Во-первых, установление местонахождения имущества и его идентификация были затруднены из-за разрухи и хаоса. Во-вторых, судебная система испытывала перегрузки, а государственные органы были сосредоточены на реализации приоритетных военных задач. Тем не менее, институт виндикации продолжал играть ключевую роль в современном правовом пространстве, активно обеспечивая надёжную защиту права собственности и способствуя укреплению правопорядка. Суды применяли расширительное толкование института активной легитимации.

По общему правилу право виндицировать вещь принадлежит собственнику. Но в судебной практике военных лет возможность истребования имущества была предоставлена не только собственнику, но и некоторым иным лицам, имеющим отношение к имуществу (например, родители отсутствующего военнослужащего, узнавшие, что имуществом сына пользуются посторонние люди, лица, получившие имущество на хранение, но не сумевшие его сберечь) [9, с. 100].

Из всего комплекса вопросов о защите права собственности особое значение приобрёл в условиях ВОВ вопрос о правилах, ограничивавших возможности виндигировать вещь, попавшую к добросовестному приобретателю. Довоенное гражданское законодательство, а также современное предполагает защиту интересов добросовестного приобретателя вещи в ущерб интересам собственника. Однако во время войны это соотношение изменилось. Истцами по виндикационному иску, как правило, являлись лица, пострадавшие в результате нападения фашистских войск на Советский Союз. Их целью было вернуть часть утраченного имущества, которое им удалось обнаружить у третьих лиц. Естественно, в таких ситуациях интересы собственника заслуживали более внимательного отношения. Возможность неограниченной виндикации обосновывалась тем, что имущество отчуждалось собственником под давлением обстоятельств военного времени, т. е. фактически оно выходило из обладания собственника помимо его воли. А такое имущество, как утверждали ещё римские юристы, безусловно, подлежит виндикации [9, с. 101–102].

Судебная практика, уточняя применение ст. 60 ГК РСФСР 2022 г., позволила в ряде случаев более эффективно защищать права собственников, лишившихся имущества из-за военных обстоятельств.

Таким образом, военный период продемонстрировал гибкость виндикации как правового механизма, способного адаптироваться к экстремальным условиям без кардинального изменения законодательства.

Следующим знаковым этапом становления института виндикации в СССР стало принятие нового Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., с принятием которого произошли некоторые перемены:

Во-первых, существенно расширился круг лиц, имеющих право требовать возвращения имущества из чужого незаконного владения посредством виндикационного иска. Это стало важным механизмом компенсации утраты института владельческой защиты, исключенного из гражданского законодательства. Таким образом, защита права собственности получила более универсальное и гибкое применение.

Во-вторых, изменился сам момент возникновения права собственности по догово-

рам. В ГК РСФСР 1922 г. право собственности переходило к приобретателю уже с момента заключения договора (ст. 66), что обеспечивало юридическую определённость, но не учитывало фактический переход владения. В ГК РСФСР 1964 г. данная норма была скорректирована – право собственности приобретателя возникало с момента передачи вещи [4, ст. 135].

В-третьих, в законодательство были введены положения об обязательствах, возникающих при спасении социалистического имущества. Ранее судебная практика СССР, в отсутствие чётких норм в ГК РСФСР 1922 г., исходила из принципа возмещения вреда гражданину, который понёс убытки, спасая государственное имущество. Включение таких норм в ГК РСФСР 1964 г. закрепило обязанность возмещения и внесло ясность в правовое регулирование данных отношений.

Однако всё также оставался приоритет социалистической собственности, на которую действовала абсолютная неограниченная защита без учёта исковой давности.

Советский период оставил в наследство специфическое понимание виндикации, отягощённое идеологическими установками и приоритетом защиты государственной собственности. Распад СССР и формирование новой российской государственности ознаменовали собой этап рецепции классических цивилистических конструкций и адаптации виндикационного иска к условиям развивающегося рынка.

Переход к рыночной экономике в постсоветской России обусловил существенную трансформацию института виндикации. Современный этап развития характеризуется возвращением к классическим принципам римского права с одновременной адаптацией к потребностям развивающегося гражданского оборота.

Существенное развитие получили условия применения виндикации. Для удовлетворения виндикационного иска необходимо доказать наличие следующих условий: право собственности или иное законное владение истца, нарушение прав истца, выбытие имущества из владения истца, нахождение индивидуально-определённого имущества в натуре у незаконного владельца. Особое значение в современный период приобрёл принцип добросовестности приобретателя, закреплённый в ст. 302 ГК РФ. В правовом

контексте виндикационного иска добросовестность означает «извинительное незнание» приобретателя о том, что продавец или отчуждатель не имел права распоряжаться данным имуществом. Этот принцип берёт начало из германского правила «Hand muss Handwahren» («рука за руку отвечает»). Оно закрепляет идею, что собственник не может требовать возврата вещи у добросовестного приобретателя в случаях, когда вещь покинула владение собственника по его воле – то есть при добровольной передаче.

Цифровая трансформация экономических отношений порождает принципиально новые вызовы для классического института виндикации, требующие его адаптации к новым реалиям. Одной из наиболее сложных проблем является определение возможности применения виндикации к нематериальным объектам, таким как цифровые активы и бездокументарные бумаги.

Например, по данным экспертной группы RTM Group в России за 2022 год возросло число судебных споров, связанных с операциями по криптовалюте на 15% по сравнению с 2021 годом. Одним из частых споров является включение криптовалюты в конкурсную массу при банкротстве должника. Сложности возникают в розыске имущества, к которому относится криптовалюта. Ранее, ещё до легализации криптовалюты, её включали в конкурсную массу (решение АС Свердловской области от 03.12.2020 г. №А60-48563/2020) [10].

Гражданско-правовые дискуссии активно развиваются в связи с практикой арбитражных судов по истребованию из чужого незаконного владения бездокументарных ценных бумаг – объектов нематериального характера. Такая практика выявляет сложности в применении традиционных инструментов защиты прав собственника, поскольку бездокументарные активы не имеют физической формы, что требует переосмысления правовых механизмов.

В этом контексте особенно актуален статус цифровых финансовых активов, в том числе криптовалют, чьи правовые параметры в России регулирует только Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В законе применяются понятия «цифровая валю-

ты» и «цифровые финансовые активы», однако их правовой режим остаётся не до конца сформированным [2, ст. 1].

В основном суды выносят отрицательные решения о защите прав собственников криптовалют. К примеру, своим Решением от 14.10.2021 г. по Делу № 2-2816/2021 Златоустовский городской суд вынес вердикт о том, что правовое регулирование отношений по платежам в «виртуальной валюте» на территории РФ отсутствует, все операции и взаимоотношения строятся членами на свой страх и риск, участник на себя принимает все риски финансовой потери или ущерба [7].

Но самым сложным и футуристическим вызовом современности авторы выделяют роль искусственного интеллекта (ИИ). Если ранее проблемы в основном касались идентификации объекта или владельца, то ИИ ставит под сомнение сами фундаментальные основы этого правового института. Он провоцирует глубокий кризис объекта права, создавая совершенно новые категории имущества, такие как продукты творчества ИИ, обученные модели и сложные массивы данных, которые не укладываются в традиционное понимание индивидуально-определённой вещи. При этом зачастую отсутствует ясный субъект-собственник, что порождает правовую неопределённость.

В зарубежной практике на сегодня не сложилось однозначной позиции по данному вопросу.

Так, по законам Великобритании автором созданного нейросетью произведения признаётся лицо, принявшее необходимые для его создания меры. А в Китае Пекинский интернет-суд признал авторские права на сгенерированное изображение, так как оно соответствовало требованиям оригинальности и отражало интеллектуальный вклад человека. В США отрицается возникновение авторского права на произведения, полностью созданные с помощью ИИ. Бюро по авторским правам США разъясняет, что дизайнеры, писатели и художники могут получить авторские права на работы, созданные с использованием ИИ, только при условии достаточного творческого вклада. Так, регулятор отказал в регистрации прав на графический роман *Zarya of the Dawn*, нарисованный с помощью MidJourney, поскольку создатель промпта не смог доказать свой творческий вклад. Отказ по подобному основанию также

получил американец, создавший картину при помощи Creativity Machine. Только в феврале компании Invoke удалось доказать, что человек, работая с ИИ, внёс значительные изменения в итоговое изображение, и признать его автором произведения [8].

Одновременно ИИ вызывает кризис субъекта ответственности, поскольку автономные системы и алгоритмы усложняют определение ответчика по иску. Действия могут совершаться не по прямому указанию человека, а в результате работы сложного алгоритма, что радикально затрудняет доказывание вины и оценку добросовестности приобретателя.

Перспективы развития института в этих условиях связаны с фундаментальным переосмыслением традиционных подходов. Законодатель будет вынужден создавать специальные правовые режимы для цифровых активов, порождённых ИИ, возможно, признавая в отдалённом будущем ограниченную правосубъектность автономных систем. Фокус правовой защиты может постепенно смещаться с классического истребования конкретной вещи на механизмы возмещения убытков и ответственности контролирующих лиц. Таким образом, ИИ выступает в роли катализатора трансформации, выводя один из древнейших гражданско-правовых институ-

тов на принципиально новый этап эволюции, требующий адаптации к реалиям алгоритмической экономики.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о значительной эволюции института виндикационного иска в российском праве. От жёсткой защиты государственной собственности в советский период до сложной адаптации к вызовам цифровой экономики в современный период – таков исторический путь развития этого института. Будущее виндикации лежит в симбиозе классических правовых конструкций и новых технологий, которые как создают проблемы, так и предлагают инструменты для их решения. Виндикация в условиях цифровизации и ИИ не отмирает, но проходит фундаментальную трансформацию. Ключевым станет развитие «цифрового права», которое сможет адекватно реагировать на эти вызовы.

Основные положения научного исследования были изложены в виде доклада на V региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки: вопросы теории и практики» (03.12.2025, Калуга, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.11.2025).
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 01.11.2025).
3. Решение Златоустовского городского суда Челябинской области от 14.10.2012г. Дело № 2-2816/2021 74RS0017-01-2021-003864-95 // Субъекты РФ: офиц. сайт. URL: <https://actofact.ru/case-74RS0017-2-2816-2021-m-2580-2021-2021-08-12-0-0/> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР (вместе с Гражданским кодексом РСФСР)» // Законы России офиц. сайт. URL: https://lawrussia.ru/bigtexts/law_1683/index.htm (дата обращения: 01.12.2025).
5. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2863#4JTOV7VC0nSDRtKG3> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об ограничении права истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев. 16 марта 1922 г. // Опубликовано в № 71 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 29.03.1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правитель-

ства за 1922 г. Отдел первый. — М., 1950. (1077) URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351080-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-ob-ogranichenii-prava-istrebovaniya-predmetov-domashnego-obihoda-byvshimi-sobstvennikami-ot-ih-fakticheskikh-vladeltsev-16-marta-1922-g> (дата обращения: 29.11.2025).

7. Барменкова, Я.А. Субъекты виндикационного требования / Я.А. Барменкова // Интернет-конференция Сибирского юридического университета: офиц. сайт. URL: <https://conf.siblu.ru/subekty-vindikacionnogo-trebovaniya> (дата обращения: 15.11.2025).

8. Михайлова, А. ИИ в праве: разбор основных юридических рисков / А. Михайлова // Право.RU. 30.10.2025. URL: <https://pravo.ru/story/259757/> (дата обращения: 01.12.2025).

9. Сатолин, В.Н., Ганкович, Я.А. Особенности советского гражданского законодательства в годы Великой отечественной войны / В.Н. Сатолин, Я.А. Ганкович // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.: навукова-тэарэтычны часопіс. — 2005. — № 2. — С. 99–102. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/149319/1/99-102.pdf> (дата обращения: 21.11.2025).

10. Яковлева, А. Рост судебных дел, связанных с криптовалютами. RosCo – Consulting & audit. Арбитражный юрист. (27.05.2023) / А. Яковлева // РосКо: сайт. URL: <https://rosco.su/press/rost-sudebnykh-del-svyazannykh-s-kriptovalyutami/> (дата обращения 23.11.2025).

Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Калуга, РФ

УДК 343.611

*Е. В. Лантев**Научный руководитель – кандидат юридических наук А. В. Ильаш***МОТИВ КРОВНОЙ МЕСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

В статье рассмотрена правовая сущность кровной мести как самостоятельного мотива преступления. Исследуется исторический аспект развития института кровной мести в российском уголовном праве. Приводится характеристика отдельных признаков кровной мести. Рассмотрены примеры из судебной практики о применении судами п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: кровная месть; мотив преступления; субъективная сторона преступления; убийство по мотиву кровной мести; уголовное право.

*E. V. Laptev**Scientific supervisor – Candidate of Law A. V. Ilyash***THE MOTIVE OF VENGEANCE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW**

The article examines the legal essence of blood feud as an independent motive for a crime. It explores the historical aspect of the development of the institution of blood feud in Russian criminal law. The article provides a description of the individual features of blood feud. It also examines examples from judicial practice regarding the application of paragraph "e.1" of part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: blood feud; motive of a crime; subjective side of a crime; murder for the motive of blood feud; criminal law.

Развитие уголовного права в России берёт свое начало с момента возникновения государства в IX веке. Тогда основными его источниками являлись правовые обычаи племён и народов, населявших территории Древней Руси. В дальнейшем некоторые из правовых обычаев легли в основу первых уголовных законов государства, таких как «Русская правда», или Псковская и Новгородская судные грамоты, а в последствии нашли своё отражение и в ныне действующем Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ). Одним из таких правовых обычаев является кровная месть, правовая сущность которой существенно изменилась в процессе развития государства и права. Если в XII веке, согласно положениям первой «Русской правды», кровная месть рассматривалась в качестве наказания за убийство, то в действующем УК РФ кровная месть является отягчающим обстоятельством при умышленном причинении смерти другому лицу. В связи с этим мотив кровной мести требует детального изучения как с исторической, так и с правовой точек зрения.

Как уже было сказано ранее, в первом источнике уголовного права России – «Русской правде», кровная месть являлась одним из видов наказания. Согласно её положениям,

в случае если человек убивает другого человека, то за него должен отомстить брат, отец, сын, двоюродный брат или сын брата. Если никто из вышеперечисленных лиц не будет мстить, то виновный должен заплатить виру, то есть штраф [3, с. 68–69]. Следует отметить, что в качестве субъектов кровной мести «Русская правда» выделяет исключительно ближайших родственников убитого и исключительно мужского пола. Основными причинами, по которым кровная месть являлась самостоятельным видом наказания в Древней Руси, являются основная цель уголовного наказания того времени – восстановление социальной справедливости, а также отсутствие у государства эффективной исправительной системы. Данный вид наказания отличался чрезмерной жесткостью, иногда несопоставимой с тяжестью совершенного преступления. В связи с чем после смерти Ярослава Мудрого его сыновья ввели запрет на применение кровной мести, заменив её фиксированным штрафом.

В период раздробленности в отдельных землях, например в Псковской, кровная месть признавалась самостоятельным преступлением, что подтверждается положениями ст. 26 Псковской судной грамоты, в которой уста-

новлено, что истец обязан привести ответчика (виновного) и представить его судебной власти. При этом истец не имеет права совершить самосуд, иначе он сам станет уголовным преступником, как убийца. Подобные положения встречаются во многих нормативно-правовых актах того времени. Учёные объясняют тенденцию становления обычая кровной мести как отдельного состава преступления тем, что в то время во многих княжествах укреплялась роль князя и отдельных государственных органов, более значимыми для населения стали религиозные каноны, а также народ осознал архаичность данного обычая [2, с. 47]. Тем не менее, несмотря на принятые в праве меры, устанавливающие запрет кровной мести, обычай продолжал существовать.

Следует отметить, что рассматриваемая традиция сведения счётов имела в России продолжительную историю. В период с XV по XX века не существовало уголовно-правового запрета на убийство, совершённое из кровной мести. Лица, уличённые в таком, привлекались к ответственности за обычное убийство. Революция 1917 г. и новый правовой порядок отнесли кровную месть к наследию прошлого времени. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года был дополнен в 1928 г. главой 10 «Преступления, составляющие пережитки родового быта». Непринятие мер к примирению рода убитого с убийцей и его родом приводило к удалению с местности с конфискацией части имущества или без такового. Следует уточнить, что в 1928 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести», которым создавались отдельные примирительные комиссии при судах [14, с. 103]. Таким образом советская власть пыталась искоренить обычай кровной мести, который преимущественно был распространён на Северном Кавказе, путём введения отдельного примирительного производства, а также наказания за отказ от процедур примирительного характера с убийцей и его родом [12, с. 301]. Несмотря на это совершение преступления по рассматриваемому мотиву, всё ещё не квалифицировалось как обстоятельство, отягчающее вину или наказание.

Только в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года мотив кровной мести получил правовое регламентирование в качестве обстоя-

тельства, отягчающего вину. Так в статье 102 указанного кодекса, предусматривающей ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах, определено, что преступление, совершённое по мотиву кровной мести, наказывалось лишением свободы на срок от 8 до 15 лет лишения свободы с ссылкой или без неё, или смертной казнью. Ко всему, в рассматриваемом кодексе предусматривалась норма, устанавливающая наказание в виде ссылки до двух лет за отказ от примирительных процедур рода убитого с преступником и его родом [14]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ещё в советский период государство занялось проблемой кровной мести, применяя различные правовые меры борьбы с ней.

В действующем УК РФ кровная месть закреплена в пункте «е.1» части 2 ст. 105 и является отягчающим обстоятельством при убийстве. Виновному в совершении убийства по мотиву кровной мести может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет с ограничением свободы или без такового, либо пожизненного лишения свободы [13]. Следует отметить, что пункт «е.1» части 2 статьи 105 УК РФ был введён в 2007 г., в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года №211-ФЗ [15].

В УК РФ определение кровной мести не раскрывается, как и в постановлении пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [9]. В связи с этим необходимо обратиться к научной литературе с целью установления определения кровной мести в современном российском уголовном праве.

По мнению Краева Д.Ю., кровная месть рассматривается как обычай, состоящий в мести за убийство родственника, посредством убийства члена рода убийцы [7, с. 19]. Сериева М.М. толкует кровную месть как обычай, сформировавшийся в период родового строя общества, как способ защиты рода, посредством компенсации за обиду, надругательство, или убийство зеркальным ответом обидчику или представителю его рода. Данное представление видится наиболее полным, так как оно отражает не только сущность кровной мести, но и её характерные черты.

Также необходимо провести исследование отдельных особенностей кровной мести как самостоятельного мотива преступле-

ния. В первую очередь, стоит обратить внимание на повышенную общественную опасность данного мотива. Помимо права на жизнь лицо при совершении убийства по мотиву кровной мести посягает на систему государственного управления, а именно на исключительное право государства на отправку правосудия. Кроме того, указанное преступление посягает на общественную нравственность населения, так как виновный своими действиями реализует обряд, который является пережитком прошлого [8, с. 84]. Кроме того, обычай кровной мести может запустить целую цепочку убийств представителей разных родов, что так же усиливает общественную опасность убийства, совершенного по мотиву кровной мести.

Заслуживает интерес мнение Т.Ш.М. Едреева, который считает, что поводом и основанием для кровной мести может служить не только убийство родственника, но и любые действия, которые, с точки зрения национальных традиций, считаются недопустимыми и оскорбительными [5, с. 185]. Аналогичной позиции придерживаются Аксюк В.И. и Четвертакова Е.Ю., которые также подчеркивают определенную схожесть кровной мести с мотивом личной неприязни. Для правильной квалификации содеянного и определения мотива преступления необходимо проведение историко-этнографической экспертизы при расследовании уголовного дела, которая позволит установить, являются ли определенные действия недопустимыми и оскорбительными с точки зрения национальных традиций, а также придерживается ли субъект преступления обычая кровной мести [1, с. 2].

Рассматривая особенности субъекта убийства, совершенного по мотиву кровной мести, необходимо отметить, что в соответствии со статьей 20 УК РФ уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, наступает с 14 лет. Субъект данного преступления – общий. Однако в юридической литературе встречается мнение о специальном субъекте убийства по мотиву кровной мести. Сторонники данного подхода в качестве специальных признаков субъекта выделяют разделение и признание лицом обычая кровной мести, а также принадлежность лица к социальной группе, придерживающейся обычая кровной мести [6, с. 256].

Следует также обратить внимание на то, что убийство близкого родственника, как правило, вызывает у лица сильное душевное волнение. В связи с чем возникают определенные сложности в правоприменительной практике при разграничении убийства, совершенного по мотиву кровной мести, от убийства в состоянии аффекта. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что, как правило, убийство по мотиву кровной мести происходит спустя большое количество времени после убийства, послужившего поводом для кровной мести. В пример можно взять приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 20 декабря 2017 года по делу №1-99/2017, согласно которому подсудимый совершил убийство потерпевшего за его причастность к убийству родственника подсудимого, которое произошло за несколько месяцев до этого. Подсудимый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть за совершение убийства по мотиву кровной мести, и приговорен к 8 годам 8 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [10].

Особый интерес вызывает приговор Верховного Суда Республики Ингушетия от 14 августа 2019 года по делу №2-2/2019, согласно которому подсудимый совершил убийство лица, который утром того же дня выстрелом из пистолета причинил смертельное ранение отцу подсудимого. Органами предварительного следствия действия подсудимого были квалифицированы по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как убийство по мотиву кровной мести. В соответствии с обвинительным вердиктом присяжных заседателей суд признал подсудимого виновным, однако переквалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 107 УК РФ, то есть как убийство, совершенное в состоянии аффекта [11]. Таким образом, следует отметить, что мотив кровной мести имеет место только тогда, когда он связан не только с моральными переживаниями родственника убитого, но и с замыслом на исполнение обычая.

Подводя черту под вышесказанным, можно сделать вывод о том, что сущность мотива кровной мести, несмотря на его многовековое существование в российском уголовном праве, до конца не ясна. В действующем уголовном кодексе не приводится ника-

ких разъяснений относительно этого мотива. В связи с этим, в целях правильного применения судами и правоохранительными органами норм уголовного законодательства,

предусматривающего ответственность за убийство по мотиву кровной мести, требуется разъяснение Пленума Верховного суда РФ.

Список литературы:

1. Аксюк, В.И., Четвертакова, Е.Ю. Обычай кровной мести: проблемы квалификации преступлений / В.И. Аксюк, Е.Ю. Четвертакова // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/aksyuk_v_i.pdf (дата обращения 22.12.2025).
2. Георгиевский, Э.В. Кровная месть и смертная казнь у восточных славян / Э.В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С. 42–49.
3. Грошев, С.Н. Институт кровной мести в аспекте прав и обязанностей мужчин в Древней Руси / С. Н. Грошев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №2. – С. 68–70.
4. Гущева, Ю.В. Правовая аргументация в примирительных процедурах при преодолении кровной мести / Ю.В. Гущева // Юридическая техника. – 2013. – №7-1. – С. 102–104.
5. Едреев, Т. Ш. М. Кровная месть как квалифицирующий признак убийства / Т. Ш.М. Едреев // Евразийский научный журнал. – 2016. – №12. – С. 185–186.
6. Корсаков, К.В. Убийство по мотиву кровной мести: особенности субъекта преступления / К.В. Корсаков // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 256–257.
7. Краев, Д. Ю. Убийство по мотиву кровной мести (п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ) / Д.Ю. Краев // КриминалистЪ. – 2017. – №1. - (20). – С. 19–23.
8. Музюкин, А.П. Убийство по мотиву кровной мести в уголовном законодательстве России / А.П. Музюкин // Человек: преступление и наказание. – 2009. – №1. – С.84–85.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения 22.12.2025).
10. Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 20 декабря 2017 г. по делу №1-99/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: справочно-правовой портал. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gkmrjJKETn6C/#case_item (дата обращения 22.12.2025).
11. Приговор Верховного суда Республики Ингушетия от 14 августа 2019 г. №2-2/2019 // Верховный суд Республики Ингушетия: офиц. сайт. URL: https://vs-ing.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=439224&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 22.12.2025).
12. Сериева, М.М. Совершение преступления по мотиву кровной мести / М.М. Сериева // Форум молодых ученых. – 2017. – №8 (12). – С. 298–302.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (редакция от 15.10.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 22.12.2025).
14. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (редакция от 30.07.1996 г.) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения 22.12.2025).
15. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» от 24.07.2007 № 211-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52146/ (дата обращения 22.12.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 34.01

Е. А. Магомедова¹, М. А. Зайцева², К. А. Барина¹, Я. В. Танасийчук¹

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу социальных ценностей как ключевого фактора правообразования в современной России. Авторы обращаются к вопросу соотношения понятий «правообразование» и «правотворчество», обозначают доктринальные подходы к факторам правообразования (социально-экономический, политический, культурный, институциональный). Далее акцентируется внимание на роли аксиологической концепции правопонимания, являющейся основой для обозначения социальных ценностей как фактора правообразования. Определённое внимание уделено уровням трансформации социальных ценностей в правовые нормы. Для формирования авторской аргументации приводятся примеры из Конституции РФ (ст. 67.1), Указа Президента РФ № 809 (2022) и законопроектов Госдумы (№ 1008098-8, № 959275-8). Исследование подчёркивает многоуровневый механизм влияния социальных ценностей на правотворчество, способствующий синтезу универсальных, демократических и традиционных духовно-нравственных ориентиров в российской правовой системе.

Ключевые слова: правообразование; правотворчество; социальные ценности; аксиология права; традиционные ценности; правосознание; Конституция РФ; Указ Президента № 809; факторы правообразования; российская правовая система.

Е.А. Magomedova, М.А. Zaitseva, К.А. Barinova, Ya.V. Tanasiychuk

SOCIAL VALUES AS A FACTOR IN LAW FORMATION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the analysis of social values as a key factor in law formation in modern Russia. The authors address the relationship between the concepts of "law formation" and "law-making," outlining doctrinal approaches to the factors of law formation (socio-economic, political, cultural, institutional). Further attention is focused on the role of the axiological concept of law understanding, which serves as the basis for identifying social values as a factor in law formation. Particular attention is given to the levels of transformation of social values into legal norms. To build the authors' argumentation, examples are drawn from the Constitution of the Russian Federation (Art. 67.1), Presidential Decree No. 809 (2022), and State Duma bills (No. 1008098-8, No. 959275-8). The study emphasizes the multi-level mechanism of the influence of social values on law-making, which contributes to the synthesis of universal, democratic, and traditional spiritual-moral guidelines in the Russian legal system.

Keywords: law formation; law-making; social values; axiology of law; traditional values; legal consciousness; Constitution of the Russian Federation; Presidential Decree No. 809; factors of law formation; Russian legal system.

Российская юридическая наука в XXI веке характеризуется расширением спектра тем академических исследований, формированием и активным использованием полидисциплинарного подхода, совершенствованием методологического инструментария и другими конструктивными тенденциями развития. Вместе с тем, на наш взгляд, существуют в юридической науке темы, которые перманентно находятся в фокусе научных интересов исследователей. По нашему мнению, к таковым вполне можно отнести вопросы правообразования и правотворчества. Кроме того, целесообразно отметить, что

обозначенная проблематика имеет не только сугубо теоретическое, но и важное практическое значение. Это объясняется тем, что право играет ключевую роль в решении политических, экономических, технологических, экологических и других государственных задач. Представляется, что в этой ситуации не стоит упускать из виду тенденции инновационного развития различных сфер жизнедеятельности современного российского общества. Именно поэтому необходимо пристальное академическое внимание к вопросам правообразования и правотворчества. В этом плане следует согласиться с О.Д. Третьяко-

вой, которая отмечает, что происходит объединение различных элементов правовой системы, выступающее доминирующим фактором её успешного функционирования, совершенствование системы, в том числе за счёт повышения уровня юридической техники, выражающегося в увеличении арсенала правовых средств, приёмов, категорий [11, с. 77]. Рассуждая о соотношении понятий «правообразование» и «правотворчество», необходимо отметить, что в отечественной доктрине права по данному вопросу существует определённая дискуссионность. Вместе с тем большинство учёных-теоретиков признают, что правообразование – это более широкое понятие, чем правотворчество. Авторы считают корректным присоединиться к позиции А.В. Мицкевича, который отмечает, что «социальный процесс формирования позитивного права – это объективно складывающиеся и субъективно выявляющиеся в жизни общества и государства взаимодействия, влияние разнообразных социальных факторов на формирование правовых норм; этот процесс, несомненно, смыкается с завершающей стадией – юридически оформленным процессом правотворчества государства как организованной деятельностью его правотворческих органов по созданию либо признанию и закреплению в юридически обязательной форме норм позитивного права» [10, с. 244]. При анализе позиции данного учёного напрашивается вывод о том, что правообразование – это действительно достаточно сложный процесс, так как он включает в себя как социальные, так и властно-организационные компоненты, требует согласования интересов общества и государства, охватывает все стадии существования права – от возникновения идеи о необходимости правового регулирования до реализации нормы права в поведении её адресатов, соединяет объективную необходимость (жизнь общества) и субъективное осмысление (законодатель).

При таком содержательном наполнении данного понятия представляется важным обозначить, что этот процесс находится под воздействием множества факторов. Тема факторов правообразования получила достойную разработку ещё в советский период развития отечественной юридической науки. К ней обращались такие видные учёные, как Р.О. Халфина, В.Н. Кудрявцев, С.В. Полени-

на, Н.П. Колдаева. В постсоветское время такие учёные, как М. Н. Марченко, А. Б. Венгеров и В. В. Лазарев отмечали, что к основным факторам правообразования необходимо отнести социально-экономический, который заключается во взаимодействии между властью и обществом в процессе выработки норм, в выявлении потребностей в правовом регулировании, исходящих из хозяйственной деятельности, а также в материальной базе общества и т.д. В наши дни С.В. Дробязко к основным факторам относит социально-экономический (показывающий уровень развития экономики и производственных отношений), политический (затрагивающий характер власти, политический режим, структуру государственных институтов), культурный и духовный (определяющий систему ценностей, уровень правовой культуры, традиции) [6, с. 5]. С.В. Бошно к основным факторам правообразования также относит институциональный фактор, который подразумевает наличие органов и процедур, способных закрепить новые правовые нормы [3, с. 46].

Важное значение корректного детерминирования современных факторов правообразования подтверждается позицией А.И. Абрамовой, которая указывает на то, что происходящие в стране преобразования, вызванные процессами информатизации, цифровизации, внутри- и межгосударственными изменениями, актуализируют вопросы о том, каковы современные движущие силы права, что служит правообразующими импульсами, идущими от государства и общества, выступает объективной предпосылкой формирования правовой материи [1, с. 20].

Вышеизложенные авторские рассуждения, а также приведённая академическая аргументация позволяют вести речь о том, что на современном этапе развития отечественной правовой системы палитра факторов правообразования становится ещё более сложной и многогранной. Не претендуя на «истину в последней инстанции», а также принимая во внимание заявленную тему статьи, представляется целесообразным сосредоточить исследовательский потенциал на социальных ценностях как факторе правообразования. В этой связи считаем правильным апеллировать к родовому понятию «ценность». Содержательное наполнение базового понятия «ценность» предполагает обращение к его философской трактовке. В этом плане стоит отме-

тить, что в философии имеется самостоятельное направление – аксиология, которое является собой учение о ценностях. Многообразие трактовок данной категории связано с различными подходами в решении проблем соотношения материального и духовного, должного и сущего, объективного и субъективного. По мнению М.П. Данилковой, весь спектр представлений о ценностях можно дифференцировать в три группы: к первой группе относится точка зрения философов, утверждающих, что ценности – это феномены, связанные с удовлетворением потребностей человека. Вторая группа дефиниций определяет ценности как сущности, принадлежащие трансцендентальному миру, и, следовательно, они неизменны и объективны и не зависят от потребностей человека. Третья группа трактовок рассматривает ценности как феномены, относящиеся к надсубъективной реальности [5, с. 31].

Переводя вектор рассуждений в юридическое русло, считаем необходимым обозначить, что аксиологический подход к праву возник в контексте критики позитивизма, который рассматривал право исключительно как совокупность норм и команд, не обращая внимания на их ценностное содержание. Классический представитель отечественной правовой аксиологии С.С. Алексеев подчёркивал, что право не сводимо к внешней форме закона, что оно обладает внутренним содержанием, связанным с гуманистическими идеалами и ценностями. Право имеет смысл и значение только в той мере, в какой оно отражает и защищает то, что считается важным, значительным, достойным защиты [2, с. 166–168]. Правовая аксиология позволяет понять, почему одни нормы получают общественное признание и становятся действующими, а другие остаются мёртвой буквой закона. Связь между ценностями и нормами осуществляется через правосознание, которое понимается как совокупность представлений общества и отдельных индивидов о справедливости, добре, должном порядке вещей. Когда норма права отражает реальные ценности, разделяемые большинством членов общества, она становится легитимной и эффективной. Когда же произойдёт разрыв между провозглашаемыми ценностями и действующими нормами, наступает кризис права, его отчуждение от общества.

Теоретическое значение аксиологии права состоит в том, что она позволяет преодолеть механистический подход к праву и рассматривать его как органическую систему, пронизанную определёнными ценностными смыслами. Практическое значение этого подхода заключается в возможности совершенствования правотворчества путём осознанного учёта ценностных оснований, разработки критериев оценки соответствия норм фундаментальным ценностям общества, а также повышения эффективности правоприменения через интерпретацию норм в свете их ценностной направленности. Так, обращаясь к взглядам С.С. Алексеева, можно сделать вывод о том, что ценность – это «специфическое определение, выражающееся в положительном значении явлений для человека». А говоря о социальных ценностях, хотелось бы акцентировать внимание на мнении А.Б. Венгерова, который определяет социальные ценности как «значимые для общества, исторически выработанные идеалы и нормы, регулирующие общественное поведение и обеспечивающие стабильность социального порядка» [4, с. 476–479]. К социальным ценностям, по мнению ряда учёных, следует относить институты семьи, прав человека, равенства и запрета дискриминации, стабильности Конституции, справедливости, гуманизма, свободы личности, достоинства человека и т.д.

Характеризуя социальные ценности, как фактор правообразования, представляется важным обозначить, что процесс превращения ценностей в юридические нормы не является прямолинейным и механическим. Он, по нашему мнению, осуществляется на нескольких уровнях. На первом уровне находится ценностное ориентирование социума, заключающееся в формировании в общественном сознании представления о желаемом, достойном правовой защиты состоянии. Это происходит через воспитание, образование, культурную трансляцию, взаимодействие в семье и сообществе. Ценности закрепляются в культуре, религии, литературе, искусстве. Отдельные индивиды и социальные группы усваивают эти ценности и готовы действовать в их защиту. На втором уровне осуществляется трансляция ценностей в сферу общественного сознания и правосознания. Здесь происходит обсуждение, дебаты, попытки достижения консенсуса относительно того, какие ценности должны быть защищены

правом, в каком объёме и каким образом. Различные социальные группы, политические силы, интеллигенция участвуют в формировании общественного мнения о том, на каких ценностях должна строиться правовая система. На третьем уровне происходит нормативное закрепление ценностей в конституции и законодательстве. Законодатель, анализируя состояние общественного сознания, отбирает наиболее значимые ценности и воплощает их в форму юридических норм, принципов и институтов. Конституция, как высший закон государства, закрепляет фундаментальные ценности, которые определяют смысл и направленность всех остальных нормативных правовых актов.

В этом контексте правообразование является процессом, посредством которого социальные ценности трансформируются в нормативные правовые акты. Механизм этого процесса раскрывает нам суть связи между идеальным и реальным в праве. Всякая норма права содержит в себе оценку – определение того, что считается правомерным или неправомерным, справедливым или несправедливым, общественно полезным или вредным. Эта оценочная сторона нормы неразрывно связана с ценностями, которые лежат в её основе. Например, норма уголовного закона, устанавливающая ответственность за убийство, выражает ценность человеческой жизни и её неприкосновенности. Норма гражданского права, защищающая право собственности, выражает ценность экономической свободы и справедливого распределения благ. Законодатель не создаёт ценности как таковые: ценности существуют в жизни общества, в его культуре, традициях, психологии. Роль законодателя состоит в том, чтобы выявить эти ценности, осознать и оценить их значимость и, наконец, воплотить их в форму правовых норм. В этом смысле право получает своё содержание и смысл из жизни, из реальных потребностей общества. Благодаря ценностям право получает своё человеческое измерение, отличающее его от простого набора команд или технических регуляций.

На наш взгляд яркой иллюстрацией правового закрепления социальных ценностей является ст. 67.1, добавленная в Конституцию России в 2020 г., которая содержит следующее положение: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам

идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство» [9]. Далее в ст. 67.1 указывается, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Анализ этих конституционных положений показывает, что в тексте основного закона страны заложены нравственные ориентиры, отражающие социальные ценности современного российского социума.

Для подтверждения значения социальных ценностей как фактора правообразования, важно обратиться к Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором говорится о наших национальных ценностях. В абзаце 4 вышеобозначенного документа говорится о том, что «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». В абзаце 5 Указа отмечается, что «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [12].

Обобщая всё вышеизложенное, считаем, что социальные ценности являются важным фактором, определяющим формат правообразования в условиях современной правовой реальности России. В качестве примеров, подтверждающих интеграцию ценностных ориентиров в законотворческую практику, считаем возможным обратиться к законо-

проектам, находящимся на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации, касающихся непосредственно социальных ценностей и их важности в современной отечественной правовой реальности. Так, законопроект № 1008098-8 «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Российской Федерации» направлен на законодательное закрепление мер поддержки семей с тремя и более детьми. В нём отмечаются такие социальные ценности, как семья (законопроект подчёркивает важность семьи, особенно многодетной, и необходимость её государственной поддержки [7]). Это отражает ценность традиционных семейных устоев и заботы о подрастающем поколении; социальная справедливость и равенство (предоставление мер поддержки многодетным семьям направлено на выравнивание их положения по сравнению с другими категориями граждан и обеспечение им достойного уровня жизни). Также можно обратить внимание на законопроект № 959275-8 «О предоставлении социальных гарантий женщинам, удостоенным звания «Мать-героиня» [8]. Следует констатировать, что, на наш взгляд, текст данного законопроекта формировался под воздействием таких социальных ценностей, как ценность материнства и семьи. В нём признаётся социальная ценность материнства через предоставление социальных гарантий многодетным матерям. Также в данном законопроекте делается акцент на социальную справедливость, проявляющуюся через стремление к

обеспечению достойного уровня жизни для тех, кто внёс значительный вклад в развитие общества и государства.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что социальные и общечеловеческие ценности являются не просто контекстом правообразования, а его фундаментальной основой. Правообразование – это процесс трансформации ценностей в нормативные правовые акты, происходящий на нескольких уровнях: от конституционного закрепления через принципы и цели отраслевого законодательства к практической реализации в деятельности органов власти. Механизмы влияния ценностей на правотворчество многоуровневые и включают: конституционное закрепление ценностей как высшей нормативной базы; отражение ценностей в принципах и целях каждой отрасли права; процедурные механизмы учёта ценностей при разработке нормативных правовых актов; опору на историческую традицию и культурное своеобразие при выборе и интерпретации ценностей. Конституция РФ 1993 г., «перформативная» поправками 2020 г., создала новую ценностную архитектуру, которая пытается синтезировать универсальные права человека, демократические ценности правового государства, социальные ценности справедливого распределения с традиционными духовно-нравственными ценностями, защитой национальной идентичности и исторической памяти.

Список литературы:

1. Абрамова, А.И. Стратегия правотворчества в условиях конвергенции социальных и технологических инноваций // Журнал российского права. – 2022. – № 10. – С. 18–27.
2. Алексеев, С.С. Теория права: учебник. – 2-е изд. / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 280 с.
3. Бошно, С.В. Правообразование и правотворчество / С.В. Бошно // Право и современные государства. – 2019. – № 1. – С. 45–51.
4. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – 13-е изд., пер. и доп. / А.Б. Венгеров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – 680 с.
5. Данилкова, М. П. Аксиология (философское учение о ценностях). Краткий конспект лекций: учебное пособие / М. П. Данилкова. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2019. – 64 с.
6. Дробязко, С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы: научная работа / С. Г. Дробязко. – Минск: БГУ, 2003. – С. 3-6.
7. Законопроект № 1008098-8 «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1008098-8> (дата обращения 25.12.2025).
8. Законопроект № 959275-8 «О предоставлении социальных гарантий женщинам, удостоенным звания «Мать-героиня» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт.

URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959275-8> (дата обращения 25.12.2025).

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 25.12.2025).

10. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Изд-во «Норма», 2001. – 813 с.

11. Третьякова, О.Д. Стратегия правотворчества: юридическая конвергенция на региональном и глобальном уровнях правового регулирования / О.Д. Третьякова // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 75–79.

12. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 25.12.2025).

¹Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

²Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, Калуга, РФ

УДК 351.72

*Е. А. Магомедова¹, М. А. Зайцева², А. С. Еремичева¹, Е. С. Печенцова¹***ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОНДЫ В РОССИИ: ПРАКТИКА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье исследуется эволюция и современное состояние государственных внебюджетных фондов России как самостоятельного звена финансовой системы, обеспечивающего реализацию ключевых конституционных социальных гарантий. Показаны исторические предпосылки формирования широкой системы целевых внебюджетных фондов в 1990-е гг., их последующая консолидация в бюджете и сохранение лишь социальных фондов. На основе доктринальных подходов и юридической практики анализируются проблемные аспекты функционирования обновленной системы внебюджетных государственных фондов: несбалансированность поступлений и выплат, риски дефицита, утрата целевой обособленности и снижение прозрачности финансовых потоков. Обосновывается вывод о необходимости сохранения и развития внебюджетных фондов как инструмента целевого финансирования социально значимых задач при условии строгого соблюдения принципов бюджетного законодательства, цифровизации администрирования, усиления контроля и независимого аудита. Авторский подход подчёркивает, что институциональное укрепление целевых внебюджетных фондов способствует устойчивому социально-экономическому развитию, финансовому суверенитету и повышению эффективности защиты человеческого капитала.

Ключевые слова: государственные внебюджетные фонды; финансовая система России; Социальный фонд России; обязательное медицинское страхование; социальное страхование; пенсионная система; целевое финансирование; бюджетная консолидация; финансово-правовое регулирование; социальная политика; финансовый суверенитет государства; человеческий капитал.

*Е. А. Magomedova, M. A. Zaitseva, A. S. Yermicheva, E. S. Pechentsova***EXTRA-BUDGETARY STATE FUNDS IN RUSSIA: PRACTICE OF FUNCTIONING AND
PROBLEMATIC ASPECTS**

The article examines the evolution and current state of Russia's state extra-budgetary funds as an independent element of the financial system that ensures the implementation of key constitutional social guarantees. It highlights the historical prerequisites for the formation of an extensive system of targeted extra-budgetary funds in the 1990s, their subsequent consolidation into the state budget, and the preservation of only social funds. Drawing on doctrinal approaches and law-enforcement practice, the article analyses problematic aspects of the functioning of the updated system: imbalance between revenues and expenditures, risks of deficit, loss of targeted segregation, and reduced transparency of financial flows. The conclusion is substantiated that it is necessary to preserve and further develop extra-budgetary funds as an instrument for targeted financing of socially significant tasks, provided that the principles of budget legislation are strictly observed, administration is digitalised, and control and independent audit are strengthened. The authors' approach emphasises that the restoration and institutional strengthening of targeted extra-budgetary funds contributes to sustainable socio-economic development, financial sovereignty, and increased effectiveness in protecting human capital.

Keywords: state extra-budgetary funds; financial system of Russia; Social Fund of Russia; compulsory medical insurance; social insurance; pension system; targeted financing; budget consolidation; financial and legal regulation; social policy; financial sovereignty of the state; human capital.

В последние три десятилетия вопросы финансовой деятельности государства находятся на острие не только науки финансового права, но и экономической науки. Категория финансовая деятельность государства в современной доктрине права носит дискуссионный характер. На наш взгляд, эта дискус-

сионность в первую очередь обусловлена наличием достаточно широкого спектра академических точек зрения по вопросу структуры финансовой системы государства. Специалисты в области финансового права, такие как Н.И. Химичева, Е.Ю. Грачева, Э.Д. Соколова, Н.П. Поветкина, действительно по-

разному оценивают структуру финансовой системы государства. Но наиболее конструктивной точкой зрения в формате заявленной темы представляется позиция доктора юридических наук, профессора Н.И. Химичевой, которая в качестве звеньев финансовой системы государства определяет бюджетную систему, внебюджетные государственные фонды, финансы хозяйствующих субъектов и отраслей, страхование и кредитование. На наш взгляд, наиболее сложным и неоднозначно оцениваемым звеном являются внебюджетные государственные фонды.

Следует отметить, что в системе государственных финансов современной России внебюджетные государственные фонды занимают особое место, обеспечивая реализацию основных направлений социальной политики и гарантируя стабильность социальной защиты граждан. После объединения Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования в единый Социальный фонд России (СФР) с 1 января 2023 г. структура внебюджетных фондов претерпела значительные институциональные изменения. Сегодня ключевыми элементами системы является Социальный фонд России и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС), которые совместно формируют финансовую базу российского социального государства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью правового и организационного осмысления последствий проводимой реформы, направленной на централизацию ресурсов, повышение эффективности их администрирования и упрощение взаимодействия граждан и бизнеса с государственными институтами. Несмотря на заявленные преимущества объединения, практика функционирования обновлённой системы выявляет ряд проблемных аспектов: несбалансированность поступлений и выплат, риски дефицита средств, сложности в интеграции информационных систем, а также необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования.

Для того, чтобы показать всю серьёзность вопросов функционирования государственных внебюджетных фондов, считаем целесообразным обозначить, что практика создания внебюджетных государственных фондов относится к началу 1990-х гг. Именно тогда Россией был заимствован зарубежный

опыт и внебюджетные государственные фонды оформились как самостоятельное звено финансовой системы Российского государства. В тот период были созданы: Пенсионный фонд России, Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования, Фонд занятости населения, Экологический фонд, транспортные фонды, фонды поддержки предпринимателей, фонд воспроизводства минерально-сырьевой базы, фонд развития таможенной системы РФ и другие целевые внебюджетные фонды.

Следует согласиться с О.С. Забраловой, которая отмечает, что до 1990-х гг. потребность в особых централизованных фондах отсутствовала, поскольку все публичные расходы производились из бюджета. Начало рыночного строительства потребовало пересмотреть существовавшие подходы к структуре бюджетной системы, в частности была образована целая система государственных внебюджетных фондов [3, с. 43].

Центральным элементом системы стал Пенсионный фонд Российской Федерации, учрежденный 22 декабря 1990 года. Его создание было обусловлено необходимостью централизованного управления средствами пенсионной системы в новых экономических условиях. В первые годы деятельности фонд столкнулся с необходимостью постоянного увеличения размеров пенсий в условиях гиперинфляции. К 1995 г. основной задачей стало обеспечение своевременных выплат всех видов пенсий – по старости, инвалидности и потере кормильца. Финансирование осуществлялось преимущественно за счёт отчислений с заработной платы работников и средств работодателей. Интересной особенностью начального периода стало то, что в 1992–1994 гг. доходы Пенсионного фонда устойчиво превышали расходы. Это объяснялось двумя причинами: ежегодным пересмотром тарифов для предприятий исходя из прогнозируемых расходов и высокой собираемостью взносов в условиях ещё не распространённой практики уклонения от налогов. Однако именно высокие тарифы впоследствии стимулировали уклонение предприятий от уплаты взносов. Как отмечал экономист Г.А. Яременко, к 1996 г. фактическая ставка отчислений в Пенсионный фонд снизилась до 18% [4].

Параллельно с пенсионной системой развивался Фонд обязательного медицинско-

го страхования, созданный для гарантии равного доступа граждан к медицинской помощи. С 1995 г. фонд начал аккумулировать средства через страховые взносы, направляя их на оплату медицинских услуг, лечение в государственных учреждениях и реализацию профилактических программ. В последующие годы этот фонд претерпел существенные изменения в системе контроля за расходованием средств, были внедрены механизмы повышения прозрачности и эффективности использования ресурсов.

Важную роль в социальной защите населения играл Фонд социального страхования, обеспечивавший выплаты по временной нетрудоспособности, беременности и родам, а также другие социальные гарантии. Его средства формировались через страховые взносы, при этом наблюдалась определённая взаимосвязь с другими фондами социальной защиты. На протяжении всего периода происходили постоянные изменения в условиях назначения и размерах выплат, проводились реформы, направленные на оптимизацию финансовых потоков.

Особого внимания заслуживает Фонд занятости населения, создававшийся для поддержки рынка труда в условиях массового высвобождения рабочей силы. На начальном этапе, с 1995 г., фонд занимался формированием страховых взносов и направлением средств на меры по борьбе с безработицей. В дальнейшем его деятельность расширилась за счёт реализации активной политики занятости, инвестиций в переквалификацию граждан и стимулирование малого бизнеса.

Среди отраслевых фондов следует выделить Экологический фонд, целью которого было финансирование мероприятий по охране окружающей среды. Его средства формировались из специальных налогов и экологических сборов, введенных в условиях перехода к рыночной экономике. С 1995 г. фонд финансировал программы по охране природы, утилизации отходов, очистке водоёмов и рекультивации загрязнённых территорий. Со временем его функции расширялись за счёт привлечения дополнительных источников финансирования.

Транспортный фонд решал задачи развития транспортной инфраструктуры – ремонта и строительства дорог, мостов, модернизации транспортных сетей. Доходы аккумулировались за счёт транспортных сборов,

налогов и пошлин, а средства направлялись на проекты, связанные с безопасностью дорожного движения и обновлением технических средств. В процессе реформ происходило перераспределение полномочий и средств между.

Представляется важным уточнить, что эти фонды формировались как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации, а практика их функционирования показала и доказала, что они являются очень действенным инструментом достижения конкретных социально-экономических целей. На наш взгляд, это обусловлено тем, что именно целевое направление финансовых ресурсов позволяет достигать поставленных целей и решать соответствующие задачи. Однако в середине 1990-х гг. на фоне острого бюджетного кризиса возникла идея консолидации (возврата) доходов внебюджетных фондов в федеральный бюджет России. Это обусловлено тем, что в первой половине 1990-х гг. федеральный бюджет оставался хронически дефицитным, что усугублялось гиперинфляцией, неплатежами и распылением государственных финансов по множеству внебюджетных фондов. К 1994 г. объёмы этих фондов (дорожный, экологический, фонд налоговой полиции, фонд развития таможенной системы РФ и др.) стали сопоставимы с доходами федерального бюджета, создавая параллельную финансовую систему вне централизованного контроля.

Международный валютный фонд, предоставлявший кредиты России, настаивал на консолидации всех государственных финансов в едином бюджете для повышения прозрачности и эффективности расходования, что стало условием дальнейшей финансовой помощи. Внутри страны реформаторы также видели в фондах источник скрытого дефицита и неэффективного использования средств на отраслевые цели, предпочитая их трансформацию в целевые бюджетные статьи. Как результат – с 1995 г. практически все выше-названные фонды были упразднены или преобразованы (полностью ликвидированы к 1996 г.), а их доходы (акцизы, сборы) направлены на покрытие дефицита бюджета. Как исключение сохранились только социальные фонды – Пенсионный фонд России, Фонд социального страхования и Фонд обязательного медицинского страхования. Это заложило основу для Бюджетного кодекса РФ 1998 го-

да, закрепившего закрытый перечень государственных внебюджетных фондов. Но в результате реформы 2023 г. Пенсионный фонд России был соединён с Фондом социального страхования и таким образом произошло ещё одно укрупнение внебюджетных государственных фондов.

Вместе с тем для обоснования авторской позиции о конструктивности внебюджетных фондов, как самостоятельного звена отечественной финансовой системы стоит отметить их позитивную роль в части развития предпринимательства в постсоветской России. Фонды поддержки предпринимателей появились в начале 2000-х гг. в ответ на необходимость стимулирования малого и среднего бизнеса. Их задача заключалась в предоставлении субсидий, грантов, льготных кредитов и иных форм поддержки для развития предпринимательской деятельности. Источники средств – государственные субсидии, перераспределение из общегосударственного бюджета и специальные фонды развития. В рамках развития программы предпринимательства средства направлялись на создание благоприятных условий для инноваций, поддержки стартапов и усиления конкуренции на рынке.

В отечественной доктрине финансового права в течение последних 13 лет отношение к внебюджетным государственным фондам, как самостоятельному звену финансовой системы государства было неоднозначное. Н.И. Химичева, признанный авторитет в области финансового права и ответственный редактор фундаментального учебника «Финансовое право» (широко используется в российских юридических вузах), последовательно выделяет внебюджетные фонды как необходимый и функционально значимый элемент финансовой системы Российской Федерации, образуемые и используемые с целью реализации конституционных прав граждан [6, с. 278].

Один из ведущих специалистов в области финансового права д.ю.н. Е.Ю. Грачева определяет государственные внебюджетные фонды как государственные фонды денежных средств, предназначенные для реализации конституционных прав граждан на социальное обеспечение по возрасту, при болезни, инвалидности, потере кормильца, рождении и воспитании детей. Её позиция подчеркивает, что внебюджетные фонды представляют собой форму организации страховых отноше-

ний, необходимую для защиты конституционно гарантированных прав граждан. В её работах, включая авторитетный учебник «Бюджетная система и система налогов и сборов Российской Федерации» (соавторы О.В. Болтинова, О.Ю. Бубнова, 2023), демонстрируется, что внебюджетные фонды выполняют критическую роль в системе государственных финансов [2, с. 48].

И.В. Бит-Шабо в 2015 г.у защитила докторскую диссертацию «Концептуальные проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных социальных внебюджетных фондов» и продолжает активную научную деятельность. На IV Финансово-правовом форуме «Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность» (2023 г.) под руководством Е.Ю. Грачевой и Ю.К. Цареградской Бит-Шабо представила работу «Реформирование системы государственных внебюджетных фондов как инструмент обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации». Позиция автора свидетельствует о том, что совершенствование системы внебюджетных фондов рассматривается как стратегический вопрос финансовой независимости государства [1, с. 20]. Вместе с тем, необходимо отметить, что целый ряд учёных-финансистов и специалистов-практиков ратовали за интеграцию внебюджетных фондов социальной направленности в бюджет. С точки зрения правовой регламентации деятельности данных структурных элементов финансовой системы России удивляет тот факт, что высший представительный орган Российской Федерации так и не принял статутные законы о них за 30 лет существования внебюджетных фондов.

Анализ современной ситуации свидетельствует о том, что комплекс проблем, для решения которых ранее создавались целевые внебюджетные государственные фонды, сохраняет свою актуальность. Однако спектр внебюджетных государственных фондов был существенно сужен, а их функции и финансовые потоки интегрированы в структуру федерального бюджета. Это создает новую институциональную реальность, в рамках которой механизмы целевого финансирования утратили свою прежнюю обособленность и, как следствие, приоритетность. Возникает закономерный вопрос: каким образом обеспечивается преемственность финансирования в условиях данной реформы? В качестве

контраргумента можно привести существование ежегодно разрабатываемого и утверждаемого федерального бюджета Российской Федерации. Действительно, в бюджетной росписи присутствуют соответствующие статьи расходов, функционально замещающие прежние фонды. Тем не менее, ключевая проблема заключается не в формальном наличии этих статей, а в изменении качества финансового обеспечения. Интеграция привела к утрате такого системного атрибута внебюджетных фондов, как пристальное целевое внимание к конкретным существующим социально-экономическим проблемам. Специализированные фонды обеспечивали высокую степень прозрачности, предсказуемости и защищённости денежных потоков, поскольку их источники и направления расходования были жестко закреплены.

На примере проекта федерального бюджета на 2025 г. можно наблюдать объёмы средств, выделяемых на отрасли, курировавшиеся ранее внебюджетными фондами (здравоохранение, социальная политика, дорожное хозяйство). Однако, будучи встроенными в общую конкурентную среду бюджетных ассигнований, эти средства становятся более уязвимыми в процессе ежегодного перераспределения ресурсов в условиях меняющихся национальных экономических приоритетов.

Опыт 1990-х гг. наглядно продемонстрировал, что внебюджетные фонды являются не пережитком прошлого, а эффективным финансово-правовым инструментом для решения сложных, долгосрочных социально-экономических задач. Их интеграция в бюджет, несмотря на некоторые административные удобства, привела к системному ослаблению гарантий финансирования жизненно важных для общества направлений. Укрупнение фондов и их поглощение бюджетной системой – это шаг назад с точки зрения обеспечения устойчивого и приоритетного развития человеческого капитала и инфраструктуры страны. Восстановление же целевых внебюджетных фондов позволило бы вернуть этим направлениям утраченный финансовый приоритет, стабильность и прозрачность, что является насущной потребностью для преодоления текущих вызовов. В качестве аргументации в пользу высказанной позиции считаем возможным присоединиться к мнению д.ю.н., проф. Н.А. Поветкиной, которая приводит такие формы организации

денежных средств, как Фонд поддержки детей с тяжёлыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, «Круг добра» [5, с. 10], основными целями которого являются реализация дополнительного механизма организации и финансового обеспечения оказания медицинской помощи (при необходимости за пределами Российской Федерации) детям с тяжёлыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, обеспечение таких детей лекарственными препаратами и медицинскими изделиями [7].

По мнению Н.А. Поветкиной к иным источникам также следует отнести и Государственный фонд поддержки участников СВО «Защитники Отечества» [5, с. 11], одной из целей которого является реализация дополнительных финансовых механизмов (за счёт бюджетных ассигнований) обеспечения определенных категорий лиц [8].

Указанные финансовые инструменты не являются в чистом виде внебюджетными фондами, но они, по нашему мнению, ещё раз доказывают, что обособление финансовых средств, предназначенных для решения социально-значимых задач, от бюджета позволяет более успешно решать эти задачи.

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что государственные внебюджетные целевые фонды необходимы современной России как инструмент обеспечения социальной стабильности и целевого финансирования ключевых конституционных гарантий, недостижимых при полной бюджетной консолидации. Их существование позволяет оперативно реагировать на демографические вызовы, кризисы и региональные диспропорции, минимизируя риски задержек выплат. Безусловно эффективность функционирования фондов может быть достигнута при строгом соблюдении принципов БК РФ (ст. 34, 144): закрытый перечень, самостоятельные доходы (страховые взносы) и строго целевое использование без дефицита. Необходимы также цифровизация администрирования, единая информационная система, независимый аудит и парламентский контроль для исключения нецелевого расходования. При таких условиях, на наш взгляд, фонды усиливают бюджетную систему, не создавая параллельных структур, и способствуют устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Список литературы:

1. Бит-Шабо, И.В. Реформирование системы государственных внебюджетных фондов как инструмент обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации / И.В. Бит-Шабо // Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 21 февраля 2023 года. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. – С. 18–24.
2. Грачева, Е.Ю., Болтинова, О.В., Бубнова, О.Ю. Бюджетная система и система налогов и сборов Российской Федерации: Учебник для магистратуры / Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова, О.Ю. Бубнова. – М.: Норма, 2023. – 256 с.
3. Забралова, О.С. Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений / О.С. Забралова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 3. – С. 40–55.
4. Малеева, Т.М., Синявская, О.В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. Аналитический доклад / Т.М. Малеева, О.В. Синявская // Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – 76 с.
5. Поветкина, Н.А. Государственные внебюджетные фонды: специфика бюджетно-правового статуса / Н.А. Поветкина // Финансовое право. – 2024. – № 11. – С. 10–12.
6. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА – М., 2017. – 800 с.
7. Указ Президента РФ от 05.01.2021 № 16 «О создании Фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, «Круг добра» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373493/ (дата обращения 25.12.2025).
8. Указ Президента РФ от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443670/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения 25.12.2025).

¹Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

²Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, Калуга, РФ

УДК 347.4

*Е. А. Мельникова, А. Г. Федоров***ПУБЛИЧНЫЙ ДОГОВОР: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

В цифровую эпоху публичные договоры приобретают большую значимость. Важность публичного договора выражается через его способность урегулировать отношения между государственными или муниципальными структурами и частными лицами или организациями, гарантируя при этом прозрачность и защиту прав всех сторон. В то же время, с учётом бурного развития технологий, необходимо пересмотреть традиционные подходы к формированию и исполнению этих договоров, а также к вопросам их юридической значимости и безопасности.

Ключевые слова: публичный договор; цифровизация; конфиденциальность; персональные данные.

*E. A. Melnikova, A. G. Fedorov***PUBLIC TREATY: GENERAL PROVISIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS
IN THE DIGITAL AGE**

In the digital age, public contracts are becoming increasingly important. The importance of a public contract lies in its ability to regulate the relationship between governmental or municipal entities and individuals or organizations, ensuring transparency and protecting the rights of all parties. However, with the rapid advancements in technology, there is a need to reevaluate traditional approaches to the formation and execution of these contracts, as well as their legal significance and security.

Keywords: public contract; digitalization; privacy; personal data.

В современном мире, где цифровые технологии проникают в каждую сферу нашей жизни, правовые системы сталкиваются с необходимостью адаптации к новым условиям функционирования. Публичные договоры, как важный элемент гражданско-правовых отношений, не остаются в стороне от этого процесса. Внедрение электронных подписей, блокчейн-технологий и искусственного интеллекта предъявляет новые требования к законодательству и практике ведения дел.

Однако, с появлением новых инструментов возникают и новые вызовы. Прозрачность, безопасность данных, защита прав потребителей и доступность юридических услуг – всё это вопросы, требующие пересмотра в контексте цифровизации. Как именно цифровые технологии изменяют понимание и регулирование публичных договоров, и каковы потенциальные риски и возможности для всех участников правоотношений? Эти вопросы становятся очень актуальными в условиях глобальной цифровой трансформации.

В рамках современного гражданского законодательства договор представляет собой соглашение между несколькими участниками, направленное на создание, изменение или

прекращение прав и обязанностей, регулируемых гражданским правом. Ежедневно многие люди вступают в отношения, регулируемые публичными договорами. К числу таких договоров относятся, например, розничные продажи, перевозки на общественном транспорте, предоставление услуг связи, аренда вещей, хранение имущества в камерах хранения или на складах общего пользования, а также бытовые подрядные работы [6, с. 2]. При этом к публичным договорам не относятся, в частности, кредитный договор (п. 1 ст. 819 ГК РФ) и договор добровольного имущественного страхования (п. 1 ст. 927 ГК РФ) [3, п.15].

Возникновение публичных договоров в гражданско-правовой сфере связано с необходимостью обеспечить защиту прав и интересов потребителей, которые традиционно считаются более уязвимой стороной в подобных соглашениях. Основная проблема потребителей заключается в том, что они, будучи обычными участниками рынка, вступают в экономические взаимодействия с крупными торговыми компаниями, что приводит к экономическому дисбалансу между сторонами публичных договоров. Законодатель стремится через внедрение института публичного

договора обеспечить гражданам максимально эффективное удовлетворение их конкретных запросов. Как отмечают некоторые специалисты, исключительность публичного договора заключается в том, что он выступает исключением среди иных договоров в гражданском праве, так как ограничивает основные принципы договорных отношений, например таких, как невмешательство в частные дела и свобода договора [5, с. 82].

В соответствии с общим правилом, договор считается заключённым, когда одна сторона направляет оферту, а другая сторона – акцепт, то есть выражает согласие, принимая её. Такое оформление договора предполагает явное взаимное согласие сторон. При этом можно согласиться с мнением отдельных исследователей, которые выделяют как основную особенность публичного договора, то, что он направлен на защиту «экономически слабой» стороны в договоре, а также то, что публичный договор является скорее специфическим правовым режимом, обеспечивающим регулирование обязательственных отношений с участием прежде всего потребителей, а не договором как таковым [8, с. 20].

Отступление от общего правила порождает в гражданском праве абсолютные правоотношения – их возникновение связано с ситуацией, при которой субъект, осуществляющий предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, обращенную к неограниченному кругу лиц, предоставляет любому потребителю возможность вступить с ним в договорные отношения. В этом случае право потребителя на заключение договора сопряжено с обязанностью организации заключить и выполнить условия такого договора.

Ключевая особенность заключается в моменте возникновения данной обязанности. Она устанавливается для организации не в момент обращения конкретного потребителя, а задолго до этого – с самого начала осуществления ею соответствующей публичной деятельности. Следовательно, одной из характерных черт публичного договора является то, что его заключение регулируется обязательной нормой, обязывающей организацию вступать в договорные отношения со всеми обратившимися к ней лицами с момента начала её публичной деятельности.

Договор гражданско-правового характера приобретает статус публичного при со-

блюдении определённых условий. Во-первых, исполнителем по такому договору выступает организация, к примеру, хозяйственное общество или муниципальное образование. Во-вторых, заказчиком обычно является физическое или юридическое лицо, которое выступает в роли потребителя предоставляемых услуг, работ или товаров. Кроме того, согласно ст. 426 Гражданского кодекса России и другим нормативным актам, организация обязана заключать договор с любым лицом, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом [1, ст. 426].

Обязательства по договору должны соответствовать основной деятельности организации, оказывающей услуги. Например, если организация занимается газификацией, а договор касается передачи имущества, такой договор не может быть признан публичным.

Действующее законодательство возлагает на организацию, выступающую стороной публичного договора, ряд императивных требований, направленных на реализацию его основной социально-правовой функции. Во-первых, на организацию возлагается фундаментальная обязанность по установлению и соблюдению единообразных условий для всех контрагентов. Это означает, что цена (тариф), а также иные существенные условия предоставления услуги или продажи товара должны быть идентичными для всей неопределённой совокупности потребителей.

Во-вторых, категорический запрет на необоснованную дискриминацию. Законодатель прямо исключает право организации отдавать предпочтение одним потребителям перед другими при равном характере и объёме их требований. Данное требование является конкретизацией конституционного принципа равенства и направлено на предотвращение произвольного, субъективного отбора контрагентов.

В-третьих, ключевым элементом выступает принцип недопустимости необоснованного отказа от заключения договора. Отказ правомерен лишь в исключительных случаях, когда существует объективная невозможность предоставить услугу или продать товар (например, в силу отсутствия необходимых ресурсов, мощностей или прекращения соответствующего вида деятельности). Бремя доказывания такой невозможности лежит на самой организации.

Наконец, установленные организацией единые условия не должны противоречить обязательным предписаниям законодательства и нормативных правовых актов. Даже унифицированные договорные положения подлежат контролю на предмет соответствия императивным нормам, регулирующим данную сферу деятельности (например, правилам оказания отдельных видов услуг, санитарным нормам, техническим регламентам). Это обеспечивает защиту публичных интересов и гарантирует, что содержание массовых договоров остается в правовом поле.

Таким образом, организация, выступающая стороной договора и предоставляющая услуги, должна соблюдать следующие требования: цена и прочие условия обязаны быть одинаковыми для всех клиентов; нельзя отдавать предпочтение одному потребителю перед другим; отказ в заключении договора недопустим, если существует возможность его исполнения; при этом условия договора обязаны соответствовать требованиям, предусмотренным законодательством и нормативными актами.

В отличие от коммерческой организации, на которую законом возлагается система императивных обязанностей, правовой статус контрагента (потребителя товаров, работ, услуг) в конструкции публичного договора характеризуется преимущественно предоставительным характером. Законодатель, концентрируясь на защите экономически более слабой и незащищенной стороны, не формулирует для потребителя специфических обязанностей, вытекающих непосредственно из факта публичности договора. Вместо этого ему гарантируется комплекс правовых средств защиты, обеспечивающих реальность и равенство его правомочий.

Ключевым процессуальным инструментом защиты является право потребителя на обращение в суд с иском о понуждении коммерческой организации к заключению публичного договора (п. 4 ст. 445 ГК РФ). Данное правомочие выступает прямым следствием и гарантией императивной обязанности организации, лишая её возможности уклоняться от вступления в договорные отношения без законных оснований [1, п. 4 ст. 445]. Помимо этого, законодатель предоставляет потребителю право требовать возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора. Эта ме-

ра ответственности выполняет компенсационную и превентивную функции, делая невыгодным для организации нарушение установленного законом режима.

Таким образом, законодательная модель обеспечивает защиту интересов контрагента не через наложение на него встречных обязанностей, а посредством установления системы императивных запретов для организации и предоставления потребителю ряда специальных прав-гарантий [1, ст. 167].

Необходимость особой защиты прав потребителей обусловлена тем, что в рамках публичных договоров они часто не могут реально влиять на условия заключаемого соглашения. Кроме того, потребители лишены равных с другими возможность получить товары, услуги или работы на равных условиях. Таким образом, совокупность публичных договоров требует специальных мер для обеспечения прав потребителей.

В условиях цифровизации процесс заключения публичных договоров претерпевает значительные изменения. Основным нововведением является переход на электронные платформы, который позволяет существенно ускорить и упростить процедуру взаимодействия между государственными органами и частными лицами или организациями. Важной особенностью здесь является применение цифровых подписей, гарантирующих юридическую значимость документов, обрабатываемых в электронной форме.

Однако цифровизация также порождает новые вызовы, среди которых – обеспечение безопасности личных данных и соблюдение приватности. Утечки данных могут привести к серьезным нарушениям прав граждан, что требует от правительства укрепления защитных механизмов на национальном уровне.

Судебная практика, связанная с нарушением законодательства о персональных данных, неоднородная. Особая роль в спорах о защите данных принадлежит Роскомнадзору. У ведомства ключевые полномочия по контролю за соблюдением законодательства в этой области. Истцом в спорах о защите персональных данных обычно выступает гражданин, с персональными данными которого совершены незаконные, по его мнению, действия. Ответчиком в спорах данной категории является оператор персональных данных или другое лицо, получившее доступ к персональным данным истца [7].

К персональным данным относятся ФИО, дата рождения, фотография или видеозапись человека, сведения о детях, родственниках, семейном положении; сведения о заработной плате; оценка навыков, личностных качеств; индивидуальные личные данные (раса, национальность, политические или религиозные взгляды, философские убеждения; состояние здоровья); паспортные данные биометрические данные и т.д. [4].

В Российской Федерации действует законодательство, регулирующее обработку персональных данных, в частности, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных». Данный нормативный акт определяет основные принципы, обязательные для соблюдения при работе с персональной информацией. Их цель – защитить права и свободы субъектов данных, обеспечив прозрачность и безопасность процессов, связанных с идентификацией физических лиц [2].

Несмотря на попытки государства регулировать данный вопрос, в настоящее время назревает потребность в трансформации классической конструкции публичного договора, поскольку в контексте формирования цифровой экономики персональные данные зачастую выступают не только объектом охраны, но и своеобразным «цифровым активом», предлагаемым пользователем в обмен на доступ к цифровым сервисам в рамках заключаемых публичных договоров. Поэтому важно обеспечить баланс между правом коммерческой организации на стандартизацию своих отношений с неопределённым кругом лиц и фундаментальными правами граждан на неприкосновенность их частной жизни и контроль над своими цифровыми следами.

В этой связи перспективы развития института видятся в его тесной интеграции с законодательством о персональных данных. Публичный договор, заключаемый в электронной форме, должен эволюционировать в сторону большей прозрачности и детализации в части условий, касающихся обработки

пользовательской информации. Это предполагает законодательное закрепление требований о том, чтобы публичная оферта в явной и доступной форме определяла не только цену услуги, но и цели, объём, способы и сроки обработки персональных данных, выступающих неотъемлемым условием такого договора. Подобный подход позволит преодолеть формальный характер согласия, выраженного посредством «простановки галочки», и реализовать принцип информированного согласия пользователя, превращая его из пассивного контрагента в сторону, осознанно вступающую в правоотношение.

Таким образом, будущее института публичного договора в Российской Федерации лежит в плоскости его концептуального переосмысления как инструмента не только для регулирования массовых обязательств, но и как ключевого механизма обеспечения цифровой автономии воли. Установление системной взаимосвязи между нормами ст. 426 ГК РФ и Федерального закона «О персональных данных» будет способствовать формированию целостного и сбалансированного правового режима. В рамках такого подхода стандартные условия публичного договора смогут обеспечить не только соблюдение принципа экономической справедливости, но и эффективную охрану нематериальных благ личности в цифровой среде. Данное направление развития полностью соответствует общемировому тренду на повышение уровня ответственности цифровых платформ и создает необходимые предпосылки для устойчивого развития гражданского оборота в условиях цифровой трансформации.

Основные положения научного исследования были изложены в виде доклада на V региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки: вопросы теории и практики» (03.12.2025, Калуга, Калужский государственный университет им К.Э. Циолковского).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/89596d57577d25f05e7aa04cc54f2a16c357c011/#dst100100 (дата обращения: 20.11.2025).

2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция от 24.06.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.11.2025)
3. Постановление Пленума ВС от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (п.15) // Верховный Суд РФ: офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/27540/> (дата обращения: 22.11.2025).
4. Письмо Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074-24059 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями для общеобразовательных организаций по вопросам обработки персональных данных») // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minkomsvjazi-rossii-ot-28082020-n-lb-s-074-24059-o-metodicheskikh/> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Зайцев, И.И. Некоторые особенности публичных договоров в гражданском праве Российской Федерации / И.И. Зайцев // Право и управление. – 2023. – № 9. – С. 80–84.
6. Калашникова, Г.А. Публичный договор: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / Г.А. Калашникова. – Краснодар: КубГУ, 2002. – 23 с.
7. Кондратьева, Ирина. Верховный суд научил рассматривать иски о защите персональных данных // Право.RU. 02.09.2020. URL: <https://pravo.ru/story/224425/> (дата обращения: 23.11.2025).
8. Ломбаев, Н.И., Падерин, Ф.В. Публичный договор: общие положения / Н.И. Ломбаев, Ф.В. Падерин // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – №30. – С. 16–20.

Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Калуга, РФ

УДК 340.13

*Н. В. Уманцев***ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

В современных условиях стремительных социально-экономических преобразований особую актуальность приобретает вопрос практической реализации правовой культуры. Модернизация законодательства напрямую зависит от уровня правовой культуры общества, а также от способности государства эффективно внедрять правовые нормы и обеспечивать их соблюдение. Статья посвящена изучению правовой культуры как важного компонента в процессе модернизации законодательства России. В условиях быстро меняющихся социально-экономических факторов, автор обращает внимание на необходимость повышения уровня правовой культуры, которая напрямую влияет на эффективное внедрение и соблюдение правовых норм. В работе проводится глубокий анализ теоретических и методологических аспектов правовой культуры. Автор рассматривает правовую культуру как динамичную систему, состоящую из правовых норм, правосознания, юридической практики и иных институтов. Для достижения успешной модернизации законодательства необходимо учитывать культурные и исторические традиции страны, а также вовлекать граждан в процесс правового воспитания и просвещения. В статье делается вывод о важности формирования правовой культуры в качестве условия формирования правового государства и гражданского общества.

Ключевые слова: правовая культура; модернизация законодательства; правосознание; правовой нигилизм; правовое воспитание.

*N. V. Umantsev***LEGAL CULTURE: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF LEGISLATIVE MODERNIZATION**

In modern conditions of rapid socio-economic transformations, the issue of practical implementation of legal culture is becoming particularly relevant. Modernization of legislation directly depends on the level of the legal culture of society, as well as on the ability of the state to effectively implement legal norms and ensure their observance. The article is devoted to the study of legal culture as an important component in the process of modernization of Russian legislation. In the context of rapidly changing socio-economic factors, the author draws attention to the need to raise the level of legal culture, which directly affects the effective implementation and observance of legal norms. The paper provides an in-depth analysis of the theoretical and methodological aspects of legal culture. The author considers legal culture as a dynamic system consisting of legal norms, legal awareness, legal practice and other institutions. To achieve successful modernization of legislation, it is necessary to take into account the cultural and historical traditions of the country, as well as to involve citizens in the process of legal education and enlightenment. The article concludes that the formation of a legal culture is important as a condition for the formation of a rule-of-law state and civil society.

Keywords: legal culture; modernization of legislation; legal awareness; legal nihilism; legal education.

Культура олицетворяет все накопленные положительные успехи человечества на протяжении длительного исторического пути его существования. Это своего рода комплекс материальных и духовных благ, созданных и унаследованных поколениями.

Настоящее исследование продиктовано необходимостью в проведении многоаспектного анализа теоретических и методологиче-

ских подходов к правовой культуре. Его актуальность вызвана причиной оптимизации правовой системы в Российской Федерации.

Необходимо осуществить углубленное исследование, с применением научного подхода, феномена правового нигилизма, который получил распространение в постсоветском обществе в течение последних лет. Ключевые положения государственной стра-

тегии в области повышения правовой осведомленности и правового самосознания населения акцентируют внимание на актуальных проблемах искоренения правового нигилизма, совершенствования правовой культуры и правосознания граждан, представляя их в качестве факторов, имеющих решающее значение для будущего прогресса российского социума [5, с. 90].

В самом широком смысле учёные подразумевают под понятием «культура» блага, созданные как с помощью физического, так и интеллектуального труда. Более конкретное толкование культуры рассматривает её как определённый этап в развитии общества, характеризующийся приоритетом ценностей, проверенных и подтверждённых опытом предыдущих поколений [1, с. 45]. Эти ценности оказывают определяющее влияние на различные сферы жизнедеятельности, включая систему образования, организацию труда, моральные нормы, религиозные убеждения, научные исследования, художественное творчество и другие аспекты существования. В соответствии с этим обстоятельством, также можно и дать характеристику юридической культуры. Так, это всё то, что придумал человек в юридической сфере: а) право, его нормы; б) источники права; в) правосознание; г) юридическая наука; д) юридическая практика. Если рассматривать данный феномен подробным образом, то можно обозначить, что оно интегрирует в себе усвоение норм права, почтительное отношение к законам, власти [10, с. 50].

Соответственно, возможно утверждать, что правовая культура представляет собой совокупность правовых ценностей, как созданных, так и применяемых, и обладающих положительной значимостью для всех, кто интересуется правом [6, с. 165].

Литературоведческий анализ позволяет привести различные дефиниции правовой культуры. Так, профессор В.П. Сальников рассматривает правовую культуру в качестве структурированного социального явления, качественно меняющего нашу правовую жизнь к лучшему. Правовую культуру также можно классифицировать по нескольким немаловажным критериям [15, с. 155].

Рассматривая различные правовые концепции, можно постановить, что исследуемый феномен объединяет в себе мнения, позиции, установки, настраивающие на форми-

рование позитивного отношения людей к праву. С помощью правовой культуры выстраивается социально одобряемое поведение.

Правовая культура, таким образом, выступает в качестве интегрального показателя уровня развития правосознания граждан, степени их осведомлённости о законах, а также готовности соблюдать их в повседневной жизни [16]. Высокий уровень правовой культуры является необходимым условием для построения правового государства.

В современной науке понятие «правовая культура» формируется с различных позиций, а именно:

– как вид деятельности, согласно которому правовая культура рассматривается как результат и способ правовой деятельности. Так, Н. Л. Гранат и В. В. Панасюк отмечают, что «это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете» [9, с. 4];

– как информация, которая сохраняется не только на определённом носителе-объекте, но и в субъекте [7, с. 19];

– как ценность, формирующаяся в результате развития различных сфер человеческой жизнедеятельности, в основу которой положено право и которая позволяет обеспечить правомерное поведение абсолютного большинства членов общества [14, с. 8].

Получается, что правовая культура является ключевым термином, комплексно применяющимся в правовой науке.

На наш взгляд, правовая культура включает в себя:

1. Объективное право, отображающих систему норм права, особые правила поведения. Индивидуальные правовые предписания либо их объединённые группы, такие как институты или отрасли права, могут обладать, как хорошо известно, значимой персональной, социальной, а также функциональной важностью [2, с. 69].

2. Правомерное поведение, отвечающее требованиям закона. Важно также отметить взаимосвязь объективного права и такого поведения, охватывающие жизнь граждан. В связи с этим, уровень правовой культуры в обществе зачастую определяется на базе анализа характеристик, манер и уникальных

черт, проявляющихся в юридическом поведении граждан.

3. Уровень правомерного поведения.

Степень соответствия нормам законодательства может быть сопоставлена с индикатором, отражающим частоту совершения противоправных деяний. Указанный аспект отражает распространённость соблюдения правовых установлений в обществе.

4. Правосознание, несомненно, является ещё одним компонентом правовой культуры. На наш взгляд, при помощи правосознания люди субъективно усваивают право. В широком смысле, это отражение отношения населения к праву, включая их намерения в отношении того нужно ли исполнять юридические нормы или нет. При своевременном развитии правосознания достигается прогресс в обществе. В данном случае граждане имеют высокий уровень осведомленности о правовых нормах, у них широко развито объективное восприятие права, интегрирующее в себе осознание как его важности, так и допустимости некоторой конструктивной критики. Кроме того, они готовы применять правовые нормы в различных проблемных жизненных ситуациях. Эти вышеперечисленные условия оказывают влияние на характер, особенности и качество правового поведения граждан и на то, как в конечном итоге реализуются права граждан в обществе [3, с. 27].

5. Судебная практика зачастую олицетворяет своеобразные особенности правовой культуры. Одним из резонансных случаев «двойных стандартов» является деятельность Европейского суда по правам человека. В данном примере мы видим конфликт в юридическом толковании права, который носит фундаментальный характер. Ценности, отстаиваемые евроатлантическим сообществом, идут в противовес с российской правовой культурой. Закономерным считается итог, согласно которому с 16 марта 2022 г. Российская Федерация выступила с решением о выходе из Совета Европы. Конечно, на данное обстоятельство повлиял и военно-политический аспект в связи с началом Специальной военной операции. Однако заложенные в уставе и незыблемые для мирового сообщества оборонительные принципы в наше время трактовались по-разному, в угоду политической конъюнктуры. Поэтому и ЕСПЧ стал инструментом проведения политики, основанной на «правилах большин-

ства», не имеющих под собой никаких юридических оснований. В этом контексте 28 февраля 2023 г. данное решение российской стороной было оформлено правовым образом [18].

Вышеперечисленные обстоятельства говорят о том факте, что субъективные права, обязанности, проявляющиеся в объективном праве, играют важнейшую роль в практике.

Представители юридической профессии не раз подчёркивали, что основные права человека, закреплённые в Конституции РФ, являются частью юридической культуры. Данное положение – необходимая правовая ценность [6, с. 170].

Обособленно выделяется в качестве отдельного элемента ритуалы и символика, связанная с правом. Например, к этому следует отнести образ Фемиды, богини правосудия. В данном случае находит своё отражение смысл права, которым руководствуются люди при принятии решений.

Заканчивая обобщённую характеристику, связанную с правовой культурой, стоит упомянуть ещё о некоторых ее особенностях.

Во-первых, совокупность значимых достижений в духовной и материальной сфере и представляет собой понятие «правовая культура». Такое положение позволяет выдающимся учёным-юристам приводить в качестве материальных активов следующие феномены: юридический язык, официальные правовые документы, вспомогательные технические средства, помогающие участвовать в судоустройстве и разрешающие правовые споры в законодательном процессе.

Во-вторых, существенными компонентами, определяющими правовую культуру юриста в качестве законопослушного гражданина, являются его правовое поведение и правосознание, в которых и проявляются специфические черты [4, с. 15].

Следует сосредоточить наше внимание на указанных характеристиках и продемонстрировать их взаимозависимость с особенностями той функции, которую выполняют специалисты в области права в социуме.

Главным образом, речь идёт о сформированной способности к взаимодействию между людьми в социальной и правовой сферах. Иначе говоря, о развитых коммуникативных навыках, демонстрируемых в поведении юристов.

Профессиональная сфера юриспруденции классифицируется как социэкономическая, относящаяся к типу «человек – человек». Данная классификация обусловлена необходимостью непрерывного взаимодействия с широким кругом лиц.

Основной задачей юриста является учёт и соблюдение интересов граждан, а также удовлетворение их потребностей в рамках правового поля. Эффективное выполнение профессиональных обязанностей требует от юриста развитых коммуникативных навыков и способности к эмпатии.

Другой важной характеристикой профессиональной юридической культуры является её нормативный характер, т.е. склонность оценивать ситуации и действия на основе соответствия правовым нормам. Основной критерий оценки заключается в соответствии или несоответствии конкретного явления действующему законодательству [11, с. 139]. Соблюдение правовых норм обуславливает профессиональную юридическую коммуникацию, поскольку предполагает, что действия индивидов должны соответствовать установленным правилам поведения.

Следовательно, неотъемлемой характеристикой профессиональной юридической среды является способность эффективно обрабатывать значительные объёмы постоянно обновляющихся данных.

Юридическая профессиональная этика подразумевает наличие у юристов навыков работы в ситуациях психологической напряженности, а также активное участие в процессе урегулирования правовых споров.

Существенная особенность права заключается в его неразрывной взаимосвязи с социальными противоречиями [17, с.102].

Например, немецкий мыслитель и юрист Р. Иеринг известен широкой публике благодаря своему произведению «Борьба за право», которое начинается со следующего утверждения: «Цель права – есть мир, жизнь права – есть борьба». В частности, автор подчёркивал, что право, конечно, не является статичной конструкцией, а постоянно развивается и совершенствуется в процессе борьбы за его признание и реализацию [8, с. 23].

В.Н. Кудрявцев, известный советский учёный-правовед, считал, что одна из ключевых функций права в социуме заключается в трансформации важных социальных противоречий в юридическую плоскость с после-

дующим их урегулированием в рамках правового поля» [12, с. 67].

Правовая культура является сложным юридическим понятием, включающим в себя множество компонентов, отражающих правовые концепции и феномены как в материальной, так и в духовной сферах жизни. Эти элементы постоянно развиваются и улучшаются, представляя собой признаки прогресса в эволюции правовой системы и цивилизации определенного общества. Данная категория аккумулирует совокупность знаний о праве, ценностных ориентаций, установок и моделей поведения, связанных с правовой деятельностью. Она отражает уровень осознания необходимости соблюдения законности и правопорядка.

Обновление российского законодательства, несомненно, не представляется возможным без развитой правовой культуры в обществе, поскольку высокий уровень правосознания стимулирует соблюдение законодательных норм в качестве стандарта поведения.

Развитая правовая культура формирует осознанное уважение к закону, что, в свою очередь, приводит к более ответственному отношению граждан и организаций к выполнению юридических предписаний.

Также стоит отметить тот факт, что правовая культура становится действенным инструментом социальных, политических и экономических преобразований.

Юридическая культура социума представляет собой явление, гарантирующее устойчивое прогрессивное совершенствование правовой структуры государства и отражает эволюцию общественной жизнедеятельности. Состояние правовой культуры оказывает существенное влияние на эффективность урегулирования актуальных вызовов современности, включая обеспечение национальной безопасности и противодействие коррупционным проявлениям и организованной преступности.

Глубокие преобразования, осуществляемые в России на протяжении последних лет, дают основание утверждать о трансформации её культурной, идеологической и политико-правовой самобытности [13, с. 18].

Таким образом, культурно-правовая сфера служит базисом для обновления всей законодательной системы. Для её действительного воплощения необходима многосторон-

ная стратегия, охватывающая оптимизацию нормативно-правовой среды, расширение правовой осведомлённости населения и прогресс в развитии правовой культуры государственных институтов.

Развитая правовая культура характеризуется положительным и логически обоснованным восприятием права, пониманием значимости правовых норм и законности, уважением к правам и свободам личности, а также правомерным поведением и активной гражданской позицией. Зрелая правовая культура предполагает не только знание законов, но и их глубокое понимание, осознание их необходимости для функционирования общества.

Необходимо сказать, чтобы правовая культура подразумевала расширение осведомленности её субъектов. Это выражается в стремлении граждан к углубленному изучению и пониманию основополагающих принципов и положений действующего законодательства. Кроме того, важным аспектом является формирование правомерного поведения, основанного на осознанном и ответственном соблюдении правовых норм.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что основой развития правовой культу-

ры должностных лиц юридической профессии на институциональном уровне должно стать повышение их общей компетентности, профессионализма, популяризация правовых знаний, профилактика коррупционного поведения, борьба с любыми проявлениями беззакония и произвола. Вопросы формирования правовой культуры должны стать основой для создания условий роста и значимости права в жизни российского общества. Несомненно, свою роль в этом процессе сыграют и высококвалифицированные бакалавры и специалисты по направлению подготовки «Юриспруденция», а также «Судебная и прокурорская деятельность».

Правовая культура является важнейшим элементом в работе юридической системы и социума в целом. Для результативного обновления правовых норм необходимо принимать во внимание устоявшиеся обычаи, поведенческие модели и нужды населения. Укрепление правовой осведомлённости – это комплексная задача, успешное решение которой зависит от скоординированной работы правительства, образовательной системы и гражданского общества.

Список литературы:

1. Альбов, А.П. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата / А.П. Альбов [и др.]; под общ. ред. А.П. Альбова, С.В. Николюкина. – М.: Юрайт, 2015. – 247 с.
2. Альбов, А.П. Правовая культура: учебник / А.П. Альбов, В.Г. Беспалько, Н.Н. Димитров, И.Г. Цопанова; под общ. ред. А.П. Альбова. М.: РИО Российской таможенной академии, 2021. – 190 с.
3. Альбов А.П. Терминологический словарь по юриспруденции, экономике и таможенному праву: учебное пособие / А.П. Альбов. – М.: Русайнс, 2020. – 315 с.
4. Балаклеец, И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И.И. Балаклеец. – Казань, 2012. – 26 с.
5. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – М.: Ин-т эксперим. социологии, 2005. – 210 с.
6. Демидов, А.А. Петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи: некоторые подходы к процессу формирования правовой культуры личности / А.А. Демидов // Управленческое консультирование. – 2016. – № 5. – С. 164 – 172.
7. Зотов, А.П. Правовая культура органов власти в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.П. Зотов. – Саратов, 2002. – 26 с.
8. Иеринг, Р. Борьба за право. В 2 т. Т.1 / Р. Иеринг. – СПб.: тип. Я. Трей, 2006. – 260 с.
9. Карташов, В. Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции / В.Н. Карташов. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2008. – 130 с.
10. Клейменова, Е.В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации / Е.В. Клейменова // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 50–56.

11. Клишас, А.А. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – 512 с.
12. Кудрявцев, В.Н. Право как элемент культуры. Право и Власть / В.Н. Кудрявцев. – М.: Прогресс, 2016. – 130 с.
13. Лукашова, Е.А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашова. – М.: Наука, 1986. – 210 с.
14. Петручак, Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Л.А. Петручак. – М., 2012. – 53 с.
15. Сальников, В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства / В.П. Сальников // Демократия и законность. – 2017. – № 6. – С. 152–169.
16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.09.2024. – № 38 – Ст. 5715.
17. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания / И.Е. Фарбер. – М.: Юрид. лит., 1963. – 310 с.
18. Федеральный закон «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.03.2023. – № 10. – Ст.1566.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 342.5; 342.7

*Н. В. Уманцев, К. А. Еришов***ТРАНСФОРМАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ**

В статье приводится анализ изменений, происходящих в муниципальном законодательстве РФ в последнее десятилетие. Авторами рассматриваются правовые новации, регламентирующие организацию работы местного самоуправления в РФ. К таковым относятся изменения в главе 8 «Местное самоуправление» Конституции РФ и вступивший в законную силу новый Федеральный закон № 33-ФЗ. В статье обсуждаются проблемные вопросы и перспективы развития местного самоуправления в России на современном её этапе. Авторы акцентируют внимание на важности выстраивания новой модели организации местного самоуправления, основной целью которой является повышение эффективности управления на местах. В статье делается вывод о возможности соблюдения баланса интересов между государственной властью и местными сообществами для того, чтобы обеспечить эффективное и автономное функционирование муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальное законодательство; местное самоуправление; конституционная реформа; Федеральный закон № 33-ФЗ; единая система публичной власти; муниципальное образование.

*N.V. Umantsev, K.A. Ershov***TRANSFORMATION OF MUNICIPAL LAW: NEW HORIZONS AND CHALLENGES**

The article provides an analysis of the changes taking place in the municipal legislation of the Russian Federation in the last decade. The authors examine the legal innovations regulating the organization of local self-government in the Russian Federation. These include the changes in Chapter 8 «Local Self-Government» of the Constitution of the Russian Federation and the new Federal Law N. 33-FZ, which has entered into force. The article discusses the problematic issues and prospects for the development of local self-government in Russia at the current stage. The authors emphasize the importance of building a new model of local self-government organization, the main goal of which is to improve the efficiency of local governance. The article concludes that it is possible to maintain a balance of interests between the government and local communities in order to ensure the effective and autonomous functioning of municipalities.

Keywords: municipal legislation; local government; constitutional reform; Federal law № 33-FZ; unified system of public authority; municipal entity.

Конституционная реформа, проведённая в 2020 году, оказала глубокое влияние на правовую основу местного самоуправления в стране. Восьмая глава Основного закона, посвящённая местному самоуправлению, претерпела существенные изменения. Ключевой целью модернизации стало создание унифицированной системы публичной власти и налаживание продуктивного взаимодействия между органами государственной власти и муниципалитетами. Внесённые коррективы направлены на оптимизацию распределения полномочий и ресурсов между различными уровнями власти. Новая редакция Конституции закрепляет принципы сотрудничества и

взаимопомощи между государственными и муниципальными органами в решении вопросов местного значения. Реформа предусматривает усиление контроля за деятельностью органов местного самоуправления со стороны государства с целью обеспечения законности и эффективности их работы.

В целом, конституционная реформа 2020 года представляет собой комплекс мер, направленных на укрепление вертикали власти и повышение управляемости в стране. Изменения в правовом регулировании местного самоуправления отражают стремление к более чёткому определению роли и места му-

ниципалитетов в системе государственного управления [7, с. 37].

За последнее десятилетие в Российской Федерации назрел вопрос модернизации системы местного самоуправления ввиду устаревшей законодательной базы. Были проведены многочисленные дискуссии, консультации, дебаты среди экспертного сообщества. Активно включились в процесс реформирования органов местной власти и наши законодатели ввиду появления новых общественных отношений в сфере местного самоуправления. После всесторонних обсуждений Государственной Думой РФ был принят новый Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8]. Согласно представленному обоснованию, данный документ разработан в соответствии с конституционными принципами, касающимися унифицированной системы государственной власти, и призван модернизировать структуру местного самоуправления в Российской Федерации. Ожидается, что новый закон коренным образом изменит принципы организации власти на локальном уровне. Новая модель местного самоуправления окажет существенное воздействие, поэтому необходимо чётко понимать её особенности в сравнении с действующей системой.

Вступление в силу нового нормативно-правового акта явилось следствием преобразований 2020 г., ориентированных на совершенствование и функционирование публичной власти. Поправки в Конституцию РФ стали важным шагом в укреплении суверенитета нашей страны посредством обновления функций государственных органов, адекватно отвечающих угрозам и вызовам в наши дни. Кроме того, осуществляется построение гибкой системы государственного управления посредством создания прочных связей, закреплённых законодательно, между всеми эшелонами публичной власти [3]. В этой связи местному самоуправлению уделяется приоритетное внимание, так как именно органы местного самоуправления являются первичным звеном, призванным оказать посильную помощь гражданам, которые в ней нуждаются. В свою очередь, данные юридические изменения выстраивают баланс между органами власти для обеспечения задач, стоящих перед государством. Принятие нового закона повышает уровень доверия граждан к орга-

нам на местах и демонстрирует готовность к сотрудничеству по ряду ключевых проблем в обществе.

Большинство положений нового законодательного акта начали действовать с 19 июня 2025 г. Исключение составляют нормы, определяющие основы компетенций органов местного самоуправления – они вступят в силу ориентировочно с 1 января 2027 года. До этого времени региональные законы и иные нормативные акты, регулирующие деятельность местного самоуправления, а также муниципальные правовые акты, должны быть приведены в соответствие с новым федеральным законом. До этой даты они применяются в той мере, в которой не противоречат данному федеральному закону. Следовательно, для существенной части вопросов, затронутых в новом законе, переходный период не предусмотрен.

Однако вступление в силу нового законодательного акта не влечёт за собой автоматическое прекращение деятельности всех органов местного самоуправления. Продолжительность их работы определяется временем и периодом, на который они были избраны. К примеру, в пункте 14 статьи 19 подчёркивается, что если регион примет закон, меняющий процедуру выбора руководителя муниципалитета, то эта процедура начнёт действовать только после завершения срока полномочий тех руководителей, которые были выбраны до момента вступления в силу этого регионального закона [8]. В то же время, законодательство предусматривает возможность досрочного прекращения полномочий органов местного самоуправления или отдельных должностных лиц в случаях, предусмотренных законом. К таким случаям могут относиться грубые нарушения законодательства, неисполнение судебных решений, утрата доверия населения и иные обстоятельства, ставящие под сомнение способность органа или должностного лица надлежащим образом исполнять свои обязанности.

Интеграция органов местного самоуправления в общую структуру государственной власти, подразумевающая возложение на них определённых обязанностей, не служит основанием для утверждения о нарушении принципа их независимости. Подобное включение в вертикаль власти, хотя и обязывает муниципалитеты к соблюдению установленных правил и процедур, не отме-

няет их права на самостоятельное решение вопросов местного значения. Поэтому установление взаимосвязи между местным самоуправлением и государственными органами, сопровождающееся возложением ответственности, не противоречит конституционным гарантиям их автономии. Напротив, это может способствовать укреплению правового государства и эффективному управлению на всех уровнях.

Однако Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно приводит доводы, что независимость органов местной власти от РФ в качестве факта взаимодействия всех органов власти, регламентированная Конституцией РФ не является императивом. Её рамки должны соответствовать действующему законодательству, устанавливающему определенные пределы [5].

Как справедливо отмечается М.М. Степановым, «одна из ключевых задач Федерального закона № 33-ФЗ заключается в создании механизма регламентирования публичной власти во исполнение поручений Президента РФ. Особая заслуга вышеперечисленного закона кроется в модернизации и оптимизации местного самоуправления, ликвидации устаревших правовых норм и институтов местной власти» [7, с. 35].

Законодательство определяет за местным самоуправлением три различных блока компетенций:

Во-первых, это исключительные полномочия, не подлежащие передаче и затрагивающие повседневные нужды населения. Решения по этим вопросам остаются прерогативой муниципальных властей.

Во-вторых, существует категория полномочий, которые могут быть переделегированы органам государственной власти субъекта Российской Федерации посредством регионального законодательства.

Также немаловажным является факт определения компетенции органов местного самоуправления, руководствуясь региональными правовыми актами. Местные бюджеты призваны обеспечить финансовую поддержку данных полномочий. Однако, ввиду зачастую ограниченных бюджетных средств, в данном процессе принимают участие также как федеральные, так и региональные источники финансирования.

Общеизвестный факт состоит в том, что, новый Федеральный закон № 33-ФЗ в

значительной мере расширил компетенцию органов госвласти субъектов по поводу взаимодействия в вопросах местного значения с муниципалитетами. В соответствии с законом, именно от решений региональных органов власти зависят функции местного самоуправления на территории субъекта РФ. Эксперты положительно оценивают данное законодательное расширение полномочий, позволяющее региональным властям динамично реагировать на возникшие вызовы и структуру муниципальных образований. Все указанные выше положения свидетельствуют о возможности объединения исторических традиций, экономической составляющей и культурных факторов при выстраивании системы местного самоуправления.

Одним из ключевых аспектов является определение перечня вопросов местного значения, которые могут быть переданы для решения на уровень субъекта РФ. Такая передача осуществляется на основании регионального законодательства и позволяет централизовать управление определенными сферами, требующими координации и унификации на уровне всего региона. Вместе с тем, Федеральный закон № 33-ФЗ устанавливает и определенные ограничения для региональных органов государственной власти, направленные на обеспечение самостоятельности и независимости местного самоуправления. В частности, не допускается произвольное вмешательство в деятельность органов местного самоуправления, а также необоснованное ограничение их полномочий.

Согласно ст. 9 Закона № 33-ФЗ возможны следующие виды муниципальных образований:

- городской округ;
- муниципальный округ;
- внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения [8].

Реализация положений Закона № 33-ФЗ предполагает тщательный анализ социально-экономической структуры, географических особенностей и демографической ситуации каждого субъекта Российской Федерации. Важно учитывать сложившиеся исторические связи между населёнными пунктами, а также культурные и национальные традиции, которые могут влиять на восприятие жителями новых административных границ. При определении границ муниципальных об-

разований необходимо обеспечить сохранение целостности сложившихся хозяйственных комплексов, учитывать перспективы развития территорий, наличие инженерной и социальной инфраструктуры.

Важно предусмотреть механизмы компенсации возможных негативных последствий для отдельных населённых пунктов, связанных с изменением их административного статуса. Особое внимание следует уделить вопросам обеспечения транспортной доступности для жителей отдалённых и труднодоступных местностей. Вопросы, связанные с юридическим преобразованием части населённых пунктов, могут повлечь за собой значительный расход денежных средств. Поэтому здесь необходимо справедливое возмещение финансовых затрат со стороны региональных и федеральных органов. Нельзя не отметить, что обеспечение доступа к транспортной инфраструктуре в малонаселённых местностях также является приоритетной задачей, обозначенной первыми лицами нашего государства

При проведении реформы местного самоуправления необходимо обеспечить широкое участие населения в обсуждении и принятии решений. Важно учитывать мнение жителей, проводить консультации, опросы и референдумы по наиболее важным вопросам. Только при таком подходе можно обеспечить легитимность и эффективность проводимых преобразований. В конечном итоге, целью реформы местного самоуправления является повышение качества жизни населения, обеспечение доступности муниципальных услуг, развитие экономики и социальной сферы на уровне муниципальных образований.

Стоит сказать, что в ходе обсуждения законопроекта, депутатами предлагалось выстраивание структуры местного самоуправления по одноуровневому принципу, основанному на территориальном характере местного самоуправления. Данное обстоятельство должно быть основано на задаче привязки населения к определённой местности. В пояснительной записке к законопроекту авторами предлагалось выстроить систему управления, базирующуюся на значительной финансовой поддержке со стороны федерального бюджета. Также положительным моментом стал факт повсеместного перераспределения местных полномочий в сторону региональной власти. В их основе ключевое значе-

ние должны иметь заключённые соглашения между двумя уровнями публичной власти. Такое перераспределение, по мнению экспертов, обязано повысить результативность органов местной власти, а также улучшить их экономическую составляющую. Однако в ходе дискуссий по данному законопроекту были внесены коррективы, которые обязаны допустить создание принципа двухуровневого звена в системе местного самоуправления. Такая структура должна функционировать на определённом рода территориях.

В ходе повторного рассмотрения федерального законопроекта были учтены поправки, в частности, допускающие сохранение двухуровневой структуры местного самоуправления в ряде регионов Российской Федерации. Наделение субъектов РФ правом самостоятельного определения модели (одноуровневой или двухуровневой) организации местного самоуправления является значимым этапом достижения баланса между общегосударственной унификацией и необходимостью учитывать исторически сложившиеся особенности и разнообразие форм организации власти на местах.

Важно отметить, что концептуальная основа рассматриваемого законопроекта разрабатывалась с учётом одноуровневой модели организации местного самоуправления, что обуславливает соответствующую направленность большинства содержащихся в нём правовых положений. В частности, в текущей редакции отсутствует такой механизм, как заключение соглашений о перераспределении компетенций между муниципальным районом и входящими в его состав поселениями. Кроме того, не предусмотрено делегирование функций представительного органа собранию граждан. Следовательно, в субъектах Российской Федерации наблюдается тенденция к усилению роли регионального законодательства в регулировании вопросов местного самоуправления.

Академические исследователи и практикующие эксперты в области муниципального управления выделяют ряд ключевых вызовов, препятствующих эффективной деятельности органов местного самоуправления. К ним относятся ограниченность финансовых ресурсов, что затрудняет исполнение возложенных обязательств и социально-экономическое развитие соответствующих территорий, дефицит компетентных кадров, а

также пассивное участие населения в процессе обсуждения и принятия решений по вопросам, имеющим существенное значение для жизни местного сообщества. Данная проблема усугубляется проявлениями правового нигилизма и абсентеизма среди граждан. Отметим, что обозначенные трудности, с которыми сталкивается современное местное самоуправление, стимулировали поиск путей их разрешения. Однако, предпринимаемые меры зачастую реализуются посредством централизации и избирательного перераспределения властных полномочий, что может ограничивать самостоятельность муниципалитетов. Такая модель управления требует более детальной проработки для достижения оптимального баланса между централизованным регулированием и расширением возможностей местного самоуправления.

Новое законодательство, по всей видимости, перераспределило ответственность за будущее муниципальных образований на региональный уровень. Значительная часть вопросов, касающихся структуры и функционирования органов местного самоуправления, теперь находится в компетенции субъектов Российской Федерации. Данный подход основан на предположении, что регионы, осуществляя перераспределение полномочий, должны принимать во внимание ресурсную базу и потенциал каждого муниципалитета, что, в свою очередь, наделяет их дополнительной политической ответственностью.

Благодаря такой тенденции проявляется финансовая самостоятельность органов местного самоуправления посредством пересмотра денежных средств между муниципалитетами и РФ. Вместе с тем, данное делегирование больших компетенций субъектам РФ, их ключевая роль подразумевает под собой особый правовой статус. Например, это обстоятельство подтверждается тем, что руководитель субъекта РФ имеет полномочия отстранить главу муниципального образования в соответствии с законом. В дополнение стоит сказать, что главы регионов наделяются персональной ответственностью перед Президентом РФ. Такое построение механизма государственного управления в рамках нового федерального закона говорит о слаженной деятельности всей системы публичной власти в нашем государстве.

В контексте рассматриваемого вопроса, норма, закреплённая в пункте 5 ст. 1 Феде-

рального закона № 33–ФЗ, имеет основополагающее значение для функционирования всей структуры государственного управления.

Указанное положение является концептуальным стержнем, вокруг которого выстраивается взаимодействие различных уровней власти и определяется общая направленность государственной политики в соответствующей сфере. Его значимость обусловлена тем, что оно задаёт вектор развития системы государственного управления, определяя ключевые принципы её организации и деятельности: Президент РФ гарантирует согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Среди значимых изменений необходимо выделить положения части 20 статьи 19. В соответствии с принципом унитарности системы публичного управления, руководитель органа местного самоуправления одновременно занимает государственную должность в составе субъекта Российской Федерации и муниципальную должность. Данная мера предпринята с целью повышения уровня защиты и финансовой стабильности главы муниципального образования. Прямым подтверждением этому служат нормы, изложенные в части 5 статьи 26 [8].

Единственным легитимным методом формирования представительного органа на муниципальном уровне, согласно законодательным нормам, являются муниципальные выборы.

Структура органов местного самоуправления, как и их компетенция, осталась практически без изменений. Заметные преобразования затронули статус и значение главы муниципального образования, а также механизм его избрания.

Если процедура избрания подразумевает итоговое решение за представительным органом, то она может включать в себя как выбор из числа законодательного органа или в выборах участвуют граждане, кандидатуры которых были утверждены главой субъекта РФ. Стоит отметить, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации получают дополнительные рычаги воздействия на глав муниципальных образований и руководителей местных администраций.

Новелла гарантирует конституционно закреплённое право государственных структур принимать участие в процессе формирования муниципальных органов власти в Рос-

сийской Федерации. Это положение позволяет обеспечить взаимодействие между федеральным и местным уровнями управления.

Также стоит отметить, что высшие должностные лица субъектов России получают дополнительные рычаги воздействия на глав муниципальных образований и руководителей местных администраций. Указанные лица теперь несут повышенную ответственность перед губернатором или иным высшим должностным лицом региона.

Полномочия главы муниципального образования могут быть прекращены досрочно. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации обладает правом внесения предложения об отстранении указанного лица в представительный орган муниципального образования. В качестве одной из причин для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования рассматривается систематическое невыполнение установленных показателей, отражающих эффективность функционирования местной администрации.

В данном случае, ввиду сложной геополитической, экономической обстановки одобрение такого образца не вызывает никаких сомнений. Первостепенная задача заключается в недопущении потенциально возможной квинтэссенции полномочий в одних руках на уровне субъекта РФ. Данное обстоятельство может повлечь за собой игнорирование интересов граждан в муниципальных образованиях, создания препятствий при решении каких-либо проблем на местном уровне. Эксперты прогнозируют, что через несколько лет представляется вполне реальным интеграция органов муниципальной власти и органов субъектов. Нормотворческая база отвечает для данного вызова всем необходимым требованиям, конкретизируя специфические условия, а также особую ответственность муниципалитетов перед субъектами РФ. Однако для региональных органов также можно привести определённые обязанности, например, оптимальное функционирование муниципальных образований, возможность для главы муниципалитета объединить в своих руках как функции муниципальной, так и региональной власти. Такое неправильное понимание основ взаимодействия органов государственной и муниципальной власти может привести к ошибочному толкованию норм, регламентирующих функциониро-

вание местного самоуправления, а также повлечь за собой отмену законодательных принципов, регулирующих данную сферу деятельности.

Необходимо подчеркнуть введение альтернативного механизма избрания руководителя муниципального образования. Теперь представительный орган власти осуществляет выбор из числа претендентов, предложенных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, согласно части 2 статьи 19. Важно также отметить, что глава муниципального образования лишён права занимать должность председателя представительного органа. В случае избрания главы из состава депутатского корпуса, его депутатские полномочия автоматически прекращаются.

Однако новая нормативная база содержит несколько отрицательных характеристик. Так, закон 2003 г. включал определения основных терминов, применяемых при решении вопросов местного значения. Напротив, недавно принятый федеральный закон не содержит таких дефиниций [9]. Подобное неоправданное упущение в отношении юридического определения множества как уже существующих, так и вновь вводимых понятий, несомненно, приведёт к возникновению правовой двусмысленности и трудностей в процессе применения законодательства.

Такая ситуация способна привести к нарушению прав и охраняемых законом интересов населения, формируя основания для неправомерных деяний и злоупотреблений властью. Недостаточная конкретизация ключевых терминов благоприятствует появлению разнообразных интерпретаций правовых норм, что, в свою очередь, усложняет задачу обеспечения единообразного осуществления законодательства в масштабах государства.

Дефиниция понятия «муниципальное образование» представлена в ч. 1 ст. 9. В данной статье муниципальное образование трактуется как публично-правовое образование, сформированное на определённой территории, где постоянно проживает население. В пределах установленных границ местное самоуправление реализуется жителями напрямую и (или) посредством органов местного самоуправления. Заметно введение нового термина – «публично-правовое образование», однако его содержание не раскрывается в законодательстве. Данное обстоятельство мо-

жет порождать различные толкования и затруднять единообразное применение нормы.

Также следует сказать о том, что глава 5 закона напрямую не приводит примеры видов непосредственно демократии, которые могут быть использованы гражданами, при возникающих проблемах. Но, как отмечают эксперты, данное обстоятельство не является императивом. Поэтому неуказание на эти формы в законе не запрещает имплементировать их в высшие правовые акты на муниципальном уровне.

Ранее существовавшая отдельная часть, рассматривающая ответственность местных властей и их представителей, теперь находит отражение в статьях, посвященных конкретным муниципалитетам. Некоторые разделы практически полностью перенесены в новое законодательство. В частности, это относится к разделам, касающимся взаимодействия между муниципалитетами, а также международным и внешнеэкономическим отношениям муниципальных органов. Аналогичная ситуация наблюдается и с иными правилами – в законе сохранено значительное число привычных положений несмотря на то, что их расположение было изменено [11, с. 11].

В законодательном акте 1995 г., местное самоуправление определялось как сфера деятельности граждан, направленная на разрешение вопросов, имеющих локальное значение. Это осуществлялось либо напрямую населением, либо через сформированные им органы местного самоуправления. Основой для принятия решений служили интересы местного населения, а также исторически сложившиеся и укоренившиеся местные обычаи и традиции. В законодательстве 2003 г. местное самоуправление определяется как способ реализации народом, принадлежащей ему власти, который гарантирует самостоятельное и ответственное урегулирование вопросов локального значения непосредственно гражданами или посредством органов местного самоуправления. Решения принимаются, исходя из интересов населения и принимая во внимание исторические и культурные особенности территории. Федеральный закон № 33–ФЗ представляет местное самоуправление как способ самоорганизации граждан для реализации народной власти с целью независимого решения вопросов, связанных с обеспечением повседневной жизни населения (во-

просов местного значения) в рамках установленных полномочий.

Введение особых механизмов организации местного самоуправления в административных центрах (столицах) регионов Российской Федерации стало прямым результатом конституционных изменений, внесённых в 2020 г. и отражённых в ч. 3 ст. 131 Конституции РФ. Ст. 88 соответствующего закона устанавливает, что избрание главы муниципального образования, включающего населённый пункт, выполняющий функции административного центра (столицы) субъекта РФ, осуществляется представительным органом муниципального образования. Кандидатуры на эту должность представляются высшим должностным лицом соответствующего субъекта Российской Федерации. Таким образом, новые нормы Конституции РФ непосредственно повлияли на процедуру избрания глав муниципальных образований в региональных столицах, внедрив механизм утверждения кандидатов региональными властями.

Следует отметить, что за весь период существования России не была сформирована система местного самоуправления, обладающая автономией и независимостью от центральной государственной власти. Согласно точке зрения В.И. Васильева, укрепление вертикальной структуры власти в сфере местного самоуправления имеет объективные основания и обусловлено давними централизаторскими принципами, исторически присутствующими российскому государственному управлению [1, с. 86].

Местная администрация обрела некоторую независимость лишь при уменьшении влияния центрального правительства и ослаблении государственного строя. Как только начиналось укрепление суверенитета, это неизменно сопровождалось усилением централизованного управления, что вело к сокращению полномочий региональных органов власти. Следует принять точку зрения В.Е. Чиркина, утверждавшего, что местное самоуправление представляет собой элемент унифицированной и социально гомогенной публичной власти, реализуемой народом на различных территориальных уровнях. Представляется, что возрождение государственности, укрепление национальной идентичности и формирование идеологии мощной и независимой Российской Федерации вступают в противоречие с концепцией обособленного

местного самоуправления [10, с. 43]. Формирование унифицированной системы управления, интегрирующей местные и федеральные структуры, подразумевает развитие органов местного самоуправления, адаптированных к российским реалиям. Данная модель, возможно, отличается от зарубежных аналогов, однако всесторонне отражает культурные, географические и аксиологические особенности Российской Федерации.

Итак, проведённый краткий анализ отдельных пунктов нового Федерального закона № 33–ФЗ демонстрирует необходимость тщательной работы по адаптации региональных и муниципальных нормативных актов в соответствии с его требованиями. На основании данного обстоятельства в августе 2025 г. депутатами было принято решение о вступлении нового Устава города Калуги в законную силу во исполнение требований законодательства РФ.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации при принятии решений должны принимать во внимание позицию муниципального сообщества. Внесение обоснованных корректировок представляется целесообразным. Вместе с тем, необходимо обеспечить сохранение преемственности, стабильности и предсказуемости в принятых решениях.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что обозначенная в статье система местного самоуправления представляет собой необходимый шаг в усовершенствовании российского муниципального законодательства. Для обеспечения эффективной деятельности органов муниципальной власти следует обращать внимание на соблюдение прав, интересов граждан. Представляется сконцентрировать внимание на устранении возможных заградительных барьеров для граждан, а также на создании возможностей для равного доступа к муниципальной службе. Эксперт-

ными сообществами отмечается приоритетное направление деятельности на будущие годы – повсеместное сбалансированное взаимодействие муниципальных и государственных органов. Через несколько лет выстроенная система муниципального самоуправления повысит авторитет местной власти среди граждан, что позволит уменьшить показатели преступности, безработицы, создавая обстоятельства, развивающие сотрудничество между властью и людьми, выдвижение различных инициатив, обеспечивают их комфортную жизнь населению.

Организация местного самоуправления подразумевает решение большинства локальных проблем гражданами, которые проживают на отдельных территориях. В этой связи данная территориальная самоорганизация местных жителей вынуждает учитывать специфику такого управления, которое проявляется в общедоступности и близости к населению. Дуализм муниципальной власти, её правовая природа требуют дальнейшего изучения данного феномена со стороны многочисленных исследователей. Среди основных опасений, вызовов, стоящих перед муниципальной отрасль права, называют её самостоятельность в связи с возрастающим числом полномочий, переходящим к субъектам РФ.

Стоит обозначить, что для эффективного функционирования представленной модели местного самоуправления, объединяющей в себе интересы органов государственных органов и местных властей, необходимо также создать управленческий механизм для решения обозначенных вопросов. Такой указанный нами баланс не допустит чрезмерной концентрации власти в одних руках и обеспечит сохранение демократических принципов на местном уровне.

Список литературы:

1. Васильев, В.И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления / В.И. Васильев // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 83–89.
2. Городская дума утвердила новую редакцию Устава Калуги // Весть. – 2025. – 26 августа. URL: <https://www.vest-news.ru/news/1000508688?ysclid=mg5kxcyr3i567942358> (дата обращения: 29.09.2025 г.).
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1–ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – 16 марта. – № 11. – Ст.1416.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. – 04.07.2020 г. – № 144.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.11.2021 № 50-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А.А. Афиногенова, В.А. Вольского // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – 6 декабря. – № 49 (ч. II). – Ст.8396.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 N 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Российская газета. – 2011. – 12 января. – № 89.
7. Степанов, М.М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 16. – С. 35–41.
8. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – 24 марта. – № 12. – Ст.1200.
9. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 29.09.2025 г.).
10. Чиркин, В.Е. Публичное управление «на местах»: некоторые вопросы российского и зарубежного опыта / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2014. – № 10. – С. 39–48.
11. Шугрина, Е.С. Читаем новый федеральный закон о местном самоуправлении / Е.С. Шугрина // Бюджет. – 2025. – № 6. – С. 10–13.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.40)"1850/1917":305-055.2

И. Б. Белова

**РЕЦЕНЗИЯ НА: КОБЛОВА Н. А.
ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ): ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК: 5.6.1 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ. ПЕНЗА: ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2025. – 332 С.**

Исследовательская проблема рецензируемой диссертации состоит в определении, насколько значимую роль играли женщины и женские объединения в формировании публичного пространства российской провинции второй половины XIX – начале XX вв., как менялись стратегии их реализации с течением времени. Рецензент, проанализировав все разделы диссертации, делает вывод о ее несомненной научной новизне, оригинальности и важности для дальнейшего развития российского направления *women studies*, понимания специфики вовлеченности женщин в формирование публичной сферы в провинциальном пензенском сообществе. Рецензент делает вывод о соответствии научной работы требованиям ВАК РФ.

Ключевые слова: женская история; фемининность; публичное пространство; Пензенская губерния; социально-правовой статус женщины; женское образование; социальное и духовно-нравственное служение женщин; модернизация.

I. B. Belova

**REC. AD OP: N. A. KOBLOVA
WOMEN IN THE PUBLIC SPACE OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE PENZA PROVINCE): DISSERTATION FOR THE DEGREE OF CANDIDATE OF HISTORICAL SCIENCES: 5.6.1 – RUSSIAN HISTORY. PENZA: PENZA STATE UNIVERSITY, 2025. – 332 P.**

The research problem of the reviewed dissertation is to determine how significant a role women and women's associations played in shaping the public space of the Russian province in the second half of the 19th and early 20th centuries, and how their strategies changed over time. After analyzing all the sections of the dissertation, the reviewer concludes that it is undoubtedly scientifically novel, original, and important for the further development of the Russian field of women studies and understanding the specifics of women's involvement in shaping the public sphere in the provincial community of Penza. The reviewer concludes that the scientific research corresponds to the requirements of the Federal Assessment Committee of Russian Federation.

Keywords: women studies; femininity; public space; Penza Province; women's socio-legal status; women's education; women's social and spiritual-moral service; and modernization.

Изучение участия женщин в общественной и культурной жизни России второй половины XIX – начала XX вв. сохраняет непреходящую актуальность в силу необходимости всестороннего осмысления процессов формирования гражданского общества. Диссертационное исследование Н. А. Кобловой «Женщины в публичном пространстве российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии)» восполняет важный пробел в отечественной историографии, раскрывая осо-

бенности включения женщин провинциального общества в публичную сферу и их вклад в социокультурную жизнь на примере указанного региона.

Объясняя актуальность исследования, значительное внимание соискатель уделяет социальной значимости разработки темы (с. 3–5). Действительно, оценка статуса женщины в социальных реалиях современной России занимает важное место и находится в фокусе государственной политики. Ещё одно подтверждение этому находим в повестке

Первого Международного форума «Женщины за сохранение традиций» (28–29 октября 2025 г., г. Москва), где, в числе прочего, был обозначен вектор на сохранение традиций благотворительности. В связи с этим нельзя не отметить своевременности научной рефлексии факторов и направленности происходящих изменений с учетом исторического опыта сохранения преемственности традиций женского социального и духовно-нравственного служения.

Формулировка объекта и предмета представляется точной и не вызывает вопросов. Говоря о территориальных рамках, автор очерчивает пространство, на котором происходили описываемые события. Вместе с тем, нуждаются в уточнении хронологические рамки исследования: что выбрано диссертанткой как верхняя и нижняя границы, очерчивающие контуры изыскания? Вероятно, при обозначении рамок следовало бы сделать их более четкими.

Очевидными достоинством диссертации является основательный подход к обзору литературы по изучаемой теме. Среди трудов, на которые ссылается Н. А. Коблова, работы известных ученых в области истории дореволюционной России, женской истории, истории повседневности, отличающиеся строгой научностью и обоснованностью выводов. Соискатель выявила недостаточную изученность женской представленности в публичном пространстве, особенно выраженную в региональном измерении, что дополнительно подчеркивает новизну предпринятого исследования.

В соответствии с этим Н. А. Коблова формулирует цель своей работы и ее задачи. Цель исследования заключается в системном анализе гендерной специфики формирования публичного пространства в российской провинции (на примере общественных инициатив и практик социального и духовно-нравственного служения, протестной активности женщин в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века). Поставленной цели соответствует ряд задач, последовательное решение которых должно привести к формированию целостного представления о той роли, которые сыграли женщины в формировании публичного пространства российской провинции.

Представляется важным акцентировать ключевые направления исследования, обозна-

чившие личный вклад автора в развитие исторической науки. На местном материале разработаны региональные аспекты эволюции фемининности, периодизации развития женского движения, типологии вовлеченности женщин в практики благотворительности, медицинской помощи, религиозной и общественной деятельности. В ходе исследования охарактеризована роль женщин в условиях адаптации провинциального общества к ситуации экстремальной повседневности, а также обосновано проявление гендерной толерантности как одной из черт провинциальной фемининности.

Положения, выносимые на защиту, являются результатом кропотливой научно-исследовательской работы, они выглядят обоснованно и убедительно, обладая известной научной новизной, как в части обобщения общеимперского материала, так и при выявлении региональной специфики. Диссертация написана научным языком, ее стиль и оформление отвечают требованиям, предъявляемым к научным сочинениям.

Таким образом, введение к диссертации соответствует общенаучным представлениям о принципах и методах исторического исследования, что характеризует Н. А. Коблову как зрелого и ответственного исследователя в области дореволюционной истории женского движения в России.

Структура основного содержания рецензируемой диссертации отражает постановку цели и задач исследования. Четко выражена последовательность изложения доказательной базы под вынесенные на защиту положения.

В первой главе «Факторы развития фемининности в публичной сфере России во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии)» (с. 66–146) характеризуются условия трансформации фемининности в российской провинции под воздействием модернизационных процессов. Эволюцию социально-политического положения женщин в Российской империи как фактор роста гражданской активности и самоорганизации женского населения автор прослеживает посредством последовательного анализа дискурса фемининности в юридических практиках и публицистике. Автор совершенно верно отмечает, что хотя формально российское законодательство признавало женщин дееспособными, на практике тем не менее сохранялся ряд ограничений, которые и задавали вектор эволюции правового статуса женщин (с. 67–68).

Отдельного внимания в русле данного исследования заслуживает характеристика положения крестьянок в изучаемый период. Автор показывает не только изменения в правовом положении женщин, но и в структуре общественных отношений – как менялись формы их участия в мирских сходах, в хозяйственной жизни (с. 79–81). Такая попытка проследить процесс становления гражданской субъектности женщин на низовом уровне заслуживает положительной оценки. Не вызывает сомнений и вывод автора, определяющий в качестве ключевых катализаторов установления равного положения женщин в решении общих мирских дел рост отходничества в регионе и, в особенности, мобилизационные кампании (с. 80).

Автор считает, что увеличение численности населения губернии при низком уровне индустриализации и урбанизации российской провинции способствовали накоплению протестного потенциала в среде патриархально ориентированного крестьянства (с. 90). Не менее важным фактором роста социальной активности женщин выступает их включенность в экономические процессы. По данным переписи населения 1897 г. выявлены сферы наибольшего женского присутствия: земледелие, служба частная (прислуга, подённая работа), изготовление одежды, обработка волокнистых веществ, богослужение православного вероисповедания, учебная и воспитательная деятельность, врачебная и санитарная деятельность. При этом в отдельных областях, таких как богослужебная деятельность и обработка волокон, численность женщин даже превышала мужскую (с. 91). Это подтверждает вывод о постепенном, хотя и неравномерном расширении женского трудового участия в экономике региона.

Анализ статистических данных позволил Н. А. Кобловой выявить факторы укрепления позиции женщин как ключевого адаптационного ресурса при переходе к обществу модерна: аграрное перенаселение и реактуализацию общинного архетипа, а также массовое изъятие трудоспособного мужского населения в ходе мобилизационных компаний в периоды военных конфликтов (с. 96–98).

Наиболее интересной частью первой главы представляется параграф 1.3, где автор переходит к непосредственной характеристике гендерной специфики эволюции публичного пространства в российской провинции. Первыми ростками институционализации публичного

в Пензенской губернии автор называет открытие духовных и светских училищ, появление первого профессионального учебного заведения, основание публичной библиотеки, зарождение практик духовно-нравственного служения и попечительства (с. 101–103). Появление нового типа акторов социального служения исследовательница связывает с возникновением первых добровольных ассоциаций в конце 1860-х годов (с. 103). Руководствуясь критерием воздействия факторов макроуровня, автор выделяет два этапа женской эмансипации в Пензенской губернии: конец 1860-х гг. – 1905 г. и 1905–1917 гг.). Данный вывод представляется достаточно обоснованным и не противоречит уже имеющимся разработкам проблематики на материалах других регионов.

В параграфе обозначены две модели социального служения, персонифицированные в личностях М. М. Киселевой и Л. А. Татищевой (с. 105–115), чьи общественные инициативы получают дальнейшую характеристику во второй главе. Хотелось бы особо отметить внимание исследовательницы к инициативам упомянутых фигур, органично вписывая в своё доказательное повествование значение данных паттернов поведения для формирования публичного пространства провинции.

Подчеркнем, что автор не исключает из поля исследования проявления оппозиционной активности женщин, выявляя признаки политизации женского движения (с. 121–131).

Во второй главе «Женский опыт социального служения в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии)» (с. 146–257) соискательница обращается к анализу женского социального служения, рассматривая инициативы в сфере образования, изменения представлений о фемининности в период военных конфликтов, а также формы духовно-нравственной деятельности. Первый параграф главы посвящен рассмотрению не только женского участия в развитии образования, но и анализу возможностей женщин к его получению. Вновь стоит указать на то, как автор выстраивает логику изложения: от общих тенденций (с. 146–151) через разработанные по региональным материалам аспекты (с. 151) к собственному анализу по рассматриваемой губернии и выводам (с. 152–154). Сделанное заключение о признании статуса женщины на nive просвещения (с. 166) соотносится с приводи-

мыми ранее данными об их занятости в учебной и воспитательной деятельности.

Особое место занимает в диссертации анализ женской активности в публичном пространстве в период военных конфликтов, в частности на примере деятельности Российского общества Красного Креста. Рассмотрение этого опыта позволяет выявить механизмы социальной мобилизации и самоорганизации, характерные для пореформенной России, а также показать, каким образом женщины осваивали новые формы общественной активности, укреплявшие сплочённость и гуманистические начала российского общества. Диссертант рассматривает практики подвижнической активности женщин в сфере благотворительности посредством финансового и деятельностного участия на примере «первых леди губернии», а также на уездном уровне (с. 183–184), что, впрочем, являлось обязанностью супругов губернаторов и было свойственно поэтому для всех регионов имперской России в военный период. На основе широкого материала делопроизводительной документации и местной периодической печати автор демонстрирует, что все дамские инициативы изначально не позиционировались как противовес мужским начинаниям (с. 184), что подтверждает п. 6 Положений, выносимых на защиту (с. 63).

Параграф 2.3 «Практики социального и духовно-нравственного служения в российской провинции» является самым объёмным в исследовании, в нём ставится акцент на представленности женщин в публичном пространстве российской провинции именно в сфере социального и духовно-нравственного служения. Такое авторское решение также научно подкреплено имеющимися исследованиями, что отмечено в тексте диссертации словами американского ученого А. Линденмайер, что «именно эта ниша дала доступную и социально поощряемую возможность русской женщине стать актором гражданского общества» (с. 208). Н. А. Коблова анализирует женскую включённость в социальную жизнь на примере коллективных практик, например, деятельности общин и монастырей (с. 209–217), а также индивидуальных стратегий, например через жизненный путь М. М. Киселевой. В реконструкции быта Киселевской богадельни (с. 223–245) автор применяет подходы, свойственные микроистории и истории повседневности, что расширяет методологическое поле исследования. Количественные данные систематизированы в

виде таблиц, составленных диссертантом на основе материалов архивных фондов и делопроизводительной документации, что повышает их научную значимость.

В заключении подведены итоги и концептуально изложены результаты исследования, которые логически взаимосвязаны с выносимыми на защиту положениями (с. 257–265). Принципиальное значение для понимания концепции исследования имеет вывод автора о том, что новыми формами гражданской активности в пореформенный период становится мобилизация ресурсов на попечение о больных и раненых воинах, а также развитие народного образования. Отдельного внимания заслуживает трансформация дискурса фемининности в периодической печати. Автором показано и доказано, что переломным для утверждения новой модели фемининности в публичном пространстве Пензенской губернии становится 1913 г. Изменение содержания и коннотации публикаций «Пензенских губернских ведомостей» свидетельствует о том, что тема гендерного равенства, особенно в сфере образования, приобретает характер самой передовой и популярной идеи.

Структура и содержание автореферата полностью соответствует диссертации и позволяет получить целостное представление о полученных результатах, выводах и положениях, выносимых автором на защиту.

Автор демонстрирует заинтересованность в теме и научный потенциал исследования посредством сделанных публикаций. Основные результаты диссертации нашли свое отражение в восьми статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Отдельные положения и выводы прошли апробацию в ходе всероссийских научных и научно-практических конференций, а также в публикациях, представленных в сборниках научных статей. Всего по теме исследования опубликовано 11 статей общим объёмом 8,35 п.л.

Несомненно, что результаты проведенной соискательницей работы могут быть востребованы в процессе последующих исследований междисциплинарного характера, написания курсов лекций по истории России и историческому краеведению.

Положительно оценивая диссертацию Н. А. Кобловой в целом, хотелось бы остано-

виться на отдельных положениях, требующих дополнительной проработки и уточнений:

1. Диссертант уделяет значительное внимание двум персоналиям: Л. А. Татищевой и М. М. Киселевой, показывая личные стратегии женской самореализации в региональном разрезе. С чем связан выбор именно этих персон в качестве показательных? В работе рассмотрены и другие женщины, и мы не умаляем данного вклада автора, однако встречаем упомянутые фамилии при характеристике автором научной новизны исследования, в задачах, в положениях, выносимых на защиту. На наш взгляд, необходимо дать детальное пояснение такому выбору.

2. В работе упомянута деятельность местного отделения Императорского Православного Палестинского общества, однако женское участие в нём представлено в основном активностью представительниц духовенства и благотворительными пожертвованиями М. М. Киселёвой. Такой фрагментарный характер вовлечённости женщин свидетельствует о необходимости более детального рассмотрения вопроса об их реальной включённости в деятельность Пензенского отдела. Представляется важным прояснить, имели ли возможность участвовать в работе общества горожанки и сельские жительницы, в каких формах это проявлялось и каковы были социальные и культурные ограничения подобного участия? Анализ этих аспектов позволил бы уточнить степень открытости религиозно-просветительских инициатив для женщин провинциального общества и дополнить картину формирования их публичной активности в конфессиональной сфере.

3. Восприятие образа и статуса женщины в рассматриваемую эпоху возможно проследить не только по материалам периодической печати, но и через художественную литературу. Между тем, в корпусе привлечённых источников данный пласт оказался полностью исключён. В этой связи представляется важным поставить вопрос: реагировала ли русская литература на изменение статуса и роли женщины в обществе, и если да, то каким образом эта реакция соотносилась с процессами, происходившими в социальной практике? Включение литературных источников в исследование могло бы существенно обогатить его культурно-антропологический

контекст и позволило бы проследить, как идеи женского образования, служения и эмансипации отражались в художественном сознании эпохи.

4. Автор употребляет понятия «публичное пространство» и «публичная сфера» в качестве взаимозаменяемых. Научная же традиция, идущая от Ю. Хабермаса, трактует понятие публичная сфера шире, включая в него все социальные коммуникации, посвященные политическим и общественно значимым вопросам, в том числе и публичное пространство. Хотелось бы получить аргументированное мнение автора на этот счет.

Тем не менее подчеркнём, что указанные замечания носят в большей степени уточняющий и рекомендательный характер, не затрагивая основных теоретических положений работы и не снижают общей положительной оценки рецензируемой диссертации.

Диссертация соответствует п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», а также пп. 12, 17, 18 и 24 паспорта научной специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Можно констатировать, что представленная диссертация «Женщины в публичном пространстве российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии)» является самостоятельной завершённой научно-квалификационной работой, отвечающей требованиям пунктов 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор, Наталия Андреевна Коблова заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афони́на Ольга Станиславовна – старший преподаватель кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: afoninaos@tksu.ru

Бари́нова Ксения Алексеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность. E-mail: barinovaka@tksu.ru

Безвико́нная Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры правоведения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета. E-mail: law@omgpu.ru

Белова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: belovaib@tksu.ru

Власов Александр Евгеньевич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Горячева Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований; старший научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: solo888@yandex.ru

Глазовский Владимир Валентинович – аспирант кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации; следователь по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях прошлых лет) СУ СК РФ по Калужской области. E-mail: Vladimir.glazovsky@yandex.ru

Еремичева Анна Сергеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: eremichevaas@tksu.ru

Ершов Константин Алексеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: ershovka@tksu.ru

Зайцева Марина Анатольевна – преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета. E-mail: Mari-zaiceva@mail.ru

Иванов Виталий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: madivasv@rambler.ru

Иванов Сергей Витальевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «История и обществознание». E-mail: IvanovSVit@studklg.ru

Иевлева Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: ievleva@klg.ranepa.ru

Ильяш Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IyashAV@tksu.ru

Ковалев Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: artem-v-kovalev@yandex.ru

Комарова Софья Игоревна – студентка факультета высшего образования Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); направление подготовки: 40.03.01. Юриспруденция. E-mail: sofya_komarova_2020@mail.ru

Комбарова Вероника Сергеевна – студентка Высшей школы права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: kombarova05@mail.ru

Кочетков Андрей Валентинович – кандидат социологических наук, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Факультета управления персоналом и государственной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: kochetkov-av@ranepa.ru

Кузнецов Алексей Николаевич – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: k_alexey@icloud.com

Курков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kurkovvv@tksu.ru

Лаптев Егор Валерьевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.05.04 Судебно-прокурорская деятельность. E-mail: laptevev@tksu.ru

Любинас Виталия Михайловна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями подготовки, профиль «История и иностранный язык». E-mail: amochkinavm@studklg.ru

Магомедова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. E-mail: Elena-magomedova@yandex.ru

Майорова Наталья Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: mao956@mail.ru

Мельникова Елизавета Алексеевна – студентка факультета высшего образования Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); направление подготовки: 40.03.01. Юриспруденция. E-mail: el.melnikova@yandex.ru

Мосягин Максим Николаевич – преподаватель Кировского индустриально-педагогического колледжа им. А.П. Чурилина, г. Киров (Калужская область). E-mail: maks78.kirov@yandex.ru

Панасюк Виктор Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: victor7777@mail.ru

Петренко Иван Андреевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: PetrenkoIA@tksu.ru

Печенцова Елизавета Сергеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: pechentsovaes@tksu.ru

Румянцева Марианна Олеговна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии. E-mail: m.rumynceva@customs-academy.ru

Танасийчук Яна Витальевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность. E-mail: tanasiychuky@tksu.ru

Тарасов Сергей Александрович – главный архивист Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГКУ ГАДНИКО). E-mail: tarlv@mail.ru

Тарасова Любовь Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: tarasovalv@tksu.ru

Уманцев Никита Валерьевич – ассистент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: umantsevnv@tksu.ru

Федоров Александр Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: fedorov.reg40@gmail.com

Харченко Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции проректор по учебной и научной работе Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации. E-mail: x.s.v.1@yandex.ru

Шелудяков Игорь Филиппович – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: otetsigor@bk.ru

Шкарупа Елена Александровна – студентка Омского государственного педагогического университета; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Право и история»; учитель БОУ г. Омска «Лицей №66». E-mail: shkarupa2003@mail.ru

Шляпников Александр Анатольевич – магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: shlyapnikov_aa@adm.kaluga.ru

Шмидт Вальдемар – магистр истории Регенбургского университета. E-mail: werdon-gar@gmx.de

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3. История. Политика. Право

Научный журнал

2025 № 2 (7)

Дата выхода в свет **10.02.2026**. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. 20. Тираж 500 экз.
Максимальный объём 180 страниц формата А4
Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского. 248023 Калуга, ул. Разина, 22/48.

Отпечатано «Наша Полиграфия». 248600 Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лицензия ПЛД № 42-29 от 23.12.99.

